

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 11 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Павленков Р.В., к.экон.н., доцент

Члены совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакишин В.С., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., доцент; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семьякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н.

Члены коллегии:

Андреев А.В., к.ю.н.; Бердникова О.П., к.ю.н.; Виноградова О.П., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гусев А.В., к.ю.н., доцент; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н.; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересади́на О.В., к.ю.н.; Плетникова М.С., к.ю.н., доцент; Родевич В.Ч., к.ю.н., доцент; Стельмах В.Ю., к.ю.н., доцент; Токарев Д.С., к.ю.н., доцент; Фалькина Т.Ю., к.ю.н., доцент; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь

Кудоярова Г.Р.

Редактор

Бибих И.Б.

Переводчик

Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли 12.00.00 – юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66
Тел./факс: (343) 331-70-64.

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 28.09.2020. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 12,0. Тираж 70 экз. Заказ № 52

Дата выхода в свет 30.09.2020. Свободная цена

BULLETIN № 3 (27) • 2020

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 11, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Pavlenkov R.V., cand. of economics, associate professor

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., dr. of law, professor; Balakshin V.S., dr. of law,

professor; Goncharov D.YU., dr. of law, associate professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor; Darmenov A.D., cand. of law,

associate professor; Karasyov A.T., dr. of law, professor;

Kodan S.V., dr. of law, professor; Majorov V.I., dr. of law, professor;

Osincev D.V., dr. of law, associate professor; Savos'kin A.V.,

dr. of law, associate professor; Semyakin M.N., dr. of law,

professor; Smykalin A.S., dr. of law, professor; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law

Members of the Editorial Board:

Andreev A.V., cand. of law; Berdnikova O.P., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law; Goloviznin A.V., cand. of law;

Gusev A.V., cand. of law, associate professor; Deryugin R.A., cand.

of law; Kokorin D.L., cand. of law, associate professor; Krysanov

A.V., cand. of law; Lappo E.A., cand. of law; Noskova Yu.B., cand.

of law, associate professor; Orlov K.A., cand. of law, associate

professor; Peresadina O.V., cand. of law; Pletnikova M.S., cand. of

law, associate professor; Rodevich V.Ch., cand. of law, associate

professor; Stelmakh V.Yu., cand. of law, associate professor;

Tokarev D.S., cand. of law, associate professor; Falkina T.Yu.,

cand. of law, associate professor; Schetinina N.V., cand. of law,

associate professor; Kharlamova A.A., cand. of law, associate

professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere 12.00.00 - legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640 The index E43226
Signed in the press on September 28, 2020. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 12.0. Uch.-ed.
L. 12.0 Edition 70 copies. Order No. 52
Date of publication on September 30, 2020. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2020

Содержание

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства

<i>Кудряшова Е.С.</i> О возвращении к исходной идее дознания	5
<i>Федосеева Е.Л.</i> Проблемные аспекты расследования уголовных дел в условиях пандемии коронавирусной инфекции в России	11
<i>Делль Д.А.</i> Некоторые проблемы, связанные с производством осмотра жилища, являющегося местом происшествия	14

Актуальные проблемы административного права и процесса

<i>Барабаш А.С., Бараковских С.А.</i> Процессуальные аспекты проведения экспертизы по делам об административных правонарушениях, производство по которым осуществляется в форме административного расследования	18
<i>Гусев А.В., Носенков А.П.</i> Исполнение должностными лицами органов внутренних дел (полиции) административного наказания в виде административного штрафа: вопросы правоприменения	23
<i>Осинцев Д.В.</i> Принудительный потенциал норм административного права	28

Взгляд со стороны: анализ законодательства зарубежных стран

<i>Сизова В.Н.</i> Развитие системы наказаний за уголовные проступки по законодательству стран Ближнего зарубежья	36
<i>Мойсевич А.С.</i> Об обеспечении права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь	40

Вопросы криминалистики

<i>Бердникова О.П., Ржанникова С.С.</i> Особенности возбуждения уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации и типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования	46
<i>Вишневская Т.И.</i> Оптимизация форм и методов специально-криминологического предупреждения геронтологической преступности	50
<i>Дерюгин Р.А., Файсханов И.Ф.</i> К вопросу о криминалистическом исследовании видеозаписи в условиях развития цифровой криминалистики	56
<i>Тагиров Р.А.</i> Типичные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества в сфере кредитования	62

Основные тенденции государственно-правового развития

<i>Карасев А.Т., Савоськин А.В.</i> Дополнительные гарантии реализации конституционного права граждан на обращение в субъектах Российской Федерации	69
<i>Мещерягина В.А., Крысанов А.В.</i> Рассмотрение обращений граждан и предоставление квалифицированной юридической помощи сотрудниками МВД России: вопросы теории и практики	75

Проблемы теории права

<i>Смыкалин А.С.</i> Рецензия на монографию: Иванов Д.В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах (СПб.: Юридический центр, 2018. 480 с.)	81
<i>Чашников В.А.</i> Деятельность органов милиции по борьбе с хищениями и злоупотреблениями, связанными с продовольственными карточками, в годы Великой Отечественной войны (на примере Свердловской области)	85

Теория и практика борьбы с преступностью

<i>Иванов С.И.</i> Роль оперативно-розыскного обеспечения при проведении оперативно-профилактических операций органами внутренних дел	90
<i>Лаппо Е.А., Любинин Е.М., Кучук М.В.</i> Нейтрализация противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел (некоторые теоретические и практические аспекты)	95

Уголовное право и уголовная политика

<i>Григорьева И.В.</i> Уголовно-правовые вопросы обеспечения бюджетной безопасности в России	101
<i>Егорова Т.И.</i> Теоретические и прикладные аспекты квалификации преступлений, совершенных в местах лишения свободы	105
<i>Ермакова О.В.</i> Недостатки законодательных конструкций составов взяточничества (статьи 290–291 ² Уголовного кодекса Российской Федерации)	110
<i>Макеева И.С., Сорокун Н.С.</i> Особенности квалификации оставления в опасности, обусловленные признаками объективной стороны	114
<i>Сабанин С.Н., Бадалян К.О.</i> К вопросу о квалификации действий иных владельцев объектов электросетевого хозяйства за незаконное взимание денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии	119
<i>Токарев Д.С., Ефимов И.А.</i> Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 322 ² Уголовного кодекса Российской Федерации, совершаемого должностным лицом	124

Экстремизм: теория и практика противодействия

<i>Михеева С.Н., Скипский Г.А.</i> Феномен праворадикального экстремизма в странах Европы и США и проблемы противодействия ему органов государственной власти на современном этапе	129
--	-----

Contents

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation	
<i>Kudryashova E.S.</i> Returning to the original idea of inquiry	5
<i>Fedoseeva E.L.</i> Problematic aspects of criminal investigation in the context of the coronavirus pandemic in Russia	11
<i>Dell D.A.</i> Some problems related to conducting an inspection of a dwelling that is the scene of an accident	14
Topical problems of administrative law and process	
<i>Barabash A.S., Barakovskikh S.A.</i> Procedural aspects of conducting an examination in cases of administrative offenses proceeding in which is performed in the form of administrative investigation	18
<i>Gusev A.V., Nosenkov A.P.</i> Execution by officials of internal affairs bodies (police) of administrative punishment in the form of an administrative fine: issues of law enforcement	23
<i>Osintsev D.V.</i> Coercive potential of administrative law norms	28
View from the outside: analysis of the legislation of foreign countries	
<i>Sizova V.N.</i> Development of a system of penalties for criminal misconduct under the laws of neighboring countries	36
<i>Moisevich A.S.</i> On ensuring the right of protection at the stage of exciting a criminal case in the Republic of Belarus	40
Questions of criminalistics	
<i>Berdnikova O.P., Rzhannikova S.S.</i> Features of criminal cases of fraud in the field of computer information and typical investigative situations at the initial stage of the investigation	46
<i>Vishnevskaya T.I.</i> Optimization of forms and methods of special-criminological prevention of gerontological crime	50
<i>Deryugin R.A., Fayskhanov I.F.</i> On the issue of forensic research of video recordings in the context of the development of digital criminology	56
<i>Tagirov R.A.</i> Typical Initial Credit Fraud Investigation Situations	62
The main trends of state and legal development	
<i>Karasev A.T., Savoskin A.V.</i> Additional guarantees of the constitutional right of citizens to appeal in the subjects of the Russian Federation	69
<i>Meshcheryagina V.A., Krysanov A.V.</i> Consideration of citizens' appeals and provision of qualified legal assistance by the Ministry of internal Affairs of Russia: theory and practice	75
Problems of theory of law	
<i>Smykalin A.S.</i> Review of the monograph: Ivanov D. V. State and legal concept and practice of combating crime in the North-West of the RSFSR in 1917–1991 (Saint Petersburg: Legal Center, 2018. 480 p.)	81
<i>Chashnikov V.A.</i> The activities of the police in the fight against theft and abuse associated with food ration cards during the Great Patriotic War (on the example of the Sverdlovsk region)	85
Theory and practice of combating crime	
<i>Ivanov S.I.</i> The role of operative investigative provision of internal affairs agencies' operational-preventive actions	90
<i>Lappo E.A., Lyubinin E.M., Kuchuk M.V.</i> Neutralization of counteraction to criminal disclosure and investigation of criminal cases (theoretical and practical aspects)	95
Criminal law and criminal policy	
<i>Grigorieva I.V.</i> Criminal law issues of implementation budget security in Russia	101
<i>Egorova T.I.</i> Theoretical and applied aspects of qualification of crimes committed in places of imprisonment	105
<i>Ermakova O.V.</i> Disadvantages of legislative structures for bribery (Articles 290–291 ² of the Criminal Code)	110
<i>Makeeva I.S., Sorokun N.S.</i> Characteristics of the qualification of leaving in danger due to the features of the objective side	114
<i>Sabanin S.N., Badalyan K.O.</i> To the question of qualification of actions of other owners of electric grid facilities for illegal collection of funds from end users for non contractual electricity consumption	119
<i>Tokarev D.S., Efimov I.A.</i> Features of qualification of the crime made by executive noted in the article 322 ² of the Criminal code of Russian Federation	124
Extremism: theory and practice of counteraction	
<i>Mikheeva S.N., Skipskiy G.A.</i> The phenomenon of radical right-wing extremism in the countries of Europe and the USA and the problems of counteraction to it by state authorities at the present stage	129

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of Russia» reference to the journal is obligatory.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343.13

О возвращении к исходной идее дознания

Кудряшова Елена Семеновна,
Нижегородская академия МВД России
e-mail: uvd95@yandex.ru

Непрекращающиеся в научных кругах дискуссии о соотношении двух форм предварительного расследования – дознания и предварительного следствия – явились основой для изучения проблемы повышения качества и эффективности досудебного производства и выработки предложений по гармонизации указанных форм. В статье проведен анализ применения протокольной формы досудебной подготовки материалов; норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих производство дознания, закрепленных в гл. 32 и 32.1 УПК РФ. С учетом правоприменительной практики предложено и обосновано нововведение по гармонизации форм и повышению эффективности досудебного производства, заключающееся в ограничении срока дознания, целесообразности принятия органами дознания решений о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям, возможности передачи уголовных дел из подразделений дознания в органы предварительного следствия для их дальнейшего производства и окончания.

Ключевые слова: протокольная форма; сокращенная форма дознания; эффективность досудебного производства; упрощенное производство; гармонизация форм расследования.

Returning to the original idea of inquiry

Kudryashova Elena Semenovna,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of Russia

Ongoing discussions in the scientific community on the relationship between the two forms of preliminary investigation: inquest and preliminary investigation were the basis for studying the problem of improving the quality and efficiency of pre-trial production and developing proposals for harmonization of the two forms. The article analyzes the use of protocol form of pre-trial preparation of materials, rules of criminal procedure law governing the production of the inquiry, enshrined in chapters 32 and 32.1 of the Code of Criminal Procedure. In the light of law enforcement practice, an innovation has been proposed and justified to harmonize the forms and improve the efficiency of pretrial proceedings by limiting the duration of the initial inquiry, making it advisable for the agencies conducting the initial inquiry to take decisions on whether to terminate criminal cases on unreliable grounds and the possibility of transferring criminal cases from the agencies conducting the initial inquiry to the pretrial investigation agencies for further processing and completion.

Key words: protocol form; reduced form of inquiry; efficiency of pre-trial proceedings; simplified proceedings; harmonization of forms of investigation.

Изучение проблемы повышения эффективности досудебного уголовного судопроизводства занимает немаловажное место в исследованиях ученых и правоприменителей. Одним из ключевых моментов в настоящее время является выработка предложений по ускорению хода уголовного процесса и гармонизации двух форм предварительного расследования – дознания и предварительного следствия.

Существовавший практически 17 лет (с 1985 по 2002 г.) институт протокольной формы досудебной подготовки материалов представлял собой упрощенный порядок производства по уголовным делам по определенным категориям преступлений, которые не представляли повышенной общественной опасности¹. Суть сводилась к следующему: в течение 10 суток с момента поступления заявления, сообщения о правонарушении органы дознания осуществляли досудебное производство, в ходе которого устанавливали обстоятельства его совершения и данные о лице, привлекаемом к ответственности. Такие обстоятельства могли быть получены в ходе некоторых процессуальных действий, включая одно следственное действие – осмотр места происшествия. Без избрания меры пресечения правонарушителю по окончании производства в отношении него составлялся протокол об обстоятельствах совершенного правонарушения. После ознакомления этого лица с материалами и утверждения протокола начальником органа дознания процессуальные документы направлялись сначала прокурору, а при санкционировании этим должностным лицом протокола – в суд. Судья принимал решение либо о возбуждении уголовного дела, признав материалы достаточными для рассмотрения в судебном заседании, либо об отказе в его возбуждении – без наличия достаточных оснований.

Принятое впоследствии Конституционным Судом РФ решение о признании противоречащей основному закону страны нормы, касающейся возбуждения уголовных дел судами, свело на «нет» этот правовой институт². Мы солидарны с мнением Т. В. Трубниковой, считающей, что особенности такого производства, выразившиеся в порядке, условиях, формах осуществления уголовно-процессуальной деятельности, повлекли ускорение и удешевление судопроизводства³. Н. А. Власова справедливо заметила, что эта форма, основанная на идее целесообразности упрощенного производства, успешно выдержала ис-

пытание временем. Ее нормативное устранение было непродуманно опрометчивым, не соответствовало требованиям международно-правовых стандартов, направленных на гарантирование эффективного и упрощенного уголовного процесса⁴.

Мы считаем, что данная упрощенная форма способствовала повышению результативности деятельности органов дознания, в достаточной мере сократив время между совершенным противоправным деянием и разрешением уголовного дела судом.

Следующий шаг законодателя, направленный в сторону процессуальной экономии при производстве дознания, закрепленный в новой редакции УПК РФ 2001 г.⁵, предполагал, что дознаватели могли расследовать только преступления, совершенные установленными лицами на момент возбуждения уголовных дел. Сроки производства были ограничены 15 сутками с допустимостью продления на 10 суток. В случае невозможности окончания дознания в течение 25 суток уголовное дело подлежало передаче в орган предварительного следствия для его дальнейшего производства. Такая практика просуществовала около 5 лет (с 2002 по 2007 г.).

Тогда дознаватель выбирал путь смены формы предварительного расследования: как по причине отсутствия дальнейшей возможности продления сроков, так и в силу недопустимости принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу. Прокурор поручал следователю дальнейшее расследование в форме предварительного следствия. Следователи оказались в очень трудном положении, осуществляя производство по следующим категориям уголовных дел: 1) подследственным органам предварительного следствия; 2) возбужденным в условиях неочевидности, относящимся к компетенции дознания; 3) в дополнение к ним – с установленными лицами, по которым истекли сроки для производства дознания.

В результате такой практики следователи оказались «заложниками» нормативного регулирования уголовно-процессуальных правоотношений органов предварительного расследования, сложившихся в этот период времени. Негативность правоприменения, легитимность которого обосновывалась нормами уголовно-процессуального законодательства, отмечалась и учеными, и практиками, стала камнем преткновения между подразделениями следствия и дознания. Без сомнения, правоприменительная практика, сложившаяся в период с 2002 по 2007 г., показала низкую эффективность деятельности органов предварительного следствия.

В конечном итоге законодатель вернул дознанию позиции, касающиеся возбуждения уголовных дел в

¹ См.: Хупсергенов Х. М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 97–100.

² По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Российская газета. 1996. 6 дек.

³ См.: Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 143–144.

⁴ См.: Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 3.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

условиях неочевидности. Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ»¹ введена норма, в соответствии с которой дознание производится по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, независимо от установления лица, совершившего преступление, на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела. Этим же законом закреплено нововведение, касающееся сроков дознания: 30 суток с момента возбуждения уголовного дела с возможностью продления прокурором до 30 суток (ч. 3 ст. 223 УПК РФ). Максимальный срок мог быть установлен до 6 месяцев (ч. 4 ст. 223 УПК РФ), а в исключительных случаях – до 12 месяцев (ч. 5 ст. 223 УПК РФ).

Дальнейшие попытки законодателя решить проблему упрощения дознания были реализованы в нормах главы 32.1 УПК РФ, введившей институт сокращенной формы дознания. По мнению Е. А. Доли, упрощения в доказывании при сокращенной форме расследования привели к нарушению принципа упрощения, согласно которому допускается изменение явления в любых объемах, но при обязательном сохранении его сущности².

К основным недостаткам института дознания в сокращенной форме можно отнести следующие³: императивное правило о допустимости производства сокращенного дознания только в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; исполнение такого производства только при обязательном согласии потерпевшего; формализованные сроки заявления ходатайства о сокращенном дознании со стороны подозреваемого; существование законодательных требований, снижающих срок этого дознания; зачет времени ознакомления с материалами уголовного дела в срок сокращенного дознания; принятие норм, не оказывающих по существу никакого влияния на процедуру упрощения доказывания.

Правоприменительная практика показала, что сокращенное дознание насыщено процедурами, которые противоречат смыслу упрощенного судопроизводства. Так, например, неопределенность статуса сведений, полученных и закрепленных до возбуждения уголовного дела, а также низкое качество материалов доследственной проверки, вынуждают дознавателей закреплять имеющиеся данные производством новых следственных и иных процессуальных действий. В довершение всего переход из общего на сокращенный порядок дознания оценивается дознавателями как возможность относительно легитимного основания увеличения фактического срока расследования, при этом сущность рассматриваемого института ставится под сомнение.

¹ Российская газета. 2007. 9 июня.

² См.: Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46.

³ См.: Лапатников М. В., Кудряшова Е. С., Шаутаева Г. Х. Сокращенная форма дознания: проблемы практики // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 68–76.

Тем не менее, такая форма дознания функционирует и получила широкое распространение. Так, например, в 2018 г. в производстве дознавателей органов внутренних дел находилось 1 150,4 тыс. уголовных дел, из них в сокращенной форме – 106,9 тыс., что составляет 9,3 % от общего количества дел (в сравнении: 2017 г. – 1 210,8 тыс. / 106,9 тыс. (8,8 %); 2016 г. – 1 341 тыс. / 97,5 тыс. (7,3 %); 2015 г. – 1 281,2 тыс. / 62,3 тыс. (4,9 %)). Доля уголовных дел, направленных в суд с обвинительным постановлением, от общего количества уголовных дел, направленных в суд, в 2018 г. составила 28 % (2017 г. – 26,1 %; 2016 г. – 22 %; 2015 г. – 13,3 %).

Следовательно, несмотря на недостатки, присущие сокращенному дознанию, наметилась тенденция к ежегодному увеличению количества уголовных дел, расследованных в таком упрощенном порядке. Руководством МВД России производство дознания в сокращенной форме рассматривается как значимое направление деятельности, позволяющее эффективно реагировать на сообщения о преступлениях, в сжатые сроки оканчивать уголовные дела.

По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (далее – ЕМИСС)⁴, дознавателями МВД России в 2019 г. принято к производству 1 029,9 тыс. уголовных дел (в сравнении: 2018 г. – 1 049,1 тыс.; 2017 г. – 1 104,6 тыс.), при этом окончено (т. е. направлено в суд или прекращено) – 393,9 тыс. (2018 г. – 412,6 тыс., 2017 г. – 444 тыс.). Следовательно, в среднем только по 40 % уголовным делам от количества принятых к производству принимаются окончательные решения. По остальным 60 % уголовных дел дознаватели вынуждены принимать иные промежуточные решения: о приостановлении производства на основании ч. 1 ст. 208 УПК РФ, передаче по подследственности, дальнейшем продлении срока дознания, а значит, переходе в следующий отчетный период, и т. п.

Анализ статистических данных деятельности следственных органов системы МВД России свидетельствует о незначительном отрыве от подразделений дознания в количестве принятых к производству уголовных дел: 2019 г. – 1 458,6 тыс., 2018 г. – 1 412,5 тыс., 2017 г. – 1 446,7 тыс. В то же время только около 21–23 % от числа принятых к производству оканчивается производством: 2019 г. – 306,9 тыс., 2018 г. – 320,2 тыс., 2017 г. – 332,5 тыс. уголовных дел. Эти показатели по окончанным уголовным делам значительно ниже, чем для подразделений дознания.

Обоснованием сложившейся тенденции может служить сложность и многоэпизодность уголовных дел, находящихся в производстве следователей, в которых зачастую несколько подозреваемых (обвиняемых), а преступления совершены в крупном или особо крупном размере. Тем не менее эти данные в целом свидетельствуют о более высокой результа-

⁴ Информация о следственной работе и дознании: данные Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 20.04.2020).

тивности и эффективности работы подразделений дознания.

Вместе с тем потенциал дознания до сих пор остается незадействованным в полном объеме. Прежде всего, это выражается в небольшом количестве прекращенных уголовных дел¹, несмотря на то, что законодательно этот вопрос урегулирован. Причина тому – встроенность всех правоохранительных органов в ведомственные системы оценки и, следовательно, зависимость результатов работы от критериев и показателей, установленных нормативной базой. Деятельность подразделений следствия и дознания, занимающихся производством предварительного расследования, впрочем, как и большинства других, связанных с выявлением, раскрытием преступлений, «подчинена» ведомственной оценке оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Система оценки за последние десятилетия неоднократно менялась, однако зависимость любого подразделения от количественных и качественных показателей, сформированных в этой системе, осталась.

Кратко ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: подчиненность «палочной» системе или «статистика ради статистики». 100 % опрошенных руководителей, чьи подразделения обеспечивают противодействие преступности, подтверждают эти высказывания².

Количественный показатель прекращенных уголовных дел в деятельности органов дознания еще несколько лет назад считался отрицательным. В настоящее время в оценке эффективности он исключен, преобладают иные оценочные показатели, в частности: удельный вес уголовных дел, направленных в суд в сокращенной форме (положительный), от общего числа уголовных дел, направленных в суд; удельный вес уголовных дел, расследованных в сроки свыше предусмотренных УПК РФ (т. е. сроки по которым продлены – отрицательный); удельный вес уголовных дел, приостановленных производством, от числа расследованных (отрицательный) и т. п.

В. П. Божьев, В. В. Урбан совершенно справедливо отмечают, что сложившаяся система оценки способствует безоговорочному принятию решения о направлении уголовного дела в суд при должной доказательственной базе, хотя уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены иные варианты окончания дел. В результате увеличивается нагрузка и на судебные органы, и на органы предварительного расследования. Парадоксально, что правоприменительная практика уголовно-процессуального законодательства в большей степени зависит от ве-

домственной системы оценки, а не от самих требований закона³.

Уголовно-правовая политика в России идет по пути либерализации и гуманизации уголовного закона, дифференциации и упрощения уголовного судопроизводства, расширения принципа диспозитивности в уголовном процессе⁴.

Важными направлениями в повышении эффективности деятельности органов дознания руководство МВД России считает следующие: улучшение состояния законности, повышение качества производства дознания, увеличение практики прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Приоритетные варианты прекращения уголовных дел – в связи с деятельным раскаянием подозреваемого (обвиняемого), примирением сторон, назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Ежегодно активизируется практика прекращения уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Если в 2018 г. в суд направлено почти 4 тыс. уголовных дел с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в порядке ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, то в 2019 г. – уже 8,7 тыс. уголовных дел, то есть в 2,2 раза больше⁵.

Проанализировав установленные законодателем нормы, касающиеся производства дознания, мы рекомендуем иное нормативно-правовое регулирование правоотношений органов следствия и дознания⁶.

Считаем, что нужно использовать внутренний потенциал дознания как упрощенного производства. При обязательном соблюдении требований законодательства должен быть выбран наиболее целесообразный вариант окончания производства по делу. Прекращение по нереабилитирующим основаниям может стать основным способом разрешения бесспорного уголовного дела. Возвращение к исходной идее дознания как упрощенного предварительного расследования, представляющего собой альтернативу полноформатному предварительному следствию, – способ реализации уголовной ответственности,

³ См.: Божьев В. П., Урбан В. В. Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 81–88.

⁴ См.: Русман Г. С. Процессуальный характер поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2011. № 43 (302). С. 67–72.

⁵ Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2018, 2019 годы.

⁶ См.: Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 13, 116.

¹ По данным ЕМИСС, дознавателями МВД России в 2019 г. прекращено 61,4 тыс. уголовных дел, что составляет 15,6 % от числа оконченных производством, в 2018 г. – 50,1 тыс. (12,2 %), 2017 г. – 56,4 тыс. (12,7 %) уголовных дел.

² См.: Попова О. А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 75–78.

включая применение мер юридической ответственности, альтернативных уголовному наказанию.

При сохранении действующей позиции о возбуждении уголовных дел, относящихся к подследственности органов дознания, мы предлагаем не вносить изменения в ч. 1, 2 и 3 ст. 223 УПК РФ, т. е. в те нормы уголовно-процессуального законодательства, которые устанавливают порядок и сроки дознания: в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела с дальнейшим продлением прокурором еще на 30 суток, а всего до 60 суток. Следовательно, максимальный срок дознания не должен превышать 60 суток.

Удельный вес уголовных дел, оконченных свыше срока, установленного УПК РФ, ежегодно составляет от 33 до 37 % от общего количества уголовных дел, оконченных в форме дознания. При этом половина этих дел расследуется в срок до 60 суток. Только около 18 % уголовных дел ежегодно оканчивается в более поздние сроки. Данные показатели с достоверной точностью приведены Б. Я. Гавриловым в его исследовании¹.

Дальнейшее продление сроков дознания считаем нецелесообразным, а потому при невозможности окончания дознания в этот период времени уголовное дело надлежит направить в следственный орган для дальнейшего расследования в форме предварительного следствия. Наконец, при возобновлении производства по уголовному делу в любом случае срок производства дополнительного дознания не может превышать 10 суток со дня принятия дознавателем уголовного дела к своему производству.

Поскольку идея упрощения дознания так или иначе базируется на возможности оперативного разрешения уголовных дел, которое достигается быстротой принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу, данные положения считаем справедливыми и обоснованными. Кроме того, нам представляется важным сохранение полномочий в случае необходимости приостановления производства по уголовным делам дознавателями.

Наши рассуждения обоснованы следующими положениями. Во-первых, личный многолетний опыт работы в подразделениях следствия и дознания, в том числе 12-летний стаж службы в должности начальника подразделения дознания территориального органа внутренних дел, позволяют сделать вывод о том, что значительная часть уголовных дел оканчивается именно в этот период времени. Во-вторых, количество оконченных уголовных дел (направленных в суд и прекращенных), приостановленных производством, так или иначе, влияет на общую оценку эффективности оперативно-служебной деятельности органов дознания и предварительного следствия, поэтому заинтересованность со стороны их руководства в быстрейшем окончании уголовных дел вели-

ка. В-третьих, и самое важное, нагрузка на 1 штатную единицу подразделения дознания значительно превышает этот критерий следственных подразделений. Так, по официальным данным ГИАЦ МВД России, в 2018 г. нагрузка на 1 штатную единицу в подразделениях дознания МВД России по принятым к производству уголовным делам составила 50 (2017 г. – 53), а в подразделениях следствия МВД России – 31,6 (2017 г. – 32,3); по оконченным делам (т. е. прекращенным и направленным в суд) в ОД – 19,7 (2017 г. – 21,3), в СО – 7,2 (2017 г. – 7,4); по расследованным делам (т. е. оконченным и приостановленным) в ОД – 40,8 (2017 г. – 43,4), в СО – 25,2 (2017 г. – 25,8)².

Наши выводы являются универсальными для всех органов дознания, что подтверждается статистическими данными. Так, например, по данным ЕМИСС, в 2018 и 2019 гг. удельный вес уголовных дел, принятых к производству дознавателями МВД России, составляет 94,1 % от общего числа уголовных дел всех органов дознания (МВД России, МЧС России, ФСБ России, ФССП России, ФТС России), поэтому наши выводы и предложения относительно дознания МВД России могут быть применимы для всех правоохранительных структур, расследующих уголовные дела в форме дознания³.

Наши предложения мы сформулировали следующим образом:

- 1) используя в полном объеме внутренние ресурсы дознания, необходимо сменить приоритеты деятельности: от «погони» за количественными показателями по направлению уголовных дел в суд – к основному способу разрешения бесспорных уголовных дел – прекращению по нереабилитирующим основаниям, в том числе с применением ст. 25.1 УПК РФ;
- 2) установить максимальный срок дознания в 60 суток, в случае невозможности принять окончательное решение в этот период времени – осуществлять передачу уголовного дела с согласия надзирающего прокурора в орган предварительного следствия для дальнейшего расследования;
- 3) при возобновлении производства по уголовному делу срок дополнительного дознания не может превышать 10 суток со дня принятия дознавателем уголовного дела к своему производству.

Таким образом, на наш взгляд, некое возвращение к исходной идее дознания будет способствовать гармонизации двух форм досудебного производства, а следовательно, максимально обеспечит право граждан на доступ к быстрому и эффективному правосудию.

Библиографический список

1. Божьев В. П. Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной

¹ См.: Гаврилов Б. Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 9–15.

² Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2017–2018 гг.

³ Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2018, 2019 годы.

деятельности / В. П. Божьев, В. В. Урбан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С. 81–88.

2. Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Власова. – Москва, 2001. – 405 с.

3. Гаврилов Б. Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства / Б. Я. Гаврилов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (36). – С. 9–15.

4. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е. А. Доля // Российский судья. – 2013. – № 6. – С. 43–46.

5. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / Е. С. Кудряшова. – Нижний Новгород, 2020. – 262 с.

6. Лапатников М. В. Сокращенная форма дознания: проблемы практики / М. В. Лапатников, Е. С. Кудряшова, Г. Х. Шаутаева // Уголовный процесс. – 2016. – № 10. – С. 68–76.

7. Попова О. А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений / О. А. Попова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – С. 75–78.

8. Русман Г. С. Процессуальный характер поощрительных правоотношений в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы / Г. С. Русман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. – 2011. – № 43 (302). – С. 67–72.

9. Трубникова Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Трубникова. – Томск, 1998. – 264 с.

10. Хупсергенов Х. М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое / Х. М. Хупсергенов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 97–100.

5. Kudryashova E. S. Obespechenie kachestva doznaniya v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk / E. S. Kudryashova. – Nizhnij Novgorod, 2020. – 262 s.

6. Lapatnikov M. V. Sokrashchennaya forma doznaniya: problemy praktiki / M. V. Lapatnikov, E. S. Kudryashova, G. H. SHautaeva // Ugolovnyj process. – 2016. – № 10. – S. 68–76.

7. Popova O. A. Ocenka effektivnosti deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov i kachestvo rassledovaniya prestuplenij / O. A. Popova // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 1–1. – S. 75–78.

8. Rusman G. S. Processual'nyj harakter pooshchritel'nyh pravootnoshenij v ugovnom sudoproizvodstve: postanovka problemy / G. S. Rusman // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo. – 2011. – № 43 (302). – S. 67–72.

9. Trubnikova T. V. Uproshchennye sudebnye proizvodstva v ugovnom processe Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk / T. V. Trubnikova. – Tomsk, 1998. – 264 s.

10. Hupsergenov H. M. Protokol'naya forma dosudebnoj podgotovki materialov po ugovnym delam: vzglyad v proshloe / H. M. Hupsergenov // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 8. – S. 97–100.

Bibliograficheskij spisok

1. Bozh'ev V. P. Vliyaniye vedomstvennoj sistemy ocenki na effektivnost' ugovno-processual'noj deyatel'nosti / V. P. Bozh'ev, V. V. Urban // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (87). – S. 81–88.

2. Vlasova N. A. Problemy sovershenstvovaniya form dosudebnogo proizvodstva v ugovnom processe: dis. ... d-ra jurid. nauk / N. A. Vlasova. – Moskva, 2001. – 405 s.

3. Gavrilov B. YA. O sootnoshenii processual'nyh srokov v dosudebnom proizvodstve i razumnogo sroka ugovnogo sudoproizvodstva / B. YA. Gavrilov // Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 3 (36). – S. 9–15.

4. Dolya E. A. Osobennosti dokazyvaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoj forme / E. A. Dolya // Rossijskij sud'ya. – 2013. – № 6. – S. 43–46.

Проблемные аспекты расследования уголовных дел в условиях пандемии коронавирусной инфекции в России

Федосеева Елена Леонидовна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: fel78@mail.ru

В статье исследуются особенности предварительного расследования в период распространения новой коронавирусной инфекции, а также некоторые проблемы возбуждения уголовных дел, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил; предложен ряд рекомендаций по организации расследования уголовных дел.

Ключевые слова: расследование уголовных дел; проверка сообщения о преступлении; пандемия; коронавирус; инфекция; санитарно-эпидемиологические правила.

Problematic aspects of criminal investigation in the context of the coronavirus pandemic in Russia

Fedoseeva Elena Leonidovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

The article examines the features of the preliminary investigation during the spread of a new coronavirus infection, as well as some problems of initiating criminal cases related to violations of sanitary and epidemiological rules, and offers a number of recommendations for the organization of criminal investigations.

Key words: Investigation of criminal cases; verification of reports of crime; pandemic; coronavirus; infection; sanitary and epidemiological rules.

Сегодня весь мир борется со всем уже известной коронавирусной инфекцией, которой 11 февраля 2020 г. Всемирная организация здравоохранения присвоила официальное название COVID-19¹. Ее опасность заключается не только в вероятности смертельного исхода заболевания, но и в способах передачи – контактным и воздушно-капельным путем, что обуславливает количество зараженных и масштабность ее распространения по всему миру. Только на территории нашей страны ежедневно выявляют около 5–6 тысяч заражений COVID-19. При этом стоит отметить невероятную способность вируса к распространению.

Безусловно, кроме отсутствия опыта лечения и вакцины, данному феномену способствует множество причин, наиболее значимыми из которых являются безответственное отношение людей к происходящим процессам в обществе, неэффективное действие

правовых норм, регулирующих общественные отношения в области распространения инфекций, а также отсутствие методики расследования преступлений данной категории.

Перечисленные обстоятельства позволяют сделать выводы, указывающие на актуализацию рассматриваемой проблемы, поскольку дальнейшее увеличение количества заболевших обострит вопросы обеспечения безопасности, сохранения здоровья граждан и развития экономической ситуации в стране.

На сегодняшний день государство принимает множество мер, направленных на борьбу с этим недугом. Наиболее эффективной из них выступает ужесточение на законодательном уровне ответственности за распространение вирусной инфекции. Так, 1 апреля 2020 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации введена статья 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»², которая пред-

¹ Наименование заболевания, вызванного коронавирусом COVID-19, и вирусного возбудителя [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://who.int> (дата обращения: 24.04.2020).

² Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса

усматривает ответственность за нарушение указанных правил, повлекшее за собой по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий, а также смерть людей.

В свою очередь, у следователей органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации, которым сейчас, в соответствии со ст. 151 УПК РФ, подследственны данные преступления, возникает ряд проблем, препятствующих полному и эффективному расследованию.

Первой и самой очевидной проблемой выступает отсутствие опыта расследования таких уголовных дел, правоприменительной практики и методики, что во многом объясняется новизной введенной нормы. Сложность для правоохранительных органов к тому же заключается в доказывании и организации расследования на первоначальном этапе производства по уголовному делу.

Так, следователи на стадии возбуждения уголовного дела обязаны доказать факт того, что подозреваемый знал о наличии у него вирусной инфекции, но, несмотря на это, осознанно нарушал санитарно-эпидемиологические правила. Значимость проблемы связана с тем, что в целях избегания ответственности правонарушители могут давать заведомо ложную информацию, вводя в заблуждение правоохранителей.

Следователи для решения вопроса о возбуждении уголовного дела направляют запрос в Роспотребнадзор¹ в целях установления факта нахождения подозреваемого лица на карантине, так как данный орган на сегодняшний день ведет статистику по рассматриваемой категории людей. В свою очередь, нахождение лица на соответствующем режиме будет означать факт того, что лицо знало о наличии у него заболевания.

Помимо этого, на наш взгляд, на стадии возбуждения уголовного дела необходимо подтвердить наличие вируса у заподозренного лица и пострадавшего. Для этого от них следует получать образцы для сравнительного исследования для медицинского анализа на COVID-19, а также запрашивать истории болезни в клиниках, где такие лица уже обследовались или проходили лечение. Подтверждением причиненного вреда здоровью будут являться результаты судебно-медицинской экспертизы потерпевших.

Поскольку по конструкции объективной стороны состав ст. 236 УК РФ является материальным, то следователю необходимо установить 3 обстоятельства, составляющие особый предмет доказывания:

- факт совершения гражданином общественно опасного деяния в виде нарушения санитарно-эпидемиологических правил;
- последствие в результате допущения данных нарушений;

Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2020).

¹ Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

– причинно-следственную связь между деянием и последствиями.

Исходя из этого, возникает проблема доказывания последствий, перечисленных в норме уголовного закона. Перед следственными органами стоит главный вопрос: последствия в виде массового заболевания, отравления людей, создания угрозы наступления таких последствий или смерти человека наступили именно в результате общественно опасных действий подозреваемого?

На сегодняшний день одним из способов доказывания наличия контакта между потерпевшим и подозреваемым будут выступать показания подозреваемого лица, самого потерпевшего и свидетелей, а также, при наличии, фрагменты записей с камер видеонаблюдения. Между тем бывают случаи, когда в целях уклонения от уголовной ответственности подозреваемый начинает активно оказывать противодействие, а свидетели и видеокамеры на месте совершения преступления отсутствовали. Проблема здесь видится в том, что вышеуказанные доказательства являются лишь косвенными – подтверждающими контакт носителя заболевания с другими лицами, а не факт заражения.

В данной ситуации, на наш взгляд, наиболее эффективным решением проблемы будет назначение и производство экспертиз, которые позволят идентифицировать вирус, обнаруженный у подозреваемого, с вирусом зараженных им «жертв», то есть проведение данной экспертизы позволит установить, действительно ли заболевание вирусом у потерпевшего наступило в результате контакта с подозреваемым лицом.

С 18 марта 2020 г. во всех субъектах Российской Федерации введен ряд ограничительных мер, направленных на исключение контактов с окружающими людьми, вплоть до самоизоляции по месту пребывания, жительства, что, в свою очередь, привело к таким последствиям, как:

- неявка участников уголовного процесса для производства расследования и в суд;
- невозможность производства следственных действий с лицами, содержащимися в ИВС и СИЗО, колониях, в связи с закрытием на карантин мест содержания под стражей.

В результате практические работники столкнулись с проблемой организации и соблюдения сроков расследования, решение которой видится в следующем:

- во-первых, в приостановлении предварительного следствия по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (когда местонахождение подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует);
- во-вторых, в продлении сроков содержания под стражей обвиняемых в процессе судебного заседания, проводимого посредством видеоконференц-связи.

Однако стоит отметить, что принимать данные решения необходимо с учетом соблюдения сроков рас-

следования и разумного срока судопроизводства в соответствии со ст. 6.1 УПК РФ.

Подобный опыт, связанный с продлением сроков рассмотрения дел, согласно обзору Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1¹, уже используется в практике судов, вынужденных проводить судебные заседания в период пандемии.

Кроме того, важным инструментом в решении организационных вопросов производства расследования по уголовным делам на уровне отдельного субъекта Российской Федерации стали изменения от 17 апреля 2020 г. № 189-УГ, внесенные в указ Губернатора Свердловской области от 18 марта 2020 г. № 100-УГ «О введении на территории Свердловской области режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)», исключающие с 17 апреля 2020 г. из ограничительных мер следование граждан к месту производства процессуальных действий на основании повестки следователя, дознавателя, суда.

Учитывая возможность повторных вспышек эпидемии, представляется необходимым внести указанные изменения в законодательные акты на федеральном уровне, что позволит следственным органам на местах осуществлять расследование без продления сроков дознания и следствия по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а судам не переносить судебные заседания.

Библиографический список

1. Наименование заболевания, вызванного коронавирусом COVID-19, и вирусного возбудителя [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: <https://who.int> (дата обращения: 24.04.2020).

2. Обзор Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2020).

¹ Обзор Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.05.2020).

Библиографический список

1. Naimenovanie zaboлевaniya, vyzvannogo koronavirusom COVID-19, i virusnogo vozбудitelya [Elektronnyj resurs] // Vsemirnaya organizaciya zdavoohraneniya. – URL: <https://who.int> (data obrashcheniya: 24.04.2020).

2. Obzor Verhovnogo Suda RF po otdel'nyim voprosam sudebnoj praktiki, svyazannym s primeneniem zakonodatel'stva i mer po protivodejstviyu rasprostraneniya na territorii Rossijskoj Federacii novej koronavirusnoj infekcii (COVID-19) № 1 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 14.05.2020).

Некоторые проблемы, связанные с производством осмотра жилища, являющегося местом происшествия

Делль Дарья Александровна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: saushkina_dasha@mail.ru

В статье выделяются признаки осмотра места происшествия: неотложность, незаменимость и невозможность. Учитывая наличие данных признаков, приводится мнение о необходимости незамедлительного производства осмотра жилища, когда оно одновременно является местом происшествия, на стадии доследственной проверки. Акцентируется внимание на проблемах, связанных с производством осмотра места происшествия, когда таковым является жилище лица, с которыми сталкивается правоприменитель в практической деятельности. Предлагается возможное решение выделенных проблемных аспектов.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; следственное действие; осмотр места происшествия; осмотр жилища.

Some problems related to conducting an inspection of a dwelling that is the scene of an accident

Dell Daria Alexandrovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article highlights the signs of inspection of the scene: urgency, irreplaceability and irreplaceability. Taking into account the presence of these signs, the opinion is given on the need for an immediate inspection of the home, when it is simultaneously the scene of an accident, at the stage of pre-investigation verification. Attention is focused on the problems associated with the inspection of the scene of the accident, which the law enforcement officer faces in practice, when such is the person's home. A possible solution to the identified problem aspects is proposed.

Key words: initiation of a criminal case; investigative action; inspection of the scene; inspection of the home.

Согласно ст. 144 УПК РФ должностным лицам, ответственным за производство проверки сообщения о преступлении, разрешается проводить ряд следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела. Осмотр места происшествия является наиболее распространенным среди них, и это объясняется рядом причин. Во-первых, данный вид осмотра не требует судебного решения, может производиться по усмотрению следователя в любое время. Во-вторых, в результате данного мероприятия можно получить такие доказательства, с помощью которых будет возможно установить обстоятельства совершенного преступления. Осмотр места происшествия является наиболее информативным следственным действием; промедление с его проведением может привести к невозможной утрате доказательств, имеющих значение для установления истины по делу.

Надо заметить, что законодательно понятие осмотра места происшествия не закреплено, в связи с чем ряд ученых попытались раскрыть его. При этом многие из них сделали основной акцент на неотложности

данного следственного действия. При употреблении понятия неотложности нетрудно догадаться, что речь пойдет о срочных, спешных, безотлагательных действиях. Р. С. Белкин понимал осмотр места происшествия как неотложное следственное действие, основной целью которого является установление, фиксация и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника, а также иных фактических данных, которые в совокупности с другими доказательствами позволяют сделать вывод о механизме происшествия и иных обстоятельствах расследуемого события¹.

Кроме того, осмотр места происшествия нельзя заменить никаким другим следственным действием, так как ни одно из них не дает более полного, точного и объективного представления о причинных связях отдельных фактов и той целостности впечатлений о расследуемом событии, которую получает следователь при осмотре места происшествия. Так, Е. Г. Са-

¹ См.: Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 172.

харова указывает, что «осмотр места происшествия является незаменимым следственным действием, т. к. следователь непосредственно, без промежуточных звеньев, воспринимает те или иные объекты в том виде, в котором их застаёт»¹. Таким образом, доказательственная информация поступает к следователю в совершенном виде или с минимальными искажениями, ввиду чего имеются все основания считать ее объективной.

Обозначенные признаки осмотра места происшествия (неотложность и незаменимость) тесно связаны с еще одним – невосполнимостью: промедление в его проведении, как правило, приводит к утрате значимых доказательств, а запоздалое проведение не будет иметь нужного эффекта и зачастую является безрезультатным.

Осмотр места происшествия как следственное действие на стадии возбуждения уголовного дела направлен на решение нескольких задач:

- 1) изучение следователем обстановки на месте происшествия для установления всех обстоятельств расследуемого события;
- 2) обнаружение, фиксация, изъятие, первоначальная и последующая оценка следов преступления и иных вещественных доказательств;
- 3) получение первичных данных для вынесения общих и частных версий о преступлении в целом: его участниках, личности преступника, способах совершения преступления и др.;
- 4) получение исходных данных для организации розыска и поимки преступника по горячим следам, а также других оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых с этой целью.

Вероятно, оценивая осмотр места происшествия как следственное действие, обладающее признаками неотложности, незаменимости и невосполнимости, и учитывая задачи, стоящие перед ним, законодатель наделил правоприменителя возможностью проводить его до возбуждения уголовного дела. Однако неоднозначное понимание некоторых норм УПК РФ, регламентирующих производство осмотра места происшествия, вызывает затруднения в практической деятельности служб, в связи с чем возникают ситуации неправильной, а точнее наиболее «подходящей» интерпретации закона, что, в свою очередь, влечет за собой риск признания добытых доказательств недопустимыми, а также возможное нарушение конституционных прав и свобод граждан.

В частности, затруднительной представляется ситуация, когда место происшествия является одновременно жилищем лица. Как показывает следственная практика, если таковым является потерпевший (например, при совершении кражи в его квартире), то какие-либо препятствия к осмотру места происшествия с его стороны возникают крайне редко, ввиду того, что сам он является лицом, заинтересованным в исходе дела. Совершенно иная картина наблюдается,

если собственником или проживающим является заподозренное лицо. Довольно часто происходят ситуации, когда эти лица препятствуют проведению осмотра в их жилище. Это один из примеров столкновения частных и публичных интересов: государство заинтересовано в том, чтобы выявить и раскрыть преступление, и одним из средств, способствующих этому, будет являться своевременное проведение осмотра места происшествия, в ходе которого возможно обнаружение и изъятие ключевых следов преступной деятельности. Вместе с тем можно предположить, что производство осмотра места происшествия в жилище лица без веского основания, коим традиционно считается факт возбуждения уголовного дела, в определенной мере нарушит право лица на неприкосновенность жилища. В данной ситуации мы выделяем два проблемных аспекта, относящихся:

- 1) к оформлению осмотра места происшествия, которое одновременно является жилищем лица, на стадии доследственной проверки;
- 2) возмощности его проведения на указанной стадии с точки зрения законности.

Основания, порядок проведения и процессуального оформления осмотра жилища закреплены в ст. 12, п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, 176, 177 УПК РФ. Специальная норма, предусматривающая проведение осмотра жилого помещения, введенная в целях обеспечения закрепленных в ст. 25 Конституции РФ гарантий, породила правовую коллизию, не оставив четкого ответа на вопрос о том, каким образом необходимо осуществлять осмотр жилища, содержащего в себе следы преступного деяния².

Становится очевидным, что данная ситуация УПК РФ никак не урегулирована, в связи с чем при наступлении подобных условий должностным лицам, производящим проверку сообщения о преступлении, приходится выходить из положения различными путями, что противоречит принципу единообразия применения и толкования норм права.

О. В. Шипунова считает, что «процессуально правильно оформлять осмотр места происшествия, когда оно является жилищем, протоколом осмотра места происшествия»³. Такой подход к процессуальному оформлению следственного действия нам представляется верным по нескольким причинам. Прежде всего, место происшествия, в том числе если таковым становится жилище, в первую очередь является местом, где произошло расследуемое правонарушение, где велась его подготовка и где обнаружены его последствия. Как справедливо отметил Р. С. Яновский, понятие «место происшествия» шире, чем «место преступления», которое обычно считается местом, где непосредственно орудовало лицо, совершившее

² См.: Шипунова О. В. Особенности проведения осмотра жилища как места происшествия при проверке сообщения о преступлении [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14847.htm> (дата обращения: 15.07.2020).

³ Там же.

¹ Сахарова Е. Г. Расследование причинения вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 73.

преступное деяние¹. Совершенно справедливо в УПК РФ используется первая формулировка еще и потому, что при производстве осмотра места происшествия о преступлении говорить преждевременно, особенно если такой осмотр проводится в ходе следственной проверки². Поэтому на стадии проверки сообщения о преступлении именно осмотр места происшествия, в том числе если таковым является жилище, дает основополагающую информацию, касающуюся наличия либо отсутствия признаков состава преступления. Другими словами, от результатов проведения данного следственного действия во многом зависит решение вопроса о возбуждении уголовного дела либо отказе в таковом. Таким образом, если осмотр места происшествия не представляется возможным произвести по каким-либо причинам (в данном случае по причине того, что проживающее в нем лицо отказывается от его проведения), установление наличия состава преступления может стать невыполнимой задачей.

Однако помимо вопроса оформления производства осмотра жилища, являющегося местом происшествия, остается открытым и вопрос возможности его проведения на стадии возбуждения уголовного дела с точки зрения законности. В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Как уже отмечалось, местом происшествия нередко являются жилище, в связи с чем Н. Власенко и А. Иванов полагают, что в подобных случаях осмотр жилища может быть проведен до того момента, когда уголовное дело будет возбуждено³. Данный вывод также основан на анализе ч. 5 ст. 165 УПК РФ, которая устанавливает, что в исключительных случаях, когда осмотр жилого помещения является неотложным, его проведение допускается на основании решения, принятого следователем без получения решения суда. Также косвенным подтверждением возможности производства осмотра жилища является и тот факт, что в тексте вводной части бланка постановления о производстве осмотра жилища в случаях, не терпящих отлагательства, имеется ссылка о рассмотрении не только материалов уголовного дела, но и материала проверки.

Согласно ч. 5 ст. 177 УПК РФ проведение осмотра жилища возможно только с согласия проживающих в нем лиц или на основании решения суда. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь должен возбудить перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со ст. 165 настоящего Кодекса. Совершение указанных действий подразумевает, что уголовное дело уже возбуждено, т. е. имеется веское основание, которое

является гарантом того, что права проживающих лиц не нарушаются. В противном случае речи о проведении осмотра жилища быть не может по той причине, что его нет в перечне следственных действий, разрешенных на стадии следственной проверки. И хотя ч. 2 ст. 176 УПК РФ разрешает осматривать место происшествия в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела, ст. 177 УПК РФ подобного указания не содержит, что свидетельствует о недопустимости осмотра жилища на первоначальной стадии уголовного процесса («допускается все то, что прямо указано в законе»).

Таким образом, законодатель ставит должностных лиц, производящих проверку сообщения о преступлении, перед сомнительным выбором:

1) не производить осмотр места происшествия до тех пор, пока не будут проанализированы собранные данные, позволяющие принять законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела;

2) принять решение о возбуждении уголовного дела в максимально сжатые сроки, после чего выйти в суд с ходатайством о производстве осмотра жилища.

В обоих случаях будет иметь место промедление, и вышеуказанные задачи, стоящие перед производством осмотра места происшествия, в итоге не будут достигнуты.

Научное сообщество не имеет единого мнения по указанной проблеме, ввиду чего её решение представляется ученым по-разному. Так, Р. С. Яновский предлагает начать оформление осмотра и, получив возражение на его проведение от проживающих лиц (либо не получив какого-либо решения ввиду отсутствия лиц), вынести постановление о неотложном производстве следственного действия, после чего в течение 24 часов с момента окончания проведения осмотра известить об этом судью и прокурора. Далее судья проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности⁴. Стоит отметить, что Р. С. Яновский описывает действия, которые согласно ст. 177 УПК РФ необходимо совершить должностному лицу при проведении осмотра жилища, когда уголовное дело уже возбуждено. На стадии проведения следственной проверки выполнение данного алгоритма действий будет являться незаконным. Такой подход достаточно рискован, так как вероятность признания полученных доказательств недопустимыми существенно возрастает.

В. Б. Калиновский полагает, что «неотложный» осмотр жилища против воли проживающих в нем лиц, если оно является местом происшествия, может быть проведен с соблюдением правил о судебном контроле и прокурорском надзоре, установленных ч. 5 ст. 165 УПК РФ⁵. Мы поддерживаем это мнение, при этом

¹ См.: Яновский Р. С. Некоторые актуальные вопросы производства осмотра места происшествия в жилище // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 27.

² Там же.

³ См.: Власенко Н., Иванов А. Осмотр жилища // Законность. 2004. № 11. С. 25.

⁴ См.: Яновский Р. С. Указ. соч. С. 28.

⁵ Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/p/kom-2/kom176.htm> (дата обращения: 16.07.2020).

считаем целесообразным привести в соответствие правовые нормы, связанные с производством осмотра жилища, являющегося местом происшествия, когда он проводится на стадии доследственной проверки. Таким образом, если жильцы по каким-либо причинам не дают согласия на осмотр места происшествия в их жилище, то у сотрудника правоохранительных органов отсутствуют законные рычаги для дальнейшей работы, и проведение этого следственного действия должно быть отложено до момента возбуждения уголовного дела. Однако мы считаем, что в этом случае, когда речь идет о вероятном преступлении, утрате важных доказательств, получении фундаментальной информации, которая может лечь в основу обвинения, право на неприкосновенность жилища обоснованно может быть ограничено. Учитывая тот факт, что осмотр места происшествия, в том числе жилища, обладает признаками неотложности, незаменимости и неповторимости, его проведение не должно ограничиваться согласием проживающих лиц. В связи с чем считаем необходимым внести в ч. 5 ст. 177 УПК РФ изменения следующего содержания: «В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр жилища, являющегося одновременно местом происшествия, может быть произведен до возбуждения уголовного дела с соблюдением правил, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ», а также в ч. 2 ст. 176 УПК РФ – «Осмотр места происшествия, в том числе когда им является жилище, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела с соблюдением правил, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ».

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – Москва, 2000. – 334 с.
2. Власенко Н. Осмотр жилища / Н. Власенко, А. Иванов // Законность. – 2004. – № 11. – С. 25–27.
3. Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / К. Б. Калиновский, А. В. Смирнов. – URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/kom-2/kom176.htm> (дата обращения: 16.07.2020).
4. Сахарова Е. Г. Расследование причинения вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук / Е. Г. Сахарова. – Тюмень, 2005. – 256 с.
5. Шипунова О. В. Особенности проведения осмотра жилища как места происшествия при проверке сообщения о преступлении [Электронный ресурс] / О. В. Шипунова. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14847.htm> (дата обращения: 15.07.2020).
6. Яновский Р. С. Некоторые актуальные вопросы производства осмотра места происшествия в жилище / Р. С. Яновский // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 2. – С. 26–29.

Bibliograficheskij spisok

1. Belkin R. S. Kriminalisticheskaya enciklopediya / R. S. Belkin. – Moskva, 2000. – 334 s.

2. Vlasenko N. Osmotr zhilishcha / N. Vlasenko, A. Ivanov // Zakonnost'. – 2004. – № 11. – S. 25–27.
3. Kalinovskij K. B. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] / K. B. Kalinovskij, A. V. Smirnov. – URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/kom-2/kom176.htm> (data obrashcheniya: 16.07.2020).
4. Saharova E. G. Rassledovanie prichineniya vreda zdorov'yu: dis. ... kand. yurid. nauk / E. G. Saharova. – Tyumen', 2005. – 256 s.
5. SHipunova O. V. Osobennosti provedeniya osmotra zhilishcha kak mesta proisshestiya pri provereke soobshcheniya o prestuplenii [Elektronnyj resurs] / O. V. SHipunova. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14847.htm> (data obrashcheniya: 15.07.2020).
6. YAnovskij R. S. Nekotorye aktual'nye voprosy proizvodstva osmotra mesta proisshestiya v zhilishche / R. S. YAnovskij // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. – 2016. – № 2. – С. 26–29.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 342

Процессуальные аспекты проведения экспертизы по делам об административных правонарушениях, производство по которым осуществляется в форме административного расследования

Барабаш Александр Сергеевич,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: baraba777@yandex.ru

Бараковских Светлана Анатольевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: sergen777@mail.ru

В статье анализируются пробелы в административном законодательстве, касающиеся регламентации проведения экспертизы по делам об административных правонарушениях, а также вопросов оформления экспертного заключения, подготавливаемого по результатам исследования.

Авторами уделяется внимание процессуальным аспектам проведения экспертизы, а также форме заключения эксперта и его практической реализации при рассмотрении дел, производство по которым осуществляется в форме административного расследования.

Ключевые слова: процессуальные аспекты проведения экспертизы; заключение эксперта; сведущее лицо; компетенция эксперта; процессуальная самостоятельность эксперта.

Procedural aspects of conducting an examination in cases of administrative offenses proceeding in which is performed in the form of administrative investigation

Barabash Aleksandr Sergeevich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

Barakovskikh Svetlana Anatol'evna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article analyzes some of the difficulties in conducting an expert examination in cases of administrative offenses, as well as the possibilities of solving the problems that arise in this case.

The authors pay attention to the procedural aspects of the examination, as well as the practical implementation of the results of expert opinions, when considering cases that are carried out in the form of an administrative investigation.

Key words: procedural aspects of the expert examination; expert opinion; competent person; expert competence; procedural independence of the expert.

Одной из реалий современного общества является возрастание роли научного знания. Научно-технический прогресс входит в различные сферы жизнедеятельности человека. В правоприменительной сфере этот факт способствует росту привлечения специалистов различных областей к проведению экспертных исследований.

Привлечение специалистов к проведению экспертных исследований вскрыло достаточно большой круг неурегулированных вопросов, возникающих в ходе правоприменительной деятельности, на которые правовой наукой не всегда даются однозначные ответы.

В этой связи необходимо отметить сложившуюся двойственную ситуацию в правоприменительной практике. Отношения, возникающие в сфере проведения экспертиз в уголовном судопроизводстве, получили достаточно четкую регламентацию. Это, в первую очередь, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 73-ФЗ). Кроме того, проведение экспертных исследований раскрывается в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ², в решениях Верховного Суда РФ³, в приказах МВД России⁴.

В связи с развитием гражданского, арбитражного, административного процесса, производства по делам об административных правонарушениях существенно возрастает роль специальных знаний и в этих сферах юрисдикционной деятельности. В последнее время можно отметить динамичное развитие законодательства в различных сферах государственного управления, что, в свою очередь, повлекло расширение составов административных правонарушений и возрастание роли судебной экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях.

В административном законодательстве вопросы применения специальных познаний раскрываются, мягко говоря, поверхностно. Правоприменитель при назначении экспертизы должен обращаться не столько к нормам административного законодательства, сколько к нормам общего характера, например к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Это

¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4011.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

⁴ Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 30 авг.

касается таких направлений, как определение границ правового статуса субъектов административного производства, порядок выбора экспертной организации, эксперта либо специалиста. Не уделено внимание структуре определения о назначении экспертизы, форме заключения эксперта, а также многим другим аспектам.

Наличие неурегулированных вопросов в сфере применения специальных познаний способствует принятию необоснованных решений в административном производстве. Одним из таковых, по нашему мнению, является вопрос правовой регламентации оформления результатов проведенного экспертного исследования (экспертизы), т. е. формирования заключения эксперта. Согласно нормативным положениям заключение эксперта – результат судебно-экспертного исследования, зафиксированный в установленной законом письменной форме (ч. 5 ст. 26.4 КоАП РФ, ч. 1 ст. 25 ФЗ № 73-ФЗ). Заключение эксперта может использоваться в качестве доказательства по различным делам административного производства.

В науке утвердилось понимание доказательства как целостности (единства) содержания и формы. При этом содержание – это сведения о произошедших событиях, участниках и т. д., а форма – процессуальная фиксация информации (содержания), установленная законом. Естественно, что речь идет о фиксации значимой для производства информации.

Как любое доказательство, заключение эксперта должно обладать свойствами относимости, достоверности, допустимости и достаточности. Мы согласны с позицией А. Р. Нобеля, который подчеркивает, что «указанные правовые свойства выступают в качестве критериев оценки доказательств, способных формировать субъективное отношение лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, к каждому отдельному доказательству и их совокупности»⁵.

Относимость как свойство доказательства указывает на объективную связь сведений с обстоятельствами дела. При раскрытии относимости экспертного заключения необходимо учесть два аспекта.

Первый. Вопросы для исследования определяют предмет доказывания в рамках производства по делам об административных правонарушениях. При использовании заключения эксперта в качестве основы оценки доказательства будет иметь значение только та информация, которая относится к исследуемым аспектам.

Второй. Должностное лицо при наличии оснований привлечения специальных познаний выносит определение о проведении экспертизы, обозначая перед экспертом конкретные вопросы, требующие разрешения.

Этот факт уже наделяет будущее заключение эксперта свойством относимости в рамках конкретного

⁵ Нобель А. Р. Определение допустимости доказательств по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 77.

административного производства.

Достоверность экспертного заключения раскрывается с точки зрения истинности, неотложности. Сведения в заключении эксперта должны соответствовать действительности, определенным законам развития общества, различных общественных отношений и т. п.

Допустимость экспертного заключения раскрывается с точки зрения его соответствия установленной форме. В КоАП РФ понятие допустимости прямо не регламентировано. Вместе с этим, анализируя содержание различных правовых норм КоАП РФ, можно сделать вывод о том, что в ч. 2, 3 ст. 26.2 КоАП РФ закреплены элементы данного критерия.

Особо отметим наличие конституционного запрета (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) на использование по делу об административном правонарушении доказательств, полученных с нарушением закона.

Несмотря на различные подходы к пониманию критериев допустимости в правовой науке, в целом выделяют три основных критерия, которые могут быть применимы и к производству по делам об административных правонарушениях:

- 1) осуществление процессуальных действий надлежащим субъектом;
- 2) соблюдение процессуальных правил при обнаружении сведений, имеющих правовое значение;
- 3) закрепление информации в предусмотренной законом форме¹.

В рамках нашего исследования остановимся подробнее на третьем критерии.

Административное законодательство не раскрывает в полном объеме содержание заключения эксперта, давая лишь в общих чертах понимание данного процессуального документа. В ч. 5 ст. 26.4 КоАП РФ отмечается, что эксперт дает заключение в письменной форме от своего имени.

Мы поддерживаем сформировавшуюся в науке позицию, касающуюся структуры заключения. По форме заключение эксперта по делу об административном правонарушении не отличается от аналогичного заключения экспертизы, проводимой в рамках уголовного или гражданского судопроизводства, и традиционно имеет структуру из «классических» трех частей – вводной, исследовательской и выводов². Со-

¹ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. С. 244; Зажицкий В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения // СПС «КонсультантПлюс»; Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. С. 105; Чушкин С. И. Источники доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 56; Ребец К. В. Документы как источники доказательств по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 61–66.

² См.: Кузякин Ю. П. К вопросу о назначении и производстве судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях // Известия МГИУ. Социальные и гуманитарные науки. 2005. № 1 (1).

держание каждой из указанных частей заключения эксперта отражено в ст. 25 ФЗ № 73-ФЗ.

При этом ведомственные нормативные акты дают более развернутую характеристику заключения эксперта, где содержание заключения эксперта раскрывается достаточно полно³.

Мы не будем подробно останавливаться на раскрытии отдельных частей заключения эксперта, тем более, что они достаточно регламентированы в тексте нормативных актов, изучены в теории.

Важнее, по нашему мнению, тот аспект, что процессуальная форма заключения эксперта должна найти свою регламентацию именно в тексте КоАП РФ, а не в нормативных актах федеральных органов власти, в том числе в приказах МВД России. Это обусловлено не только большим количеством государственных органов административной юрисдикции, но и регламентацией в КоАП РФ процесса доказывания в рамках производства по делам об административных правонарушениях, оценки доказательств, прав участников при проведении экспертного исследования.

В связи с этим с положительной стороны можно характеризовать действия, например, законодателя Республики Казахстан, который в ст. 773 КоАП РК «Заключение и показания эксперта и специалиста» закрепляет структуру заключения эксперта, куда включены следующие составляющие:

- 1) дата оформления заключения эксперта;
- 2) сроки и место производства экспертизы;
- 3) основания производства судебной экспертизы;
- 4) сведения о судье, об органе (должностном лице), в производстве которых находится дело об административном правонарушении;
- 5) сведения об органе судебной экспертизы и (или) эксперте (экспертах), которым поручено производство экспертизы;
- 6) отметка о предупреждении об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в суде;
- 7) вопросы, поставленные перед экспертом (экспертами);
- 8) содержание и результаты исследований с указанием использованных методик;
- 9) формулировка выводов по поставленным перед экспертом (экспертами) вопросам.

Относимость, допустимость и достоверность образуют в своем единстве правовое качество доказательств, в том числе и заключения эксперта. Достаточность доказательства относится к так называемому количественному критерию, в отличие от остальных качественных свойств доказательств.

³ Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 30 авг.; Приказ Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 25 янв.

В данном аспекте заключение эксперта будет оцениваться совместно с остальными доказательствами с позиции полного установления обстоятельств, отраженных в предмете доказывания, закрепленного в ст. 26.1 КоАП РФ.

Таким образом, в части регламентации проведения экспертизы в административном производстве налицо законодательный пробел. Преодолеть указанные коллизии возможно только путем внесения изменений в действующее административное законодательство. Для этого необходимо не только время, но и воля законодателя.

Необходимо признать, что меры, предпринимаемые государством в рамках законодательного совершенствования порядка и условий проведения экспертных исследований по делам об административных правонарушениях, на современном этапе объективно недостаточны.

Как показывает правоприменительная практика, нерешенность и проблемность вопросов, касающихся проведения экспертных исследований, порождает неоднозначную практику правоприменения, как на уровне субъектов административной юрисдикции, так и в рамках различных административных производств в целом.

В настоящее время происходит пересмотр устоявшихся позиций на развитие административного законодательства, в том числе и административной юрисдикции. Полным ходом идет подготовка проекта нового КоАП РФ. Это достаточно трудоемкий и сложный путь учета многочисленных предложений, мнений; выстраивание проекции развития общественных отношений в рамках административного регулирования и многое другое.

В любом случае, по нашему мнению, вне зависимости от преобладания (лоббирования) конкретного видения развития административного законодательства, всегда можно найти место полному раскрытию вопросов процесса доказывания в целом и определению форм отдельных видов доказательств, в частности.

С учетом изложенного, а также пробельности административного законодательства в вопросах регламентации заключения эксперта, трудностей правоприменения в указанном направлении, необходимо ввести в КоАП РФ статьи, регламентирующие процессуальное оформление составления заключения эксперта. По нашему мнению, законодателю необходимо включить в главу 26 КоАП РФ дополнительную статью следующего содержания:

Статья 26.4.1. Заключение эксперта.

1. Заключение эксперта – это выводы лица, обладающего специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, данные им в письменной форме по вопросам, отраженным в определении о назначении экспертизы.

2. Заключение составляется экспертом (экспертами) после производства исследований, с учетом их

результатов от своего имени, удостоверяется его (их) подписью и личной печатью.

В случае производства экспертизы органом экспертизы подпись эксперта (экспертов) заверяется печатью указанного органа.

3. В заключении эксперта указываются следующие сведения: дата его оформления, сроки и место производства экспертизы; основания производства судебной экспертизы; должностное лицо, назначившее проведение экспертизы; сведения об органе судебной экспертизы и (или) эксперте (экспертах), которым поручено производство экспертизы (фамилия, имя, отчество (при его наличии), образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед экспертом (экспертами); сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве экспертизы, и данных ими пояснениях; объекты; содержание и результаты исследований с указанием использованных методик; оценка результатов проведенных исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным перед экспертом (экспертами) вопросам.

В заключении может быть указано обоснование ответов на поставленные вопросы и обстоятельства, имеющие значение для дела, установленные по инициативе самого эксперта.

4. Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фототаблицы, схемы, графики, таблицы и другие материалы), удостоверенные в установленном порядке, прилагаются к заключению и являются его составной частью. К заключению также должны быть приложены оставшиеся после исследования объекты, в том числе образцы.

5. Заключение эксперта не является обязательным для суда, органа (должностного лица), в производстве которых находится дело об административном правонарушении.

Библиографический список

1. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – Москва: Норма, 2007.
2. Зажицкий В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения [Электронный ресурс] / В. Зажицкий // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кузякин Ю. П. К вопросу о назначении и производстве судебных экспертиз по делам об административных правонарушениях / Ю. П. Кузякин // Известия МГИУ. Социальные и гуманитарные науки. – 2005. – № 1 (1).
4. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. – Москва, 2008.
5. Нобель А. Р. Определение допустимости доказательств по делам об административных правонарушениях / А. Р. Нобель // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1.

6. Ребец К. В. Документы как источники доказательств по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук / К. В. Ребец. – Омск, 2009.

7. Чушкин С. И. Источники доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Чушкин. – Москва, 2007.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belkin A. R. Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve / A. R. Belkin. – Moskva: Norma, 2007.

2. Zazhickij V. Novye normy dokazatel'stvennogo prava i praktika ih primeneniya [Elektronnyj resurs] / V. Zazhickij // SPS «Konsul'tantPlyus».

3. Kuzyakin YU. P. K voprosu o naznachenii i proizvodstve sudebnyh ekspertiz po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah / YU. P. Kuzyakin // Izvestiya MGIU. Social'nye i gumanitarnye nauki. – 2005. – № 1 (1).

4. Mihajlovskaya I. B. Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugovnom processe / I. B. Mihajlovskaya. – Moskva, 2008.

5. Nobel' A. R. Opredelenie dopustimosti dokazatel'stv po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah / A. R. Nobel' // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2016. – № 1.

6. Rebec K. V. Dokumenty kak istochniki dokazatel'stv po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: dis. ... kand. yurid. nauk / K. V. Rebec. – Omsk, 2009.

7. CHushkin S. I. Istochniki dokazatel'stv po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v oblasti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... kand. yurid. nauk / S. I. CHushkin. – Moskva, 2007.

Исполнение должностными лицами органов внутренних дел (полиции) административного наказания в виде административного штрафа: вопросы правоприменения

Гусев Андрей Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: gusev.1983.av@mail.ru

Носенков Анатолий Петрович,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: apnosenv@yandex.ru

Объективная полнота и достаточность создаваемых государством законодательных механизмов и условий исполнения административного наказания в виде административного штрафа в настоящее время очевидна. Но несмотря на статистически подтверждаемые стабильные показатели исполнения административных штрафов, нельзя не отметить, что практика административно-юрисдикционной деятельности соответствующих правоохранительных органов в рассматриваемой сфере обнаруживает немало проблем как правового, так и организационного характера.

Ключевые слова: административная ответственность; неуплата административного штрафа; административное наказание; неотвратимость административного наказания.

Execution by officials of internal affairs bodies (police) of administrative punishment in the form of an administrative fine: issues of law enforcement

Gusev Andrei Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Nosenkov Anatoly Petrpvich,
Leningrad Regional Branch of the St. Peterburg
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The objective completeness and sufficiency of the legislative mechanisms created by the state and the conditions for the execution of an administrative penalty in the form of an administrative fine is currently obvious. But despite the statistically confirmed stable performance of administrative fines, it should be noted that the practice of administrative and jurisdictional activity of the relevant law enforcement agencies in this area reveals many problems of both a legal and organizational nature.

Key words: administrative liability; failure to pay an administrative fine; administrative punishment; inevitability of administrative punishment.

Внесенные за последние годы законодательные изменения в области исполнения постановлений об административном наказании в виде административного штрафа были направлены на оптимизацию

деятельности компетентных в данной сфере органов. В настоящее время деятельность подразделений органов внутренних дел (полиции) по взысканию административных штрафов, а также учету исполнен-

ных постановлений нормативно и организационно упорядочена в достаточной степени. Исполнение рассматриваемого административного наказания в юридической науке является предметом немалого количества исследований¹, однако в рамках данной работы хотелось бы остановиться на некоторых частных проблемах.

Вопросы исполнения постановлений об административном наказании в виде административного штрафа и взыскания административных штрафов в целом – совместная работа МВД России и ФССП России². Взаимодействие осуществляется в рамках реализации оперативно-профилактических мероприятий, инициируемых органами внутренних дел. Периодически территориальные органы внутренних дел организуют и проводят на обслуживаемой территории оперативно-профилактические операции «Должник», «Неплательщик», «Штраф» с участием сотрудников средств массовой информации и территориальных служб судебных приставов, направленные на привлечение к административной ответственности лиц, не исполнивших в установленный законом срок обязанность по уплате административного штрафа. Данные мероприятия повышают эффективность работы в рассматриваемой сфере.

Несмотря на то, что общая тенденция к улучшению качества работы по исполнению постановлений об административном наказании в виде административного штрафа подтверждается статистическими данными, существует немало проблем как правового, так и организационного характера.

По мнению сотрудников органов внутренних дел, надлежащую реализацию административного наказания в виде административного штрафа затрудняют следующие проблемы:

- 1) уклонение правонарушителей от исполнения административного наказания;
- 2) несоответствие места фактического проживания граждан, привлекаемых к административной ответственности, месту их регистрации;

¹ См.: Кирин А. В. Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказания // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 32–33; Губарева Т. И. Совершенствование порядка назначения и отбывания административного наказания в виде административного ареста // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 18–21; Бакин И. С. Проблемы применения административного наказания в виде административного ареста // Законность. 2016. № 3. С. 51–52; Магомедова З. И. Проблема процессуальных сроков в «арестных» административных делах // Мировой судья. 2014. № 12. С. 22–26; Изингер А. В. Особенности производства по делам об административных правонарушениях, предусматривающих наказание в виде административного ареста // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 50–58.

² Приказ Минюста России № 216, МВД России № 689 от 18 октября 2018 г. «Об утверждении Положения о взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Министерства внутренних дел Российской Федерации, их территориальных органов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.07.2020).

3) неплатежеспособность лиц, временно не работающих, а также имеющих низкие фиксированные доходы;

4) антиобщественный образ жизни правонарушителей, преимущественно совершающих административные правонарушения, предусмотренные гл. 20 КоАП РФ;

5) невозможность применения в отношении отдельных категорий граждан административного наказания в виде административного ареста за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ;

6) отдельные проблемы, связанные с возвращением материалов дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ (неявка правонарушителя, неверное исчисление сроков);

7) отсутствие у лиц имущества, подлежащего описи и аресту.

Перечень проблемных вопросов можно продолжать, однако формат научной статьи позволяет остановиться лишь на отдельных проблемах.

Начать считаем возможным с территориальной подследности рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, которая зависит от субъекта административной ответственности, в качестве которого могут выступать как физические, так и юридические лица.

В силу ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения, применительно к рассматриваемой категории дел – по месту неуплаты административного штрафа, то есть там, где правонарушителем не выполнена обязанность по уплате административного штрафа.

Таким образом, подведомственность и подсудность рассмотрения данной категории дел определяется для физического лица по месту фактического жительства (нахождения), которое сотруднику полиции должно быть известно в результате составления протокола об административном правонарушении. При этом привязка места совершения правонарушения к месту жительства правонарушителя приводит к возникновению ряда правоприменительных проблем. В результате составления протокола об административном правонарушении граждане указывают адрес регистрации, который также известен сотруднику полиции при установлении личности (по документу, удостоверяющему личность, – паспорту, а при его отсутствии – по базе информационного центра МВД России). Практика свидетельствует о том, что лица, привлекаемые к административной ответственности, часто по адресу регистрации не проживают, а фактическое место проживания утаивают. Таким образом, правонарушитель уходит от административной ответственности даже в том случае, если сотруднику полиции известно место его фактического проживания.

С целью реализации принципа неотвратимости административного наказания отдельные подразделения по исполнению административного законода-

тельства территориальных органов внутренних дел совместно с мировыми судьями описанную выше проблемную ситуацию решают следующим образом. В случае отсутствия сведений из подразделения МВД России по вопросам миграции о месте регистрации правонарушителя, запрашиваются данные из уличных комитетов либо у техников-смотрителей жилищно-эксплуатационных управлений о месте фактического проживания. Оформляются полученные данные актом обследования жилищно-бытовых условий. Кроме этого, к протоколу об административном правонарушении приобщаются объяснения соседей по месту фактического проживания правонарушителя, подтверждающие факт его проживания по данному адресу. Таким образом, дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, рассматривается мировым судьей соответствующего судебного участка без подтверждения сведений о регистрации правонарушителя, что в полной мере отвечает достижению целей административного наказания.

Следующая правоприменительная тенденция заключается в том, что ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ устанавливает исключительную судебную подведомственность при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Поскольку санкция статьи помимо административного штрафа в двукратном размере предусматривает альтернативные наказания, одним из которых является административный арест, присутствие лица, привлекаемого к административной ответственности, при рассмотрении дела судом во всех случаях является необходимым¹.

В случае неявки или необеспечения явки лица в суд материалы дела об административных правонарушениях возвращаются в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в порядке, установленном п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, со стадии подготовки к рассмотрению дела. При этом ч. 4 ст. 29.4 КоАП РФ такого основания возвращения протокола об административном правонарушении и других материалов дела, как неявка или необеспечение явки правонарушителя в суд, не предусматривает. Однако Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г.)² предоставляет мировым судьям возможность вернуть материалы дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, если судья допускает возможность назначения лицу, в отношении которо-

го ведется производство по делу, административного наказания в виде административного ареста.

Таким образом, мировым судьям фактически предоставлена неограниченная возможность возвращения материалов дела, даже в случаях, когда назначение наказания в виде административного ареста на стадии подготовки дела к рассмотрению не является очевидным. Подобная ситуация существенно затрудняет работу сотрудников полиции, поскольку обеспечить явку лиц, привлекаемых к административной ответственности, в отдельных случаях не представляется возможным.

В рамках производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, серьезное значение придается реализации принципа неотвратимости наказания, который вытекает из положения ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ. При этом практика реализации данного принципа свидетельствует о наличии целого ряда проблем.

Анализ правоприменительной, в том числе судебной, практики свидетельствует о том, что мировыми судьями, рассматривающими данную категорию дел, к лицам, не имеющим стабильного дохода и ведущим асоциальный образ жизни, преимущественно применяется административное наказание в виде административного ареста.

Интересной в правоприменительном смысле является ситуация, когда сотрудниками органов внутренних дел выявляется лицо, имеющее несколько неоплаченных штрафов с пропущенными сроками добровольной оплаты, в отношении которого составляется несколько протоколов по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Мировые судьи, руководствуясь абз. 3 ч. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5³ (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 40⁴), за каждый состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, назначают вышеуказанным лицам наказание в виде административного ареста, как правило, на срок до трех суток.

При этом если лицо, в отношении которого вынесено постановление об административном аресте, отбывает этот вид административного наказания по другому делу, то, исходя из ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ, срок отбывания наказания по данному делу начинает течь со дня вынесения постановления об административ-

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.07.2020).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.07.2020).

¹ Важность данного нормативного положения подтверждается правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в определениях от 21 мая 2015 г. № 1125-О, от 29 сентября 2015 г. № 1902-О [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.07.2020).

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 03.07.2020).

**Сведения о назначении административного наказания
в виде административного ареста по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ**

Наименование показателя	2019	2018	2017
Количество решений, принятых судебными органами в соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ о назначении административного наказания в виде административного ареста, из них	141 359	155 708	263 972
1–5 суток	116 427 (82 %)	128 785 (83 %)	217 524 (82 %)
6–10 суток	20 185 (14 %)	21 653 (14 %)	35 508 (13 %)
более 10 суток	4 747 (3 %)	5 270 (3 %)	9 111 (3 %)

ном аресте одновременно с неотбытой частью срока административного ареста по другому делу.

Таким образом, наказания в виде административного ареста, назначенные одному лицу за разные составы административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, по правилам должны исполняться немедленно, самостоятельно и одновременно. КоАП РФ не предусматривает сложение наказаний в виде административного ареста, и фактически в отношении лица, которому назначено одновременно несколько административных наказаний в виде административного ареста на срок 3 суток (судьи, как правило, не назначают больше), общий срок отбывания административного ареста составит 3 суток.

Еще одной формой реализации указанной практики являются случаи назначения судьями административных наказаний в виде административного ареста (независимо от количества протоколов по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ) сроком на одни сутки, с исчислением срока наказания с момента административного задержания. С учетом того, что лицо до рассмотрения дела судом содержалось в помещении для административно задержанных органами внутренних дел, правонарушитель освобождается от отбытия наказания в зале суда. Указанная тенденция подтверждается данными статистической отчетности¹ (см. табл.).

Из анализируемых данных видно, что доля административных наказаний в виде административного ареста на срок от 1 до 5 суток, назначенных по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, превышает 80 % от общего количества. При этом рассматриваемый показатель стабилен на протяжении последних трех лет: 2017 и 2019 г. – 82 %, 2018 г. – 83 %. Интересна и другая тенденция: назначение административного ареста на длительный срок – практика нераспространенная и не превышает 3 %.

В связи с вышеизложенным, необходимо отметить, что описанная практика назначения административ-

ного ареста за административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, лицам, в отношении которых назначение альтернативных видов административных наказаний нецелесообразно, не способствует реализации целей административного наказания и принципа его неотвратимости.

Имеет место и другая ситуация, когда общий срок административного ареста может составить довольно продолжительный период времени. Практика обнаруживает случаи, когда сотрудники органов внутренних дел при выявлении в действиях лица нескольких составов составляют протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, последовательно, выходя в суд прежде всего с теми материалами, по которым в скором времени истекают сроки давности. В результате после отбывания правонарушителем наказания в виде административного ареста по первому составу суд рассматривает дело о другом административном правонарушении и назначает административный арест с новым сроком административного ареста, который исполняется самостоятельно.

При совершении нескольких административных правонарушений и назначении наказания в виде административного ареста общий срок содержания лица в помещении для отбывания данного вида наказания может составить достаточно длительный период. Подобная практика представляется спорной, однако в большей степени отвечающей реализации принципа неотвратимости наказания.

Библиографический список

1. Бакин И. С. Проблемы применения административного наказания в виде административного ареста / И. С. Бакин // Законность. – 2016. – № 3. – С. 51–52.
2. Губарева Т. И. Совершенствование порядка назначения и отбывания административного наказания в виде административного ареста / Т. И. Губарева // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 18–21.
3. Изингер А. В. Особенности производства по делам об административных правонарушениях, предусматривающих наказание в виде административного ареста / А. В. Изингер // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 50–58.
4. Кирин А. В. Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказа-

¹ Сведения о вынесенных решениях по делам об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Форма 577, раздел 2 за 2017–2019 гг. [Электронный ресурс] / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Ограниченный доступ из локальной сети ЕИТКС. URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 27.07.2020).

ния / А. В. Киринов // Административное право и процесс. – 2011. – № 9. – С. 32–33.

5. Магомедова З. И. Проблема процессуальных сроков в «арестных» административных делах / З. И. Магомедова // Мировой судья. – 2014. – № 12. – С. 22–26.

Bibliograficheskij spisok

1. Bakin I. S. Problemy primeneniya administrativnogo nakazaniya v vide administrativnogo aresta / I. S. Bakin // Zakonnost'. – 2016. – № 3. – С. 51–52.

2. Gubareva T. I. Sovershenstvovanie poryadka naznacheniya i otbyvaniya administrativnogo nakazaniya v vide administrativnogo aresta / T. I. Gubareva // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – № 3. – С. 18–21.

3. Izinger A. V. Osobennosti proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah, predusmatrivayushchih nakazanie v vide administrativnogo aresta / A. V. Izinger // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2017. – № 2 (40). – С. 50–58.

4. Kirin A. V. Protivorechiya konceptual'no-pravovogo statusa aresta kak administrativnogo nakazaniya / A. V. Kirin // Administrativnoe pravo i process. – 2011. – № 9. – С. 32–33.

5. Magomedova Z. I. Problema processual'nyh srokov v «arestnyh» administrativnyh delah / Z. I. Magomedova // Mirovoj sud'ya. – 2014. – № 12. – С. 22–26.

Принудительный потенциал норм административного права

Осинцев Дмитрий Владимирович,
Уральский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: dimios@mail.ru

Классическое деление норм права по функциональным свойствам на регулятивные и охранительные позволяет в большинстве юридических отраслевых режимов выделять те или иные модули или ассоциации норм, характеризующихся либо теми либо другими свойствами. Вместе с тем такая картина представляется односторонней и непродуктивной в теоретическом и практическом плане, так как специфика отрасли всегда предполагает наличие не только названных признаков, а также диспозитивности или императивности, что характеризует лишь правореализующие отношения, но и наличие добровольности и принудительности в рамках нормоустановления. В силу этого постулата доказывается, что отрасли административного права относятся к разряду регламентированно-принудительных сегментов правовой системы, что предопределяет построение специфических правовых моделей и особых юридических конструкций, не характерных для иных отраслевых режимов.

Ключевые слова: административное принуждение; административная ответственность; государственное управление; административные режимы.

Coercive potential of administrative law norms

Osintsev Dmitry Vladimirovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Law, Associate Professor

The classical division of legal norms by functional properties into regulatory and protective ones allows in most legal industry regimes to single out certain modules or associations of norms characterized by either these or those other properties. At the same time, this picture seems to be one-sided and unproductive in theoretical and practical terms, since the specifics of the industry always presuppose the presence of not only the aforementioned features, as well as dispositiveness or imperativeness, which characterizes only law-realizing relations, but also the presence of voluntariness and coercion within the framework of normative regulation, by virtue of this postulate, it is proved that the branches of administrative law belong to the category of regulated-compulsory segments of the legal system, which determines the construction of specific legal models and special legal structures that are not characteristic of other sectoral regimes.

Key words: administrative coercion; administrative responsibility; public administration; administrative regimes.

Современные отечественные административно-правовые исследования во многом сосредоточены на рассмотрении таких юридических инструментов, которые так или иначе обеспечивают внедрение принципа диспозитивности в государственное управление. При этом обстоятельному и обширному анализу подвергнуты институты публичных закупок¹,

¹ См.: Беляева О. А., Трунцевский Ю. В., Цирин А. М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: науч.-практ. пособие / отв. ред. И. И. Кучеров. М.: КОНТРАКТ, 2019; Агамагомедова С. А. Административное усмотрение при реализации контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной власти // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 49–52; Савченко Е. А. Некоторые аспекты соблюдения законности

облегчения и снижения контрольно-надзорной нагрузки², цифровизации работы публичных институ-

субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 104–114; Перов С. В. Контрольно-надзорные и регуляторные функции федеральных органов исполнительной власти: проблемы разграничения в контексте административной реформы // Lex russica. 2019. № 2. С. 69–80.

² См.: Тенденции развития контроля за деятельностью публичной администрации в зарубежных государствах: монография / А. Б. Зеленцов, Н. М. Касаткина, В. И. Лафитский и др.; отв. ред. В. И. Лафитский, И. Г. Тимошенко. М.: ИНФРА-М, 2015; Тихомирова Л. А. Все о проверках и результатах проведения мероприятий по контролю. Основные способы и

тов¹, «мягкого» влияния на экономические и социальные процессы²; не обошлось без многостраничных трудов относительно публичных услуг³; традиционно актуальной остается правозащитная тематика⁴ и судебный контроль за деятельностью исполнительной власти⁵. В целом, взгляды на суть отрасли административного права оказались сведены к следующему: «размытые» границы объекта исследования, полисубъектность состава и поливариантность статуса участников правоотношений, преимущественно сер-

формы защиты прав предпринимателя при проведении проверок // СПС КонсультантПлюс. 2019.

¹ Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления: монография / Г. А. Бученков, Ю. А. Головин, Д. В. Карпухин и др.; под ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапиной. М.: Юстиция, 2016; Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В. В. Архипов, В. В. Бакуменко, А. Д. Вольнец и др.; под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018.

² См.: Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. М.: Инфотропик Медиа, 2015; Современные кадровые технологии в органах власти: монография / А. М. Беляев, Е. Д. Богатырев, А. И. Галкин и др.; под общ. ред. С. Е. Прокофьева, А. М. Беляева, С. Г. Еремина. М.: Юстицинформ, 2015; Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017; Смирнов А. А. Административно-правовой статус Россотрудничества как ключевого субъекта реализации «мягкой силы» // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 39–41; Жеребцов А. Н. Проблемы реализации норм международного «мягкого права» в административном механизме регулирования миграции населения // Административное и муниципальное право. 2009. № 7.

³ См.: Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве Российской Федерации: монография / С. А. Васильев, Е. Ю. Грачева, Е. Н. Дорошенко и др.; отв. ред. В. И. Фадеев. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016; Новикова И. Д. Надлежащий уровень правовой регламентации административных процедур как важное направление совершенствования института государственных услуг // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 5. С. 28–34.

⁴ См.: Саушкин Д. В., Шульгина Д. Д., Корчагина М. А. Права и обязанности предпринимателя при взаимоотношениях с правоохранительными органами: закон и практика. М.: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 19; Федотова Ю. Г. Реализация функций судебной власти в сфере административно-правовой защиты прав граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации // Современное право. 2020. № 1. С. 46–53.

⁵ Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сб. науч. ст. / Р. Ю. Батршин, Н. И. Бурмакина, Н. Д. Бут и др.; отв. за вып. А. И. Стахов. М.: РГУП, 2018; Идрисов Р. Ф., Костюк Н. Н., Кокунова С. Д. Юрисдикционная форма защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц: субъективные причины неэффективности // Современное право. 2019. № 3. С. 5–18.

висный характер воздействия, смещение вектора влияния в пользу невластных участников, а также создание мощного механизма противодействия и оспаривания управленческих решений и административных действий (актов).

Многие из этих предметных плоскостей исследования попросту ошибочны (правовое регулирование робототехники – аналог средневекового заблуждения о виновности животных в совершении преступлений или иных гадких поступков, заслуживающих достойного наказания), а иные представляют такую картину административной деятельности, которая никогда не существовала (контроль в форме сервиса⁶ – неоспоримая бессмыслица), является надуманным описанием системы государственного управления, сопровождается различными превращенными юридическими формами, в целом является недействительной.

Два примера из недалекого прошлого: еще недавно наблюдался бурный всплеск интереса к проблематике «административного договора»⁷; где теперь публикации, посвященные этому вопросу? Все верно: эта идея окончательно дискредитирована, так как не имела никакого онтологического статуса, – это выдумка, химерическое представление, принципиально ненаучное описание управленческих процессов, где под личиной самостоятельного крайне важного административно-правового средства регулирования общественных отношений таились рабочие схемы отдельных административных процедур, сопровождающих принятие административного акта.

Иной пример. Эксперименты над отраслью административного права продолжались. Замечательно, что недолго длилось существование концепции *административного договора*, быстро стало понятно, что для неё не существует соответствующего объекта, но вследствие реализации этой концепции серьезнейшим образом был деформирован институт *государственной службы*. Причем ключевой вопрос не в том, какова отраслевая принадлежность этого вида деятельности, но идеологический дефект заключался, по всей видимости, в ином факторе – была персонифицирована, возведена на пьедестал и заблаговременно осыпана почестями фигура именно

⁶ Таможенники вводят контроль в виде сервиса. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-197145-section_id-17.html.

⁷ См.: Корнев А. П., Абдурахманов А. А. Административные договоры: понятие и виды // Журнал российского права. 1998. № 7; Стахов А. И. Понятие и отличительные признаки административно-правового договора по обеспечению безопасности // Административное право и процесс. 2007. № 1; Савостин А. А. Административные договоры и их реализация в сфере публичного управления // Административное и муниципальное право. 2008. № 1; Колокольцев А. Н. Административный договор как правовая форма управления // Административное и муниципальное право. 2008. № 5; Щербакова Л. В. Виды административно-договорных обязательств: основные критерии классификации // Административное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 205–219; и др.

государственного служащего, значимым стало нормативно-правовое и иное обеспечение его профессиональных и личных интересов (свободно продаваемых на рынке труда) за счет бюджетных средств и иных государственных и привлеченных ресурсов; в рамках своего должностного «надела» он стал полновластным хозяином судеб не только граждан и организаций, но и целых ведомственных систем, отраслей и регионов, если не сказать более.

Вовсе было выхолощено положение о том, что *важно совместное служение*, взаимодействие, согласование усилий, а не дележ полномочий, споры о компетенции и организационные конфликты, что также *значимы самоотдача, самоотверженность, забота о ближних, иначе о какой публичности может идти речь*. Только беспрецедентные меры по противодействию коррупции, жесточайшее усиление контрольно-надзорных и правоохранительных мероприятий в отношении нерадивых сотрудников позволили несколько переломить ситуацию. Но задание корректировочного механизма управления в системе государственной службы при помощи кодексов служебной этики вряд ли будет эффективно.

Аналогичная картина происходит с административным принуждением, достаточно взять лишь возрастание количества составов административных правонарушений, видов, а также размеров наказаний за их совершение. Более того, необходимо заметить, что вся отрасль административного права носит принудительный характер. Поскольку деятельностная организация государственного управления предполагает влияние на особый объект (отрасли и сферы общественных отношений, но не социальные институты и не отдельные индивиды), то механизм обеспечения стабильности предполагает в рамках *идеальной модели* постоянное изменение схем управления (в формальной плоскости – общего, специального и индивидуального административно-правовых режимов, в содержательной – до императивного установления субъективной модели поведения, которая сопровождается административными командами: «предъявить», «представить», «прекратить», «перейти» и пр.), подкрепленных мерами обеспечения их реализации – административными ограничениями, изъятиями и барьерами.

Для примера: выбившийся из потока водитель задает сбой всей организации дорожного движения, прямо или косвенно, создавая технические сложности или просто отвлекая внимание иных участников дорожного движения, если только он не один на трассе (что крайне редко). Причем такой случай не единичен, а дорожное движение не просто организовано, но структурировано, имеет сложнейшие взаимосвязи, *поэтому требуется влияние не на конкретный поступок единичного субъекта, а изменение всей схемы управления дорожным движением в каждом случае такого организационного сбоя*.

Иначе говоря, происходит не только вторичная административно-правовая регламентация стихийно

сложившегося порядка, но возникает регулирование третьего, четверного и последующих уровней, до стабилизации отношений, а затем возврата к обычному порядку вещей, ведь не случайно устанавливаются уровни опасности, *принудительный потенциал административного права заложен в каждой его норме, а не только в подкрепленных специфическими средствами воздействия (негативными санкциями)*¹. Задача не в том, чтобы повлиять на конкретный поступок, вырванный из социального контекста, на взаимодействие малой группы или задать идеологические ориентиры, а в том, чтобы реформировать один уровень режимной организации деятельности на другой и вернуть его в исходное положение – нормальный порядок управления.

Досконально изученный конгломерат норм об административном принуждении, так или иначе, ведет к его ключевой точке, к его квинтэссенции – *административной ответственности*, которая, по сути своей, представляет ряд заимствованных средств, встречающихся в иных отраслях права, – юридических средств, вытеснивших организационно-управленческую работу, в результате чего имеет место подобие состава преступления (по конструкции основания для применения санкций), а по характеру воздействия административные наказания – конгломерат защитных механизмов, заимствованных из отраслей конституционного права, откуда были взяты *меры исключения из политического общения* (их аналоги в КоАП РФ: лишение специального права, предоставленного физическому лицу, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация, административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения), гражданского права: *заимствованы компенсационно-восстановительные санкции* (их аналоги в КоАП РФ: административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения), и уголовного права: *заимствованы наказания* (их аналоги в КоАП РФ: предупреждение, административное приостановление деятельности, обязательные работы, административный арест).

В административной ответственности нет ничего оригинального и своеобразного, что отличало бы ее от коррекционных мер, предусмотренных иными отраслями права, так как замена некоторых слов в наименованиях юридических конструкций не исключает подобий и аналогий. К сожалению, не был учтен тот фактор, что первичные отрасли влияют на недостойные, необоснованные и опасные *поступки*, а административно-правовая регламентация должна повлиять на *деятельность в объеме ее сфер и отрас-*

¹ О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства: Указ Президента РФ от 14 июня 2012 г. № 851 // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3315.

лей. В погоне за одним нарушителем упускаем из виду состояние всей системы управления, соответственно, и количество нарушителей множится, и эффективных средств влияния становится все меньше. Ведь не секрет, что количество административных правонарушений уже исчисляется миллионами и размеры административных штрафов увеличились в миллионы раз по сравнению с изначально утвержденными, но вряд ли кто-то может привести весомые аргументы в пользу того, что введение или усиление административной ответственности как-то изменило состояние правопорядка. Безусловно, единичные случаи позитивного воздействия имеются, но это не носит тотального характера, нет тому никаких доказательств, а противоположные данные есть – рост числа административных правонарушений и лиц, привлеченных к административной ответственности. Она в большей части превратилась в нейтральный ритуал, который умело нивелируется на практике путем замены наказаний на более мягкие или ниже низшего предела.

Теперь обратное. Если о реальности административной ответственности можно судить по тем превращенным формам воздействия, в каких она пребывает (т. н. административные наказания), то вот утверждать о её действительности вряд ли обоснованно, но тогда вновь приходится вернуться к вопросу о принудительности административно-правовых норм в целом, а не только в рамках специально выделенного института административного принуждения.

В чем заключаются материальные основания для принуждения: субъектность, противоправность / опасность, виновность. А в чем суть воздействия: профилактика – идеология принуждения, предупреждение – его цель, ограничение – имманентный ему способ, пресечение – действенное средство, восстановление – достигаемый результат, сдерживание – неизбежные последствия. Если кратко, суть принуждения заключается в действии в условиях противодействия, невзирая на волю, пожелания и эмоции противоположной стороны.

Разве иные методы административно-правового воздействия и опосредствующие их юридические средства не отвечают тем же самым признакам? Позволим себе заметить, что не всякое принуждение персонифицировано, так как можно применять меры и к бунтующей толпе, и к группам беженцев, хаотично устремляющимся подальше от опасности, не всякое связано с противоправностью, о чем ярко говорят факты принудительной госпитализации, не всякое влияет на осознаваемые поступки в отличие от уголовного преследования, где невменяемость исключает принудительность.

Почему возникает вывод о тотальной принудительности норм административного права? Потому что в обычно складывающийся ход событий и поступков вторгаются дополнительные обременения, императивные предписания, ограничения, разного рода препятствия и барьеры. Вроде бы обыденная ситуация переезда с места на место требует реги-

страции в зависимости от места нахождения, встреча единомышленников – согласования места проведения собрания, занятие любимым делом – легализации статуса предпринимателя, а вырабатываемая продукция – сертификации, хотя за ее качество производитель ручается, и нареканий к нему никогда не было, а использование сложных производственных систем – лицензирования и прочих специальных разрешений. При всем этом еще потребуются постоянно отчитываться о том, что и как было сделано, а также претерпевать проведение мероприятий по контролю, – чем все перечисленное не принуждение? Третья сила вторглась в первичные отношения, причем обязательства, сопровождающие применение того или иного метода административно-правового воздействия, вовсе не вытекают из существа этих первичных отношений.

Можно, конечно, предположить, что это не принуждение, а именно обязательства, в свою очередь, административное принуждение повлечет именно невыполнение этих обязательств. Только изначально не ясно, в чем заключается разница – обязать согласование сделки с антимонопольным органом или выдать предписание о согласовании сделки с антимонопольным органом; обязать прибыть на призывной участок или доставить на призывной участок; запретить навязывание услуг потребителям или прекратить таковое, если оно фактически произошло. Новые по содержанию правоотношения в таких случаях не возникают, при этом действия второго плана (предписания, доставления, прекращение и пр.) однозначно признаются принуждением, а первые нет. Почему?

Существует предположение, что здесь встречается своеобразный и уникальный подход к регулированию общественных отношений, единственно возможный для формирования и структурирования системы административного права, – *режимное регулирование*, которое определяется следующим образом: совокупность правовых статусов субъектов правоотношений, режимных правил и режимных гарантий¹. Если использовать только эти критерии, то совершенно невозможно отличить, чем отрасль административного права отличается от всех остальных, так как подобные юридические средства встречаются повсеместно.

Далее, раскрывая содержание режима, предлагается пользоваться следующей версией его определения: «административно-правовой режим понимается как взаимосвязанное, комплексное, гарантированное правовое регулирование, осуществляемое государством для решения задач, определенных законодательством за субъектом управления, осуществляющим управленческое воздействие на соответствующие объекты для достижения законодательно определенных целей в административно-по-

¹ См.: Долгополов А. А., Жеребцов А. Н. Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли административного права // Общество и право. 2016. № 2. С. 305.

литической, экономической и социально-культурной сферах»¹. Во-первых, атрибутивные признаки использованы с произвольным содержанием, во-вторых – в недопустимом лексическом сочетании, вследствие чего утрачен смысл, в-третьих, таким образом определяется стратегическое планирование, но никак не режим.

В чем недостаток режимного объяснения сути административного права? Этот своеобразный феномен не позволяет раскрыть сущности административной деятельности. Феномен остается только феноменом, поверхностным видением только формы этой деятельности, он создается на основе неисчислимого множества юридических средств, которые составляют впечатляющую своими объемами мозаичную структуру административных действий (процедур). Их невозможно собрать воедино, так как если методы административно-правового воздействия остаются незабываемыми (регистрация, легализация, разрешение, содействие и распоряительство), то средства их реализации напрямую зависят от подведомственной среды и тех видов деятельности, которые выступают объектами управления и администрирования: не может быть одинакового регистрационного режима в отношении земельных и лесных участков, жилищного и строительного контроля (надзора), лицензирования перевозок и промышленной безопасности, содействия беженцам и безработным, предписаний антимонопольного органа или технического надзора и т. д.

Сигналы светофора и действия регулировщика – все будет укладываться в «режим обеспечения безопасности дорожного движения», хотя от может быть представлен различными вариативными средствами. Режим «повышенной готовности», введенный вследствие пандемического распространения опасной инфекции, – это вовсе не один и тот же общегосударственный режим², он отличается для сферы просвещения³, распоряжения публичным имуществом⁴, на

объектах транспорта⁵, в отрасли здравоохранения⁶, по субъектам федерации⁷ и далее по муниципалитетам, отдельным объектам, лицам, т. е. проведена конкретизация вплоть до персонализации режимных требований. Вполне закономерен вопрос: «повышенная готовность» – это один административно-правовой режим или конгломерат различных режимов, ситуативно варьирующихся в зависимости от обстоятельств и оперативной обстановки? Очевидно, что лишь название носит типологический характер, а собрать воедино всю атрибутику подобной режимной регламентации невозможно.

В этом плане совершенно верно отмечает О. В. Соболев, что все административно-правовые режимы, в конечном счете, сводятся к индивидуальному ограничивающему воздействию, сопровождающемуся компенсационными механизмами поддержания порядка управления и прав подвластных субъектов⁸. Но если такой подход центрирован на подвластном субъекте, то есть другая сторона режимных феноменов – для представителя административной власти возможность установления режима позволяет оптимизировать практику его работы на вверенном участке деятельности системы (не секрет, что даже два смежных наряда ДПС непрерывно вырабатывают для себя наиболее приемлемый вариант обеспечения безопасности дорожного движения и на различных административных участках по-разному будут организовывать деятельность уполномоченные участковые полиции).

При этом подбор средств – вопрос субъективно-административного усмотрения уполномоченного должностного лица, когда даже одинаковые обстоятельства могут не вызывать одинакового воздействия. Ведь противоэпидемический режим характеризуется именно подбором подходящих средств и ресурсов, а не копированием уже имеющихся практик; зачастую бывает, что таковые вообще не сформированы, а режим требуется установить и реализовать его требования.

¹ Долгополов А. А., Жеребцов А. Н. Режимное структурирование права государственного управления: к вопросу о системе и структуре отрасли административного права // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 22.

² Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // СЗ РФ. 2020. № 15. Ст. 2274.

³ Письмо Минпросвещения России № ВБ-993/08, Профсоюз работников народного образования и науки РФ № 221 от 8 мая 2020 г. «Об аттестации педагогических работников в целях установления квалификационной категории в условиях введения в субъектах РФ режима повышенной готовности, вызванного распространением COVID-19».

⁴ Информация ФАС России «О внесении изменений в договоры аренды государственного (муниципального) имущества в связи с введением режима повышенной готовности». URL: <http://www.consultant.ru>.

⁵ Приказ Росморречфлота от 26 марта 2020 г. № 30 «О введении режима повышенной готовности и дополнительных мерах по обеспечению устойчивой работы Росморречфлота и противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

⁶ Письмо Минздрава России от 25 марта 2020 г. № 25-3/И/2-3533 «Об организации мер по профилактике и недопущению распространения коронавирусной инфекции в режиме повышенной готовности»: URL: <http://www.consultant.ru>.

⁷ Методические рекомендации для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросу обеспечения осуществления мер, направленных на повышение готовности субъектов Российской Федерации к реагированию на крупномасштабные чрезвычайные ситуации и пожары: утв. МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mchs.gov.ru>.

⁸ См.: Соболев О. В. Индивидуальный административно-правовой режим // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 55–63.

Таким образом, режим – потенциальная схема администрирования, основанная на неиндивидуализированном правприменительном акте¹, которая, условно говоря, срабатывает, когда в сфере ее действия оказывается постороннее лицо, при этом могут быть и часто встречаются случаи, когда режимное регулирование вообще не срабатывает вследствие отсутствия субъектов, находящихся в зоне его действия, просто в нем никто не заинтересован. Тогда что же остается? Остаются технологии администрирования, облеченные в правовую форму административных регламентов, опять же содержащие предписания, принуждающие отказаться от привычного произвольного поведения.

Иллюзия тотального внедрения административно-правовых режимов связана с тем, что они имеют полиструктурный морфологический состав (например, повседневный, повышенная готовность, чрезвычайная ситуация), хотя в этом случае лишь меняется экстенсивность применения доступных юридических средств (становится больше требований, постановлений, проверок и т. д.), а суть воздействия вовсе не меняется – властное предписание остается властным предписанием. Кроме того, представляется, что они как бы возникают сами по себе, подчеркивая неповторимое своеобразие административного воздействия, – вот уж точно заблуждение: неужели до введения карантина не было санитарно-противоэпидемических мероприятий, до определения условий лесопользования на лесном участке развели требования по охране лесов, или до определения условий эксплуатации памятника архитектуры можно было своевольно разрушать объект капитального строительства? Иначе говоря, административно-правовые режимы производны друг от друга, более того, они появляются не на пустом месте, а зависят от регуляторных особенностей той среды, с которой непосредственно взаимосвязаны, и производны от уже имеющихся средств регулирования.

Говоря о том или ином административно-правовом режиме, не стоит ограничиваться лишь названием средства и его формы (неверно заявлять вообще о регистрации, вообще о лицензировании и т. д.), всегда утверждается, где, при каких обстоятельствах и на базе чего возник режим – паспортный режим, опосредствующий легализацию нахождения на территории государства; лицензирование – применительно к отрасли: транспортной, частной охранной деятельности, в сфере банковского, страхового дела и т. п.; сертификация всегда будет привязана к продукции или процессам и т. д. В этом случае очевидна и другая сторона этих схем администрирования: была свобода передвижения, а стало регистрационно-разрешительное нахождение, была свобода предпринимательства – взамен заявительно-легализованный допуск к профессиональной активности, была сво-

бодная пропаганда – на смену пришло лицензируемое обучение и воспитание, – *принуждение на смену произволу*.

Библиографический список

1. Агамагомедова С. А. Административное усмотрение при реализации контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной власти / С. А. Агамагомедова // Административное право и процесс. – 2020. – № 1. – С. 49–52.
2. Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сб. науч. ст. / Р. Ю. Батрашин, Н. И. Бурмакина, Н. Д. Бут и др.; отв. за вып. А. И. Стахов. – Москва: РГУП, 2018. – 164 с.
3. Беляева О. А. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: науч.-практ. пособие / О. А. Беляева, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин; отв. ред. И. И. Кучеров. – Москва: КОНТРАКТ, 2019. – 160 с.
4. Домченко А. С. Общие положения оспаривания неиндивидуализированных административно-правовых актов / А. С. Домченко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 10. – С. 46–51.
5. Долгополов А. А. Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли административного права / А. А. Долгополов, А. Н. Жеребцов // Общество и право. – 2016. – № 2.
6. Долгополов А. А. Режимное структурирование права государственного управления: к вопросу о системе и структуре отрасли административного права / А. А. Долгополов, А. Н. Жеребцов // Административное право и процесс. – 2020. – № 1.
7. Жеребцов А. Н. Проблемы реализации норм международного «мягкого права» в административном механизме регулирования миграции населения / А. Н. Жеребцов // Административное и муниципальное право. – 2009. – № 7.
8. Идрисов Р. Ф. Юрисдикционная форма защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц: субъективные причины неэффективности / Р. Ф. Идрисов, Н. Н. Костюк, С. Д. Кокунова // Современное право. – 2019. – № 3. – С. 5–18.
9. Институт государственных и муниципальных услуг в современном праве Российской Федерации: монография / С. А. Васильев, Е. Ю. Грачева, Е. Н. Дорошенко и др.; отв. ред. В. И. Фадеев. – Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. – 208 с.
10. Коренев А. П. Административные договоры: понятие и виды / А. П. Коренев, А. А. Абдурахманов // Журнал российского права. – 1998. – № 7.
11. Колокольцев А. Н. Административный договор как правовая форма управления / А. Н. Колокольцев // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 5.
12. Новикова И. Д. Надлежащий уровень правовой регламентации административных процедур как важное направление совершенствования института государственных услуг / И. Д. Новикова // Государ-

¹ См.: Домченко А. С. Общие положения оспаривания неиндивидуализированных административно-правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 46–51.

ственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 5. – С. 28–34.

13. Перов С. В. Контрольно-надзорные и регуляторные функции федеральных органов исполнительной власти: проблемы разграничения в контексте административной реформы / С. В. Перов // *Lex russica*. – 2019. – № 2. – С. 69–80.

14. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – Москва: Юстицинформ, 2017. – 432 с.

15. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / С. А. Белов, Е. В. Гриценко, Д. А. Жмулина и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. – Москва: Инфотропик Медиа, 2015. – 528 с.

16. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В. В. Архипов, В. В. Бакуменко, А. Д. Вольнец и др.; под ред. А. В. Незнамова. – Москва: Инфотропик Медиа, 2018. – 232 с.

17. Саушкин Д. В. Права и обязанности предпринимателя при взаимоотношениях с правоохранительными органами: закон и практика / Д. В. Саушкин, Д. Д. Шульгина, М. А. Корчагина. – Москва: Редакция «Российской газеты», 2019. – Вып. 19. – 160 с.

18. Стахов А. И. Понятие и отличительные признаки административно-правового договора по обеспечению безопасности / А. И. Стахов // *Административное право и процесс*. – 2007. – № 1.

19. Савостин А. А. Административные договоры и их реализация в сфере публичного управления / А. А. Савостин // *Административное и муниципальное право*. – 2008. – № 1.

20. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления: монография / Г. А. Бученков, Ю. А. Головин, Д. В. Карпунин и др.; под ред. И. Л. Бачило, М. А. Лапиной. – Москва: Юстиция, 2016. – 210 с.

21. Савченко Е. А. Некоторые аспекты соблюдения законности субъектами разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в условиях модернизации социально-экономического развития / Е. А. Савченко // *Журнал российского права*. – 2019. – № 7. – С. 104–114.

22. Смирнов А. А. Административно-правовой статус Россотрудничества как ключевого субъекта реализации «мягкой силы» / А. А. Смирнов // *Административное право и процесс*. – 2014. – № 2. – С. 39–41.

23. Современные кадровые технологии в органах власти: монография / А. М. Беляев, Е. Д. Богатырев, А. И. Галкин и др.; под общ. ред. С. Е. Прокофьева, А. М. Беляева, С. Г. Еремина. – Москва: Юстицинформ, 2015. – 662 с.

24. Тенденции развития контроля за деятельностью публичной администрации в зарубежных государствах: монография / А. Б. Зеленцов, Н. М. Касатки-

на, В. И. Лафитский и др.; отв. ред. В. И. Лафитский, И. Г. Тимошенко. – Москва: ИНФРА-М, 2015. – 446 с.

25. Тихомирова Л. А. Все о проверках и результатах проведения мероприятий по контролю. Основные способы и формы защиты прав предпринимателя при проведении проверок // *СПС КонсультантПлюс*.

26. Федотова Ю. Г. Реализация функций судебной власти в сфере административно-правовой защиты прав граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации / Ю. Г. Федотова // *Современное право*. – 2020. – № 1. – С. 46–53.

27. Щербакова Л. В. Виды административно-договорных обязательств: основные критерии классификации / Л. В. Щербакова // *Административное и муниципальное право*. – 2013. – № 3. – С. 205–219.

28. Соболев О. В. Индивидуальный административно-правовой режим / О. В. Соболев // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. – 2017. – № 2. – С. 55–63.

Bibliograficheskiy spisok

1. Agamagomedova S. A. Administrativnoe usmotrenie pri realizacii kontrol'no-nadzornyh polnomochij organov ispolnitel'noj vlasti / S. A. Agamagomedova // *Administrativnoe pravo i process*. – 2020. – № 1. – С. 49–52.

2. Aktual'nye problemy garmonizacii sudebnoj reformy s reformoj gosudarstvennogo kontrolya i nadzora: sb. nauch. st. / R. YU. Batrshin, N. I. Burmakina, N. D. But i dr.; отв. za vyp. A. I. Stahov. – Moskva: RGUP, 2018. – 164 s.

3. Belyaeva O. A. Pravovye mekhanizmy protivodejstviya korrupcii v sfere korporativnyh zakupok: nauch.-prakt. posobie / O. A. Belyaeva, YU. V. Truncevskij, A. M. Cirin; отв. red. I. I. Kucherov. – Moskva: KONTRAKT, 2019. – 160 s.

4. Domchenko A. S. Obshchie polozheniya osparivaniya neindividualizirovannyh administrativno-pravovyh aktov / A. S. Domchenko // *Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process*. – 2018. – № 10. – С. 46–51.

5. Dolgopolov A. A. Administrativno-pravovoj rezhim kak kriterij strukturirovaniya otrasli administrativnogo prava / A. A. Dolgopolov, A. N. ZHerebcov // *Obshchestvo i pravo*. – 2016. – № 2.

6. Dolgopolov A. A. Rezhimnoe strukturirovanie prava gosudarstvennogo upravleniya: k voprosu o sisteme i strukture otrasli administrativnogo prava / A. A. Dolgopolov, A. N. ZHerebcov // *Administrativnoe pravo i process*. – 2020. – № 1.

7. ZHerebcov A. N. Problemy realizacii norm mezhdunarodnogo «myagkogo prava» v administrativnom mekhanizme regulirovaniya migracii naseleniya / A. N. ZHerebcov // *Administrativnoe i municipal'noe pravo*. – 2009. – № 7.

8. Idrisov R. F. YUrisdikcionnaya forma zashchity prav i zakonnyh interesov fizicheskikh i yuridicheskikh lic: sub'ektivnye prichiny neeffektivnosti / R. F. Idrisov, N. N. Kostyuk, S. D. Kokunova // *Sovremennoe pravo*. – 2019. – № 3. – С. 5–18.

9. Institut gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug v sovremennom prave Rossijskoj Federacii: monografiya / S. A. Vasil'ev, E. YU. Gracheva, E. N. Doroshenko i dr.; otv. red. V. I. Fadeev. – Moskva: NORMA, INFRA-M, 2016. – 208 s.
10. Korenev A. P. Administrativnye dogovory: ponyatie i vidy / A. P. Korenev, A. A. Abdurahmanov // ZHurnal rossijskogo prava. – 1998. – № 7.
11. Kolokol'cev A. N. Administrativnyj dogovor kak pravovaya forma upravleniya / A. N. Kolokol'cev // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2008. – № 5.
12. Novikova I. D. Nadležashchij uroven' pravovoj reglamentacii administrativnyh procedur kak vazhnoe napravlenie sovershenstvovaniya instituta gosudarstvennyh uslug / I. D. Novikova // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2019. – № 5. – S. 28–34.
13. Perov S. V. Kontrol'no-nadzornye i reguljatornye funkcii federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: problemy razgranicheniya v kontekste administrativnoj reformy / S. V. Perov // Lex russica. – 2019. – № 2. – S. 69–80.
14. Pravo i ekonomicheskoe razvitie: problemy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki: monografiya / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov i dr.; otv. red. V. A. Vajpan, M. A. Egorova. – Moskva: YUsticinform, 2017. – 432 s.
15. Publichno-chastnoe partnerstvo v Rossii i zarubezhnyh stranah: pravovye aspekty / S. A. Belov, E. V. Gricenko, D. A. ZHmulina i dr.; pod red. V. F. Popondopulo, N. A. SHevelevoj. – Moskva: Infotropik Media, 2015. – 528 s.
16. Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v «robopravo». Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologij iskusstvennogo intellekta / V. V. Arhipov, V. V. Bakumenko, A. D. Volynec i dr.; pod red. A. V. Neznamova. – Moskva: Infotropik Media, 2018. – 232 s.
17. Saushkin D. V. Prava i obyazannosti predprinimatelja pri vzaimootnoshenijah s pravoohranitel'nymi organami: zakon i praktika / D. V. Saushkin, D. D. SHul'gina, M. A. Korchagina. – Moskva: Redakcija «Rossijskoj gazety», 2019. – Vyp. 19. – 160 s.
18. Stahov A. I. Ponyatie i otlichitel'nye priznaki administrativno-pravovogo dogovora po obespečeniju bezopasnosti / A. I. Stahov // Administrativnoe pravo i process. – 2007. – № 1.
19. Savostin A. A. Administrativnye dogovory i ih realizacija v sfere publichnogo upravleniya / A. A. Savostin // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2008. – № 1.
20. Sistematizacija i elektronnoe kodirovanie funkcij i polnomochij v sisteme publichnogo upravleniya: monografiya / G. A. Buchenkov, YU. A. Golovin, D. V. Karpuhin i dr.; pod red. I. L. Bachilo, M. A. Lapinaj. – Moskva: YUsticiya, 2016. – 210 s.
21. Savchenko E. A. Nekotorye aspekty soblyudeniya zakonnosti sub»ektami razreshitel'noj i kontrol'no-nadzornoj deyatelnosti v uslovijah modernizacii social'no-ekonomicheskogo razvitiya / E. A. Savchenko // ZHurnal rossijskogo prava. – 2019. – № 7. – S. 104–114.
22. Smirnov A. A. Administrativno-pravovoj status Rossotrudničestva kak klyuchevoogo sub»ekta realizacii «myagkoj sily» / A. A. Smirnov // Administrativnoe pravo i process. – 2014. – № 2. – S. 39–41.
23. Sovremennye kadrovyje tekhnologii v organah vlasti: monografiya / A. M. Belyaev, E. D. Bogatyrev, A. I. Galkin i dr.; pod obshch. red. S. E. Prokof'eva, A. M. Belyaeva, S. G. Eremina. – Moskva: YUsticinform, 2015. – 662 s.
24. Tendencii razvitiya kontrolya za deyatelnost'yu publichnoj administracii v zarubezhnyh gosudarstvah: monografiya / A. B. Zelencov, N. M. Kasatkina, V. I. Lafitskij i dr.; otv. red. V. I. Lafitskij, I. G. Timoshenko. – Moskva: INFRA-M, 2015. – 446 s.
25. Tihomirova L. A. Vse o proverkah i rezul'tatah provedeniya meroprijatij po kontrolyu. Osnovnye sposoby i formy zashchity prav predprinimatelja pri provedenii proverok // SPS Konsul'tantPlyus. 2019.
26. Fedotova YU. G. Realizacija funkcij sudebnoj vlasti v sfere administrativno-pravovoj zashchity prav grazhdan, uchastvuyushchih v obespečenii oborony i bezopasnosti Rossijskoj Federacii / YU. G. Fedotova // Sovremennoe pravo. – 2020. – № 1. – S. 46–53.
27. SHCHerbakova L. V. Vidy administrativno-dogovornyh obyazatel'stv: osnovnye kriterii klassifikacii / L. V. SHCHerbakova // Administrativnoe i municipal'noe pravo. – 2013. – № 3. – S. 205–219.
28. Sobolev O. V. Individual'nyj administrativno-pravovoj rezhim / O. V. Sobolev // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu. – 2017. – № 2. – S. 55–63.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343.271

Развитие системы наказаний за уголовные проступки по законодательству стран Ближнего зарубежья

**Сизова Виктория Николаевна,
Академия управления МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: svnn@inbox.ru**

В статье подвергаются анализу положения уголовного законодательства стран Ближнего зарубежья, система наказаний за совершение уголовных проступков, рассматривается вопрос об использовании зарубежного опыта в отечественной уголовно-правовой системе.

Ключевые слова: уголовное законодательство; уголовный проступок; система наказаний; уголовные правонарушения; преступление; уголовно-правовая система.

Development of a system of penalties for criminal misconduct under the laws of neighboring countries

**Sizova Victoria Nikolaevna,
Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law**

The article analyzes the provisions of the criminal law of the countries of the near abroad, the system of penalties for committing criminal misconduct, discusses the use of foreign experience in the domestic criminal law system.

Key words: criminal law; criminal misconduct; punishment system; criminal offenses; crime; criminal law system.

Изучение положений уголовного законодательства стран Ближнего зарубежья, посвященных регламентации института уголовных проступков, представляется обоснованным начать с латвийской системы уголовно-правовых норм, поскольку законодатель именно этого государства ранее других включил в данную систему исследуемую категорию¹, восприняв

¹ См.: Епифанова Е. В. Понятие преступления в уголовном законодательстве стран СНГ и Балтии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 3 (27). С. 28–29.

сформировавшиеся изначально представления об уголовном проступке в европейской законодательной системе.

Положениями Уголовного кодекса Латвийской Республики² устанавливается градация преступных деяний на непосредственно преступления и уголовные проступки, при этом преступления классифицируют-

² Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и предисл. А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой; пер. с латв. А. И. Лукашова. СПб., 2001.

ся на менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие, а в качестве уголовного проступка законодатель определил деяния, за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет или более мягкое наказание.

Белорусское уголовное законодательство категоризирует все преступные деяния на преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, тяжкие и особо тяжкие, выделяя в качестве критериев классификации формы вины, а также максимально допустимое к назначению наказание, акцентируя на том, что неосторожным преступным деяниям не должен придаваться статус тяжких или особо тяжких¹. В этой связи понятие уголовного проступка идентично понятию преступления, не представляющего большой общественной опасности, к которому относятся умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, предусматривающие наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание. При этом следует отметить, что указанные деяния не обладают общественной опасностью, присущей преступлению, так как не причиняют и по своему содержанию не могут причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам².

Литовский законодатель также включил институт уголовного проступка в уголовно-правовую систему. Так, положениями Уголовного кодекса Литовской Республики устанавливается, что все преступные деяния классифицируются на собственно преступления и уголовные проступки. Критерием, отграничивающим данные категории, подобно латвийскому и белорусскому уголовному законодательству, стала мера наказания. В частности, глава III УК Литовской Республики «Преступление и уголовный проступок» регламентирует разделение преступных деяний на преступления и уголовные проступки, устанавливая, что в качестве уголовного проступка необходимо понимать опасное и запрещенное законом деяние, совершаемое путем действия либо бездействия и влекущее наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением ареста³.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей Республики Беларусь 2 июня 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

² См.: Дворецкий М. Ю., Стромов В. Ю. Перспективы совершенствования отечественного законодательства в целях повышения эффективности уголовной ответственности на примере решения теоретических проблем в уголовном кодексе республики Беларусь // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 271–278.

³ См.: Абрамавичюс А., Дракшене А., Павилонис В. Основные положения Уголовного кодекса Литовской Республики // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова, Н. Ф. Кузнецовой. М.: ЛексЭСТ, 2002. С. 192–193.

Положения Уголовного кодекса Республики Казахстан устанавливают регламентацию института уголовного проступка указанием на то, что уголовные правонарушения, исходя из степени общественной опасности и назначаемого за их совершение наказания, классифицируются на преступления и уголовные проступки. В качестве уголовных проступков необходимо считать виновно совершенные деяния, не обладающие высокой степенью общественной опасности, причиняющие несущественные вредные последствия или создающие угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, и предусматривающие за совершение назначение следующих видов наказания – штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, арест⁴.

Вступивший в силу с 1 сентября 2002 г. Уголовный (Пенитенциарный) кодекс Эстонской Республики⁵ во многом кардинально изменил прежние уголовно-правовые положения, прежде всего касающиеся регламентации уголовной ответственности за совершение уголовных проступков, предусмотрев категоризацию всех преступных деяний на собственно преступления и проступки, которые могут совершать как физические, так и юридические лица. При этом эстонское уголовное законодательство изначально заложило в свою основу положение немецкого уголовного права, которое базируется на деликтной структуре, определяя состав преступления не в качестве основания уголовной ответственности, а только в качестве начального элемента всей деликтной системы. Вторым элементом рассматривается совокупность обстоятельств, исключающих привлечение к уголовной ответственности. Под третьим элементом понимается вина в ее нормативном понимании, то есть как возможность поставить деяние в упрек, при этом такое понимание существенно отличается от психологической концепции вины, поскольку не включает в свой состав внутреннее отношение виновного лица к совершенному преступному деянию и наступившим в результате этого деяния последствиям⁶.

Уголовный проступок в соответствии с эстонским уголовным законодательством представляет собой виновное деяние, совершение которого влечет за собой назначение наказания в виде денежного штрафа, ареста, лишения права управления транспортными средствами. Дополнительной регламентации подле-

⁴ См.: Мусали Н. Классификация уголовных правонарушений в аспекте дальнейшей гуманизации уголовного закона республики Казахстан // Вестник Московского университета. Сер. Право. 2016. № 3. С. 91–99.

⁵ Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики // Государственный вестник на русском языке. Правовые акты Эстонии. 2003. № 1; 2005. № 17.

⁶ См.: Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Правовое регулирование причинения вреда преступнику при его задержании в УК некоторых зарубежных государств // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 9. С. 81–90.

жат ситуации совершения лицом такого деяния, которое подпадает под признаки как преступления, так и проступка. В таком случае виновное лицо может быть привлечено к ответственности лишь за совершенное преступление, но не проступок, что исключает возможную избыточность в уголовно-правовой оценке содеянного.

Кроме того, положениями Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики отдельно регламентируются стадии совершения проступка, в частности, законодательно устанавливается, что покушение на совершение проступка будет признаваться наказуемым, если указание на это содержится в соответствующей уголовно-правовой норме¹. При этом негодным законодатель признает совершенное покушение на проступок, не доведенное до конца по причине негодности предмета или субъекта деяния либо средства или способа его совершения. Также в полномочиях суда принимать решение об освобождении лица, совершившего негодное покушение на уголовный проступок, от назначения наказания при условии, что оно не осознавало негодность своих действий по причине умственной неполноценности либо иного заболевания, препятствующего такому осознанию.

Уголовно-правовые нормы, входящие в структуру второго раздела Пенитенциарного кодекса Эстонской Республики, содержат указание на применяемые к виновному лицу в случае совершения уголовного проступка наказания, в число которых в соответствии с уголовным законодательством входят:

- штраф (в частности, судом либо иным учреждением, осуществляющим внесудебное производство по делу, устанавливается размер штрафа в границах от трех до трехсот штрафных единиц, при этом под штрафной единицей следует понимать базовую сумму денежного штрафа в размере четырех евро; также судом либо иным учреждением, осуществляющим внесудебное производство по делу, устанавливается размер штрафа для юридических лиц в границах от 100 до 400 000 евро);

- арест (суд за совершение уголовного проступка назначает арест сроком до тридцати дней);

- лишение права управления транспортными средствами (может быть применено судом либо иным учреждением, осуществляющим внесудебное производство по делу, за совершение проступка, связанного с нарушением правил безопасного движения или эксплуатации механического транспортного средства, воздушного или водного судна, а также трамвая или железнодорожного подвижного состава, при назначении в качестве основного наказания сроком до двух лет. При этом лишение права управления транспортными средствами не подлежит одновременному применению и в качестве основного, и в качестве дополнительного наказания, также законом устанавливается, что данного права не может быть лишено лицо, использующее механическое транспортное

средство в связи с дефектом опорно-двигательного аппарата. Лишение права управления транспортными средствами за виновное деяние, связанное с нарушением правил безопасного движения или эксплуатации механических транспортных средств, воздушных или водных судов, а также трамваев или железнодорожного подвижного состава, может быть применено в качестве дополнительного наказания судом или учреждением, ведущим производство во внесудебном порядке, на срок до одного года. При этом аналогично устанавливается, что не может быть лишено данного права лицо, использующее механическое транспортное средство в связи с дефектом опорно-двигательного аппарата);

- лишение права допуска к государственной тайне и засекреченной внешней информации, а также лишение права обработки сведений, составляющих государственную тайну или являющихся засекреченной внешней информацией (назначается судом либо иным учреждением, осуществляющим внесудебное производство по делу, в случае совершения проступка, связанного с нарушением требований Закона о государственной тайне и засекреченной внешней информации в качестве дополнительного наказания сроком до одного года);

- запрет на содержание животных (судом либо иным учреждением, осуществляющим внесудебное производство по делу, в случае совершения в отношении животного недопустимого деяния может применяться в качестве дополнительного наказания запрет на владение любым животным либо животным, которое относится к какому-либо определенному виду животных, на срок до трех лет).

Проведенное исследование процесса эволюции системы наказаний за совершение уголовных проступков по законодательству стран Ближнего зарубежья позволило сделать вывод о наличии в Уголовных кодексах многих государств не только института уголовных проступков, но и достаточно развитой системы наказаний за их совершение, что обуславливает возможность обращения российского законодателя к зарубежному опыту в вопросе включения указанного института в отечественную уголовно-правовую систему с закреплением соответствующих видов наказаний.

Библиографический список

1. Абрамавичюс А. Основные положения Уголовного кодекса Литовской Республики / А. Абрамавичюс, А. Дракшене, В. Павилонис // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова, Н. Ф. Кузнецовой. – Москва: ЛексЭст, 2002. – С. 192–193.

2. Дворецкий М. Ю. Перспективы совершенствования отечественного законодательства в целях повышения эффективности уголовной ответственности на примере решения теоретических проблем в уголовном кодексе республики Беларусь / М. Ю. Дворецкий,

¹ Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики.

В. Ю. Стромов // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3. – С. 271–278.

3. Мусали Н. Классификация уголовных правонарушений в аспекте дальнейшей гуманизации уголовного закона республики Казахстан / Н. Мусали // Вестник Московского университета. – Сер. Право. – 2016. – № 3. – С. 91–99.

4. Милюков С. Ф. Правовое регулирование причинения вреда преступнику при его задержании в УК некоторых зарубежных государств / С. Ф. Милюков, А. В. Никуленко // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – Вып. 9. – С. 81–90.

5. Епифанова Е. В. Понятие преступления в уголовном законодательстве стран СНГ и Балтии / Е. В. Епифанова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2007. – № 3 (27). – С. 28–29.

Bibliograficheskij spisok

1. Abramavichyus A. Osnovnye polozheniya Ugolovnogo kodeksa Litovskoj Respubliki / A. Abramavichyus, A. Drakshene, V. Pavilionis // Novoe ugovnoe zakonodatel'stvo stran SNG i Baltii: sb. nauch. st. / pod red. L. L. Kruglikova, N. F. Kuznecovoj. – Moskva: LeksEst, 2002. – S. 192–193.

2. Dvoreckij M. YU. Perspektivy sovershenstvovaniya otechestvennogo zakonodatel'stva v celyah povysheniya effektivnosti ugovnoy otvetstvennosti na primere resheniya teoreticheskikh problem v ugovnom kodekse respubliki Belarus' / M. YU. Dvoreckij, V. YU. Stromov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 3. – S. 271–278.

3. Musali N. Klassifikaciya ugovnyh pravonarushenij v aspekte dal'nejshej gumanizacii ugovnogo zakona respubliki Kazahstan / N. Musali // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. Pravo. – 2016. – № 3. – S. 91–99.

4. Milyukov S. F. Pravovoe regulirovanie prichineniya vreda prestupniku pri ego zaderzhanii v UK nekotoryh zarubezhnyh gosudarstv / S. F. Milyukov, A. V. Nikulenko // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. – 2010. – Vyp. 9. – S. 81–90.

5. Epifanova E. V. Ponyatie prestupleniya v ugovnom zakonodatel'stve stran SNG i Baltii / E. V. Epifanova // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2007. – № 3 (27). – S. 28–29.

Об обеспечении права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь

Мойсевич Александр Сергеевич,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: maisevich.a.s@gmail.com

Необходимость участия защитника в уголовном процессе объясняется тем, что каждому гражданину в Республике Беларусь Конституцией гарантировано право на защиту его прав и законных интересов. Реализация данного конституционно-правового принципа должна обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса с целью эффективного представления позиции защищаемого лица, установления истинных обстоятельств по делу.

Ключевые слова: адвокат; защитник; уголовный процесс; возбуждение уголовного дела; право на защиту; Конституция.

On ensuring the right of protection at the stage of exciting a criminal case in the Republic of Belarus

Moisevich Aleksander Sergeevich,
Mogilev Institute of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus

The need for a lawyer to participate in criminal proceedings is explained by the fact that every citizen in the Republic of Belarus is guaranteed by the Constitution the right to protect their rights and legitimate interests. The implementation of this constitutional and legal principle must be ensured at all stages of the criminal process in order to effectively represent the position of the protected person and establish the true circumstances of the case.

Key words: lawyer; defense counsel; criminal procedure; institution of criminal proceedings; right to defense; Constitution.

Обеспечение права на защиту является основополагающим принципом уголовного процесса, который выражается в предоставлении каждому участнику процесса возможности осуществлять защиту своих прав и интересов как лично, так и с помощью защитника.

Положения о праве гражданина на защиту закреплены в Конституции Республики Беларусь¹, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь)², отдельные разъяснения по вопросам применения законодательства в области защиты в уголовном процессе содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда Республи-

ки Беларусь³. В научной литературе теоретические аспекты обеспечения защиты в уголовном процессе рассматривались в работах А. В. Орлова, Н. А. Дмитриевой, Ф. Ю. Васильева, А. В. Капранова, О. Д. Савич⁴.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 ноября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе» [Электронный ресурс]. Минск: АПС «БизнесИнфо» Беларусь; ООО «Профессиональный правовые системы», 2020; Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2016 г. № 9 «Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности» [Электронный ресурс]. Минск, 2020.

⁴ См.: Васильев Ф. Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016; Дмитриева Н. А. Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней адвокатуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2006; Капранов А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов: Ростовский юридический институт МВД России, 2005; Орлов А. В. Конституционные нормы, обеспечиваю-

¹ См.: Статья 62 Конституции Республики Беларусь (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск, 2020.

² См.: Статья 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295 [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Республики Беларусь 30 июня 1999 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 9 января 2019 г.). Минск, 2020.

По мнению Н. А. Дмитриевой, защитительная деятельность в уголовном процессе не всегда и не в полной мере отвечает современным требованиям и возможностям, предоставляемым защитникам, что требует более углубленного изучения функции защиты в уголовном процессе и роли адвоката нет. К тому же процесс совершенствования законодательства должен быть направлен на сторону расширения процессуальных прав защитника, в частности предоставления ему более широких полномочий в процессе доказывания и обеспечения его активного участия в уголовном процессе¹.

А. В. Орлова указывает, что Конституция РФ устанавливает исходные положения такого института уголовного процесса, как право на защиту. Однако далеко не во всех случаях правоприменительные органы с должным вниманием и уважением относятся к нему, пренебрегая верховенством Основного Закона над иными нормативными правовыми актами. В связи с этим непосредственная реализация права участников уголовного судопроизводства на защиту требует дальнейшего исследования особенно в свете новелл в уголовно-процессуальном законе. А. В. Орлова в своей диссертации рассмотрела элементы конституционного права на защиту, а также механизм его реализации, как с помощью непосредственного, прямого действия конституционных положений, так и через их детализацию в нормах отраслевого законодательства, провела анализ норм права на защиту, непосредственно закрепленных Конституцией РФ и УПК РФ, исследовала с достаточной полнотой вопросы о роли Конституции РФ как особого источника уголовно-процессуальных норм, а также о значении актов высших судебных органов в сфере защиты прав участников уголовного процесса².

Отечественными учеными, в частности О. Д. Савич, ранее уже высказывалось предложение о том, что права и законные интересы лица, пострадавшего от преступления, в Республике Беларусь должны быть защищены и на стадии возбуждения уголовного дела. По мнению ученого, для этого целесообразно наделить заявителя правом иметь представителя для оказания юридической помощи³.

А. В. Капранов, Ф. Ю. Васильев в диссертационных исследованиях всесторонне и глубоко изучили дискуссионные вопросы, связанные с институтом (стади-

щие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2004; Статистические сведения о количестве зарегистрированных в органах внутренних дел за 2019 год заявлений и сообщений о преступлении и принятых по ним решениях [Электронный ресурс]. Могилев, 2020.

¹ См.: Дмитриева Н. А. Указ. соч. С. 4.

² См.: Орлов А. В. Указ. соч. С. 4–8.

³ См.: Статистические сведения о количестве зарегистрированных в органах внутренних дел за 2019 год заявлений и сообщений о преступлении и принятых по ним решениях [Электронный ресурс]. Могилев, 2020.

ей) отказа в возбуждении уголовного дела. Указанные научные исследования особенно актуальны в связи с тем, что в них дана полная характеристика рассматриваемой стадии, предложены нововведения относительно ее оптимизации, отражен правовой статус участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела, а также имеющиеся правовые неопределенности, связанные, в том числе, с обеспечением права на защиту⁴.

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов, связанных со стадией *возбуждения уголовного дела*, которая представляет собой отдельный институт, но в числе классических этапов уголовно-процессуальной деятельности упоминается не всегда. Предусмотрев данную стадию в УПК, законодатель закрепил в том числе перечень процессуальных действий, которые могут быть проведены до возбуждения уголовного дела с целью определения достаточности наличия либо отсутствия оснований к его возбуждению. Аналогичное наименование рассматриваемой стадии используется и наукой уголовного процесса. Вместе с тем в юридической литературе деятельность, осуществляемая на стадии возбуждения уголовного дела, иногда именуется *предварительной проверкой заявлений, административной проверкой, дополнительной проверкой, специальной проверкой, расследованием, проверкой сообщений о преступлении*⁵.

Срок принятия любого из процессуальных решений, установленных ч. 1 ст. 174 УПК Республики Беларусь (возбуждение уголовного дела; отказ в возбуждении уголовного дела; передача по подследственности либо компетенции; прекращение проверки и разъяснение права на возбуждение уголовного дела частного обвинения), указанной стадией охватывается в полном объеме⁶. Следовательно, в рассматриваемом случае целесообразно вести речь о тождественности задач, длительности процессуальных сроков и круга участников.

Анализ статистических данных показывает, что в 2019 г. в Республике Беларусь по 108 117 заявлениям и сообщениям о преступлениях органами внутренних дел было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; по 8 900 – решение о прекращении проверки и разъяснении права на возбуждение уголовного дела частного обвинения; 73 955 – о передаче по подследственности или компетенции; по 338 – решение о возбуждении уголовного дела⁷.

Следовательно, процессуальные действия на стадии возбуждения уголовного дела проводились при рассмотрении всех заявлений и сообщений о престу-

⁴ См.: Васильев Ф. Ю. Указ. соч.; Капранов А. В. Указ. соч.

⁵ См.: Капранов А. В. Указ. соч. С. 19.

⁶ См.: Статья 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295.

⁷ См.: Савич О. Д. Право на юридическую помощь в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2006.

плении. При этом следует учесть, что органы внутренних дел являются одним из десяти органов дознания без учета наличия права уголовно-процессуального производства по материалам проверок по заявлениям (сообщениям) о преступлении у начальника следственного подразделения, следователя и прокурора.

В соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь по заявлению или сообщению о преступлении до возбуждения уголовного дела могут быть проведены следующие процессуальные действия: получение объяснений; получение образцов для сравнительного исследования; истребование дополнительной документации; назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности; осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов; освидетельствование; экспертиза; задержание; личный обыск при задержании; эксгумация¹.

В указанном контексте целесообразно отметить, что при наличии достаточных данных, указывающих на признаки уголовно наказуемого деяния, которые содержатся в основном в протоколах процессуальных действий и иных документах, по заявлениям (сообщениям) о преступлении и материалам проверок по ним органом уголовного преследования принимается соответствующее решение. Основополагающим моментом в данном случае является достаточность данных, указывающая на признаки преступления, подразумевающая, что совокупность полученных и имеющихся в материале сведений позволяет установить истинные обстоятельства.

Данный критерий при рассмотрении заявления (сообщения) о преступлении может быть использован, например, при изложении подробных обстоятельств в истребованном объяснении от потерпевшего, очевидца либо лица, заподозренного в совершении преступления, а также при проведении осмотра, фиксации хода и результатов иного процессуального действия. Таким образом, логичным и обоснованным представляется вывод о том, что практически в каждом процессуальном действии на стадии возбуждения уголовного дела имеется по крайней мере один участник помимо лица, производящего само процессуальное действие.

Вместе с тем, по нашему мнению, уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь в настоящий момент не в полной мере обеспечивает право на защиту участников процесса на стадии возбуждения уголовного дела, а именно при проведении процессуальных действий и иных мероприятий. Отметим, что *защитником* в уголовном процессе Республики Беларусь является лицо, которое осуществляет защиту прав и законных интересов либо оказывает юридическую помощь подозреваемому, обвиняемому. По ходатайству обвиняемого защитником в суде может быть один из его близких родственников либо законных представителей. Кроме того, уголовно-про-

цессуальным законодательством предусмотрена возможность участия в уголовном процессе адвоката и на стороне свидетеля².

Анализ диспозиций норм УПК Республики Беларусь позволяет сделать вывод, что защитник участвует в производстве только с момента: 1) вынесения постановления о возбуждении уголовного дела; 2) задержания; 3) применения меры пресечения; 4) признания подозреваемым; 5) предъявления обвинения³.

Проведение всех вышеуказанных действий возможно после возбуждения уголовного дела, в момент принятия данного решения (вынесения соответствующего постановления) либо вскоре перед принятием такого решения (при задержании лица вопрос о возбуждении уголовного дела должен быть решен не позднее 12 часов с момента фактического задержания)⁴.

Вместе с тем положения Конституции однозначно устанавливают равенство всех граждан перед законом и право на равную защиту прав и законных интересов без какой-либо дискриминации. Однако право на участие адвоката, осуществляющего, например, юридическую консультацию участников процесса и (или) участвующего вместе с ними в проведении следственных и иных процессуальных действий, на стадии возбуждения уголовного дела в УПК Республики Беларусь должного закрепления не получило.

Рассматриваемая ситуация может быть рассмотрена через призму нормы ст. 1 УПК Республики Беларусь, в соответствии с которой в случае противоречия норм названного кодекса и Конституции действуют положения Основного Закона страны. Вместе с тем усматривать в данном случае противоречие не следует, поскольку, несмотря на наличие 54 поправок, в УПК Республики Беларусь, принятом в 1999 г. и действующем в настоящее время, такой основополагающий конституционный принцип гражданского общества, как право на защиту своих прав и законных интересов, на стадии возбуждения уголовного дела в полном объеме не реализован.

Указанное обстоятельство влечет правовую неопределенность и неоднозначное толкование правоприменительными органами норм УПК Республики Беларусь на стадии возбуждения уголовного дела. Логично предположить, что в данной ситуации лицом, производящим дознание, следователем, прокурором при разрешении материала по заявлению или сообщению о преступлении может быть принято решение об участии в процессуальном действии адвоката, нанятого для консультации либо защиты интересов лицом, заподозренным в преступлении, потерпевшим, очевидцем, поскольку в названном законе закреплено исключительное право указанных субъектов при-

¹ См.: Статья 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295.

² См.: Статья 44 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295.

³ Там же.

⁴ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295.

влекать к участию лиц в некоторых процессуальных действиях до возбуждения уголовного дела.

Например, при осмотре жилища, являющегося местом проживания в нем совершеннолетнего лица либо представителя организации, осуществляющей эксплуатацию жилфонда, или местного исполнительного и распорядительного органа, участие понятых. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр может быть проведен и без участия данных лиц, поскольку привлечение к участию в данном процессуальном действии адвоката, лица, заподозренного в преступлении, потерпевшего возможно по усмотрению должностного лица, производящего процессуальное действие. Обеспечение конституционного права на защиту прав и законных интересов участников процессуального действия вполне справедливо может быть осуществлено вне места его проведения – по месту работы адвоката, либо в любом ином месте и в любое иное время, которое не касается места и времени проведения процессуального действия.

При буквальном истолковании положений ч. 4 ст. 44, п. 5 ч. 1 ст. 48 УПК Республики Беларусь правоприменитель может прийти к выводу, что оказание юридической помощи адвокатом возможно только после получения соответствующего письменного или устного разрешения о допуске адвоката к материалам, т. е. о разрешительном характере оказания гражданину юридической помощи¹.

Аналогично может быть решен вопрос участия адвоката при истребовании объяснений, проведении освидетельствования, производстве судебной экспертизы. К тому же на стадии возбуждения уголовного дела адвокату не предоставлено право на ознакомление с процессуальными документами и сведениями, содержащимися в материале проверки.

Указанные выше обстоятельства могут создать предпосылки для должностных злоупотреблений, превышения служебных полномочий лицами, ведущими уголовный процесс и производящими процессуальные действия на рассматриваемой стадии, оказания давления не только на лиц, заподозренных в совершении преступлений, потерпевших, но и лиц, обладающих какими-либо значимыми сведениями по факту совершенного (заявленного) противоправного деяния. От любого из лиц при истребовании объяснений по материалу проверки могут быть получены пояснения, которые впоследствии обеспечат принятие органом дознания, следователем, прокурором наиболее «целесообразного» для них решения, без установления всех обстоятельств, необходимых для разрешения дела по существу и обеспечения должной защиты прав и законных интересов участников процесса, обладающих, как правило, обыденным правосознанием.

Преднамеренное введение в заблуждение участников процесса должностными лицами, произво-

дьячими процессуальные действия по материалам проверок, возможно путем получения признания в совершенном преступлении, например, под влиянием какого-либо обещания.

Аналогичную ситуацию можно соотнести и с потерпевшим, которому на стадии возбуждения уголовного дела может быть рекомендовано назвать заниженную стоимость похищенного имущества или указать обстоятельства, которые повлекут прекращение производства по заявлению (сообщению) о преступлении.

Нередко дав такие объяснения в рамках разрешения материала проверки по заявлению и сообщению о преступлении, лицо излагает их и при проведении допросов, очных ставок, придерживаясь «рекомендованной» линии поведения, несмотря на то, что адвокат на всех последующих стадиях вправе принимать участие в проведении процессуальных действий, оказывать юридическую помощь участникам процесса, обладает иными правами и обязанностями, предусмотренными УПК Республики Беларусь. Представляется целесообразным рекомендовать законодателю с целью исключения предпосылок по формальному участию адвоката в уголовном процессе, установить реальную возможность для защиты своих прав и законных интересов гражданами на любой стадии процесса, начиная со стадии возбуждения уголовного дела.

На основании изложенного представляется необходимым закрепить в УПК Республики Беларусь правовое положение следующих категорий лиц, участвующих в уголовном процессе на стадии возбуждения уголовного дела, с целью обеспечения защиты их прав и законных интересов непосредственно на данной стадии, а именно:

1. Лица, заподозренного в совершении преступления.
2. Лица, обладающего какими-либо сведениями по рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении.
3. Лица, которому причинен вред в соответствии с рассматриваемым заявлением или сообщением о преступлении.
4. Адвоката, использующего законные средства и способы защиты лиц на стадии возбуждения уголовного дела в целях выявления истины по рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении, а также оказывающего им необходимую юридическую помощь.

Данный вывод аргументирован тем, что, устанавливая правовой статус конкретного лица на стадии возбуждения уголовного дела, законодатель предусматривает конкретный и исчерпывающий перечень его прав и обязанностей. Это будет способствовать полной реализации прав участника, в особенности права на защиту с момента участия в уголовном процессе в любом статусе, исключит предпосылки для злоупотреблений должностных лиц правоприменительных органов в связи с имеющейся правовой неопреде-

¹ См.: Статьи 44, 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295.

ленностью по данному вопросу. Круг обязанностей лица – участника уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела – как элемент его правового статуса позволит государству более эффективно использовать аппарат органов уголовного преследования в раскрытии преступлений и установлении истины по рассматриваемому заявлению (сообщению) о преступлении.

Следует отметить, что вопрос об обеспечении права на юридическую помощь в уголовном процессе был предметом рассмотрения в Конституционном Суде Республики Беларусь. Так, в решении от 21 июня 2017 г. № Р-1089/2017 Конституционным Судом сделан вывод, что в УПК Республики Беларусь должен быть предусмотрен механизм беспрепятственного и своевременного вступления адвоката при соблюдении условий, предусмотренных ч. 4 ст. 44, п. 1–6 ч. 1 ст. 87 указанного Кодекса, и наличии у него удостоверения адвоката и ордера на право участия в уголовном производстве на любой стадии, исключающий усмотрение органов уголовного преследования¹.

Ссылаясь на конкретные выводы указанного решения, хотелось бы отметить следующее. По мнению Конституционного Суда, правовая регламентация, при которой возможность пользоваться помощью адвоката зависит от усмотрения иных лиц, не обеспечивает полноты реализации права каждого на получение юридической помощи, не позволяет заинтересованным лицам надлежащим образом защищать свои права и свободы, не способствует своевременности и эффективности восстановления нарушенных прав. Конституционный Суд сделал вывод о том, что в УПК Республики Беларусь должен быть предусмотрен механизм беспрепятственного и своевременного вступления адвоката в уголовный процесс на любой его стадии, исключающий усмотрение органов уголовного преследования. Должна быть устранена неопределенность правового регулирования реализации конституционного права каждого на юридическую помощь в части своевременного вступления адвоката в уголовный процесс на любой его стадии путем внесения законодателем соответствующих изменений и (или) дополнений в нормы УПК Республики Беларусь².

Принимая во внимание международный опыт обеспечения защиты на стадии возбуждения уголовного дела, отметим, что Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» при проверке сообщения о любом совершенном или готовящемся пре-

ступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ защитник участвует в уголовном процессе с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка³. Таким образом, аналогичная проблема была разрешена путем внесения в УПК РФ нормы, прямо предусматривающей участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела.

Реализация сформулированных выше предложений будет способствовать осуществлению прав и свобод, закрепленных в Конституции Республики Беларусь, формированию эффективной правоприменительной практики в части, касающейся стадии возбуждения уголовного дела, рассмотрения уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами заявлений и сообщений о преступлениях.

Библиографический список

1. Васильев Ф. Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф. Ю. Васильев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016.
2. Дмитриева Н. А. Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней адвокатуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Дмитриева. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2006.
3. Капранов А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Капранов. – Ростов: Ростовский юридический институт МВД России, 2005.
4. Орлов А. В. Конституционные нормы, обеспечивающие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Орлов. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2004.
5. Статистические сведения о количестве зарегистрированных в органах внутренних дел за 2019 год заявлений и сообщений о преступлении и принятых по ним решениях [Электронный ресурс]: Информационный центр управления внутренних дел Могилев. обл. исполнит. комитета. – Могилев, 2020.
6. Савич О. Д. Право на юридическую помощь в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Д. Савич. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2006.

Bibliograficheski spisok

1. Vasil'ev F. YU. Institut otkaza v vobuzhdenii ugolovnogo dela: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / F. YU. Vasil'ev. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2016.
2. Dmitrieva N. A. Funkciya zashchity v rossijskom ugolovnom processe i rol'v nej advokatury: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / N. A. Dmitrieva. – Moskva: Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institut MVD Rossii, 2006.

³ См.: Статья 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 16 июля 1999 г. № 295.

¹ См.: Пункт 5 решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 21 июня 2017 г. № Р-1089/2017 «Об обеспечении права на беспрепятственную и своевременную юридическую помощь в уголовном процессе» [Электронный ресурс]. Минск: АПС «БизнесИнфо»: Беларусь; ООО «Профессиональный правовые системы», 2020.

² Там же.

3. Kapranov A. V. Optimizaciya stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. V. Kapranov. – Rostov: Rostovskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2005. – 28 s.

4. Orlov A. V. Konstitucionnye normy, obespechivayushchie obvinyaemomu pravo na zashchitu v rossijskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / A. V. Orlov. – Saratov: Saratovskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2004.

5. Statisticheskie svedeniya o kolichestve zaregistrovannyh v organah vnutrennih del za 2019 god zayavlenij i soobshchenij o prestuplenii i prinyatyh po nim resheniyah [Elektronnyj resurs]: Informacionnyj centr upravleniya vnutrennih del Mogilev. obl. ispolnit. komiteta. – Mogilev, 2020.

6. Savich O. D. Pravo na juridicheskuyu pomoshch' v ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / O. D. Savich. – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus', 2006.

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.98.068

Особенности возбуждения уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации и типичные следственные ситуации на первоначальном этапе расследования

Бердникова Ольга Петровна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: berdnikovs@inbox.ru

Ржанникова Светлана Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: ssr80@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы, возникающие при возбуждении уголовных дел о мошенничестве в сфере компьютерной информации, которые обладают рядом особенностей, отличающих данное преступление от преступлений общеуголовной направленности, и требуют проведения проверочных мероприятий, предшествующих принятию решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Проанализированы поводы для возбуждения уголовных дел, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации, которыми являются: заявление потерпевшего (представителя потерпевшего) от мошеннических действий в сети Интернет; информация, полученная оперативными сотрудниками в ходе проведения оперативно-разыскной деятельности; обнаруженное в сети Интернет мошенничество в сфере компьютерной информации. Приведены типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: мошенничество; компьютерная информация; возбуждение уголовного дела; следственные ситуации.

Features of criminal cases of fraud in the field of computer information and typical investigative situations at the initial stage of the investigation

Berdnikova Olga Petrovna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Rzhannikova Svetlana Sergeevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

The article considers the issues arising in criminal cases of fraud in the sphere of computer information, which have a number of features that distinguish the crime from ordinary crimes, and require verification activities prior to the decision in accordance with article 144, 145 UPK the Russian Federation. The reasons for initiating criminal cases related to fraud in the field of computer information are analyzed, which are: the statement of the victim (the victim's representative) from fraudulent actions on the Internet; information received by operational officers in the course of conducting operational search activities; fraud detected on the Internet in the field of computer information. Typical investigative situations of the initial stage of investigation of fraud in the field of computer information are presented.

Key words: fraud; computer information; criminal proceedings; investigative situations.

В настоящее время компьютерная информация является не только неотъемлемой частью ежедневной деятельности человека и в рабочее время, и во время проведения досуга, но и инструментом для совершения многих видов преступлений, в том числе мошенничеств в сфере компьютерной информации.

Количество таких преступлений в общей массе преступности растет с каждым годом. Так, например, по итогам 2019 года в Свердловской области каждое десятое зарегистрированное преступление – это мошенничество (всего 6395), более половины из них совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (3589)¹.

Возбуждение уголовных дел по мошенническим действиям в сфере компьютерной информации обладает рядом особенностей, отличающих данное преступление от преступлений общеуголовной направленности, и требует проведения проверочных мероприятий, предшествующих принятию решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ².

Наиболее частыми поводами для возбуждения уголовных дел, связанных с мошенничеством в сфере компьютерной информации, являются следующие:

1. Заявление потерпевшего (представителя потерпевшего) от мошеннических действий в сети Интернет.

Так, в правоохранительные органы обратился представитель юридического лица ЗАО «Трэвел» с информацией о том, что в последние 4 месяца у них значительно увеличилась ежемесячная оплата за доступ в Интернет. При проведении внутренней проверки было установлено, что используемый трафик на компьютерах значительно меньше, чем тот, за который им выставляют счета. Проведенный провайдером анализ трафика показал, что большую часть составляют файлы видеофильмов, которые скачиваются с разных сайтов преимущественно в ночное время. В результате проверки установлено, что под учетным именем ЗАО «Трэвел» в сеть Интернет выходит пользователь с телефона под номером 8XXXX2-45-67, установленного в квартире Загайнова С. С. По информации органа дознания, в квартире проживает Лупов К. А. – инженер компьютерной фирмы «Мастер». В ходе предварительного расследования было установлено, что Лупов, работая в фирме «Мастер», получал системные блоки ЗАО «Трэвел» для ремонта. Лупов, обладая специальными знаниями в системе программирования, а также имея определенные программные средства, в ходе осмотра внутреннего содержания системных блоков на предмет информации (паролей и учетных записей пользователей для входа в сеть Интернет) копировал необходимые данные. Затем вскрывал учетные записи с использованием программы «crackpw.exe». В дальнейшем, используя доступ к сети Интернет, принадлежащей ЗАО «Трэвел»,

¹ URL: <https://66.мвд.рф/document/19891150> (дата обращения: 22.06.2020).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>.

полагая, что у них безлимитный тариф доступа, скачивал видеофильмы³.

Необходимо отметить, что чаще в правоохранительные органы обращаются физические лица, нежели представители юридических лиц. Это обусловлено тем, что крупные коммерческие организации и структурные подразделения не заинтересованы в распространении информации о так называемых «кибератаках» и пытаются справиться с ситуацией с помощью собственной службы безопасности и службы информационной безопасности, оставляя данные преступления латентными.

2. Информация получена оперативными сотрудниками в ходе проведения оперативно-разыскной деятельности.

Так, 25 августа 2019 г. сотрудниками отдела «К» ГУВД по Свердловской области в рамках проведения оперативно-разыскной операции «Сеть-2019» была получена агентурная информация о действии на территории г. Екатеринбурга организованной группы лиц, которые занимались созданием вредоносных программ с целью дальнейшей реализации их заинтересованным лицам. В ходе проведения проверочной закупки в торговом центре «Антей» была осуществлена закупка 4 компакт-дисков, содержащих вредоносные программы для компьютерных устройств, в том числе различного рода вирусы и программы взлома социальных сетей. В ходе проведения оперативного мероприятия был задержан гр. Машнов, у которого обнаружены машинные носители информации, содержащие более 140 вредоносных программ⁴.

3. Обнаруженное в сети Интернет мошенничество в сфере компьютерной информации.

Здесь необходимо отметить, что «сетевое информационное пространство» в настоящее время имеет важнейшее значение для информационно-поисковой деятельности сотрудников органов внутренних дел. Очевидно, что использование сети Интернет гражданами носит не только позитивный характер, но и является «регрессом» в жизни общества, т. к. способствует появлению новых источников общественной опасности в виде способов совершения преступлений. «До недавнего времени интернет-преступления рассматривались только в рамках одного преступления в сфере компьютерной информации. Сегодня Интернет принят на вооружение преступниками любых категорий, являясь не только способом (30 %), но и средством совершения "традиционных" преступлений (46 % – средство подготовки преступлений, 24 % – средство их сокрытия), выходя таким образом за ранее обозначенные рамки»⁵.

³ Приговор по ст. 159.6 УК РФ // Архив Московского городского суда. 2019.

⁴ Уголовное дело № 1-215/2011 // Архив Свердловского областного суда.

⁵ Введенская О. Ю. Особенности слепообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 210.

На этом этапе очень важно настроить плановое и непрерывное взаимодействие со специалистами социальных сетей, в том числе провайдерами, в целях получения информации о сетях, клиентах и их активности; с сотрудниками подразделения «К». Необходимо отметить, что данное подразделение специализируется на раскрытии преступлений в сфере компьютерной информации. Одним из основных направлений работы Управления «К» МВД России и подразделений по регионам является выявление и пресечение фактов неправомерного доступа к компьютерной информации и борьба с изготовлением, распространением и использованием вредоносных программ для ЭВМ.

Подразделения «К» могут с помощью специальных средств перехватить открытую информацию, передаваемую подозреваемым по каналам связи, получить с помощью специальной техники данные, подтверждающие факт мошенничества, и выявить объекты, которые в дальнейшем могут быть изъяты и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств, установить сетевой адрес, с которого преступник выходил в Интернет, установить его личность, электронные счета, используемые им в целях обмана, и другую информацию, необходимую для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В такой ситуации необходимо проверить сообщение, полученное посредством сети Интернет об обнаруженном мошенничестве в сфере компьютерной информации, опросив потенциальных потерпевших и выяснив, совершено ли мошенничество или иное преступление.

Обобщая результаты изученной практики по расследованию мошенничеств в сфере компьютерной информации, можно сделать вывод, что первичное обнаружение признаков неправомерных действий с компьютерной информацией (т. е. с информацией, содержащейся в машинном носителе, ЭВМ, системе ЭВМ или их сети) посторонними лицами (непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства) осуществляется, как правило, пользователями, работающими с конкретными персональными компьютерами. В 95 % случаев выявление происходит еще до обнаружения преступления и до начала проверки сообщения о преступлении, в дальнейшем выявленное воздействие на информацию превращается в повод для возбуждения уголовного дела. Около 75 % всех поводов для возбуждения уголовного дела связаны с обнаружением пользователем именно преступного воздействия на информацию¹.

Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации на его первоначальном этапе во многом зависит от наличия сведений о преступнике и исходной информации, в том числе механизма следообразования.

На основании изученной следственной практики приведем наиболее часто встречающиеся следствен-

ные ситуации первоначального этапа расследования мошеннических действий в сфере компьютерной информации:

1. Мошенник обнаружен, задержан и полностью признает свою вину.

Данная ситуация является наиболее благоприятной; программа действий направлена на закрепление доказательств, подтверждающих вину подозреваемого. В этой ситуации необходимо провести следующие следственные действия: допрос потерпевшего, допрос подозреваемого, осмотр места происшествия; осмотр компьютерной техники (в некоторых случаях он может быть составной частью осмотра места происшествия); осмотр предметов или документов; допрос свидетелей, предъявление для опознания; обыски по месту жительства и в иных местах, имеющих отношение к мошенническим действиям; назначение различных видов экспертиз, в том числе компьютерно-технической.

Необходимо также иметь в виду, что в большинстве случаев данные преступления совершаются группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц. В этом случае, как правило, известны все или некоторые участники организованной группы и есть сведения о некоторых совершенных ими ранее криминальных эпизодах.

Так, сложный алгоритм просматривается в преступных действиях, совершенных организованной группой лиц в составе Х., П., Л. и М., обвиняемых в совершении преступления по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Х. в 2019 г. в неустановленное время, но не позднее 27 января 2019 г., отбывая наказание в ФКУ ИК № 9 УФСН России по Ульяновской области, преследуя корыстную цель и осознавая общественную опасность своих действий, создал устойчивую организованную группу для совершения систематического хищения денежных средств в крупном размере с лицевых счетов граждан, являющихся клиентами ПАО «СоюзБанк», посредством сети Интернет с помощью услуги «СоюзОнлайн», предоставляемой ПАО «СоюзБанк», путем обмана граждан с последующим вмешательством в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, т. е. для совершения тяжких преступлений с целью незаконного обогащения, и руководил деятельностью группы. Находясь в местах лишения свободы, Х. разработал преступную схему хищения денежных средств с лицевых счетов граждан, которая заключалась в следующем: имея в своем пользовании неустановленные в ходе следствия технические средства, позволяющие использовать каналы GSM операторов мобильной связи и выход в глобальную сеть Интернет, члены организованной преступной группы на интернет-сайте «Avito.ru» подыскивали людей, которые выставляют на продажу товар на сумму свыше 50 т. р. Затем, используя заранее приобретенные сим-карты различных операторов, оформленные на подставных лиц, в том числе вымышленных, члены организован-

¹ См.: Худяков П. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 25.

ной группы отправляли смс-сообщения через каналы GSM операторов мобильной связи и глобальную сеть Интернет или осуществляли звонки продавцам и высказывали намерения приобрести товар, оплату за который они могут перевести на банковскую карту ПАО «СоюзБанк». Если у продавца имелась данная карта в наличии, то преступники просили переслать им для оплаты номер карты и копию паспорта владельца карты. Для окончательного убеждения в намерениях осуществить покупку товара продавцу высылалась копия одного из имеющихся у них паспортов граждан России, но оформленных на других лиц (паспорта, как правило, были похищены у граждан). После того как продавец высылал необходимые данные, преступники с помощью неустановленной программы «подмена номера» звонили в службу поддержки ПАО «СоюзБанк» и представлялись данными продавца, после чего просили идентификатор для входа в «СоюзОнлайн». Сотрудники банка предоставляли идентификатор и высылали на номер продавца пятизначный код. После этого преступники звонили продавцу от имени сотрудников банка и просили выслать пятизначный код для оплаты товара предполагаемым покупателем и получали необходимый код для оплаты товара. Далее, имея идентификатор и код, с помощью неустановленных технических средств осуществляли доступ в «СоюзОнлайн» и переводили со счета продавца все денежные средства на другие счета и в дальнейшем распоряжались ими по собственному усмотрению¹.

2. Мошенники завуалировали свои действия под гражданско-правовую сделку.

В данной ситуации после допроса потерпевшего необходимо проверить документооборот той организации, куда потерпевший направил денежные средства, а также наличие лицензии и иных документов, подтверждающих легальность их деятельности; допросить представителей этой организации. Однако основными являются оперативно-разыскные мероприятия, проводимые в целях выяснения сайта-клона, лица, регистрирующего данный сайт, а также сведений, которые помогут обнаружить мошенника. При его выявлении и задержании производится осмотр места происшествия, осмотр компьютерной техники, поддельных документов, допрос подозреваемого, свидетелей, назначение соответствующих экспертиз.

3. Мошенник не обнаружен и не задержан.

В данной ситуации действия сводятся к взаимодействию с сотрудниками подразделения «К», а также специалистами и операторами связи по обнаружению владельца мошеннического сайта и выявлению всех обстоятельств, имеющих значение для обнаружения и доказывания вины подозреваемого.

Вышеназванные типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества в сфере компьютерной информации не

являются исчерпывающим перечнем и могут видоизменяться в зависимости от механизма конкретного преступления, информации, полученной на момент возбуждения уголовного дела, и данных, собранных оперативными сотрудниками.

Эффективность расследования мошенничеств в сфере компьютерной информации на первоначальном этапе зависит не только от грамотных действий следователя, но и от продуктивного взаимодействия с оперативными сотрудниками подразделения «К», специалистами экспертно-криминалистических подразделений и специалистами в области IT-технологий.

Важное значение в организации расследования и противодействия мошенничествам в сфере компьютерной информации имеет расширение штата специализированных подразделений. Так, в 2019 году МВД России было принято решение о создании в структуре министерства подразделений, которые будут специализироваться на противодействии преступлениям, совершаемым с использованием IT-технологий².

С целью профилактики данного рода преступлений необходимо привлекать средства массовой информации, а также проводить мероприятия, направленные на информирование граждан о новых способах совершения мошенничества, привлекая не только СМИ, но и представителей заинтересованных ведомств и организаций.

Библиографический список

1. Введенская О. Ю. Особенности слепообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет / О. Ю. Введенская // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34).
2. Худяков П. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации / П. В. Худяков. – Москва: ДГСК МВД России, 2011.

Bibliograficheskij spisok

1. Vvedenskaya O. YU. Osobennosti sledoobrazovaniya pri sovershenii prestuplenij posredstvom seti Internet / O. YU. Vvedenskaya // YUridicheskaya nauka i pravo ohranitel'naya praktika. – 2015. – № 4 (34).
2. Hudyakov P. V. Rassledovanie prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii / P. V. Hudyakov. – Moskva: DGSK MVD Rossii, 2011.

¹ Приговор Засвяженского районного суда г. Ульяновска по делу № 2-1/2018 // Архив Ульяновского городского суда.

² URL: <https://мвд.рф/news/item/18809813> (дата обращения: 22.06.2020).

Оптимизация форм и методов специально-криминологического предупреждения геронтологической преступности

Вишневская Татьяна Игоревна,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
e-mail: Tanya-shukailo@yandex.ru

На сегодняшний день в Республике Беларусь отмечается стабильно высокое количество преступлений, как совершаемых лицами пожилого возраста, так и в отношении последних. В данной статье рассмотрены и проанализированы основные специально-криминологические меры, способные, по мнению автора, оказать наибольший предупредительный эффект геронтологической преступности.

Ключевые слова: пожилые люди; пожилой возраст; геронтологическая преступность; специально-криминологические меры предупреждения преступности.

Optimization of forms and methods of special-criminological prevention of gerontological crime

Vishnevskaya Tatyana Igorevna,
Mogilev Institute of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus

Today in the Republic of Belarus there is a consistently high number of crimes committed both by elderly people and against the latter. This article discusses and analyzes the main specially-criminological measures that, according to the author, can have the greatest preventive effect of gerontological crime.

Key words: elderly people; old age; gerontological crime; specially-criminological measures to prevent crime.

В последние десятилетия практически во всех странах мира наметилась тенденция роста количества людей пожилого возраста – 60 лет и старше. Данные официальной белорусской статистики свидетельствуют о том, что за период с 1959 по 2019 г. доля лиц старше трудоспособного возраста выросла на 11,3 % (с 13,5 % в 1959 г. до 24,8 % в 2019 г.)¹.

С течением времени структура преступности постепенно и непрерывно меняется. Зачастую эти изменения обусловлены явлениями демографического характера и напрямую зависят от структуры населения, в том числе и возрастной. Высокая виктимность лиц пожилого возраста (2018 г. – 13,9 %) и рост криминальной активности со стороны лиц указанной возрастной группы (с 1,7 % в 2010 г. до 3,96 % в 2018 г.) актуализирует проблему предупреждения геронтологической преступности.

Предупреждение геронтологической преступности основывается на общих положениях профилактики преступлений и включает в себя меры общесоциального и специально-криминологического характера. Общесоциальное предупреждение реа-

лизуется с помощью системы мер социально-экономического, правового, политического, идеологического характера, которые нацелены на развитие экономики, обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, укрепление законности и социальной защищенности населения, формирование нравственно-психологических и культурных ценностей. В свою очередь, специально-криминологическое предупреждение предусматривает реализацию мероприятий, которые непосредственно направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению тех или иных видов преступлений, а также меры индивидуально-профилактического корректирующего воздействия на конкретных лиц – потенциальных жертв или преступников.

В результате анализа научных представлений и полученных эмпирических данных мы можем сделать вывод о том, что детерминантами геронтологической преступности являются: демографический факторный комплекс, который заключается в прогрессирующей тенденции депопуляции и старения населения в сочетании с неудовлетворительным реагированием со стороны государства и общества на новые вызовы; экономический факторный комплекс, в основе которого лежит неудовлетворительное экономическое

¹ См.: Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020. С. 49.

положение пожилых людей и, как следствие, недовольство их своим образом жизни; социальный факторный комплекс, включающий такие проблемы, как геронтофобия, эйджизм, маргинальность статуса лиц пожилого возраста в обществе, кризис института семьи, геронтологическое насилие, алкоголизм пожилых людей; нравственно-психологический факторный комплекс, проявляющийся в прогрессирующей бездуховности общества, снижении общего уровня его нравственности, переоценке многих фундаментальных ценностей, разрыве духовных и нравственных связей между поколениями, отсутствии уважения со стороны окружающих к людям пожилого возраста; организационно-правовой факторный комплекс, выражающийся в инертности государственных органов в решении кризисных ситуаций, ведущих к геронтологической преступности, слабой профилактической работе правоохранительных органов, малоэффективности воздействия наказаний на преступников пожилого возраста, недостаточной ресоциализации пожилых лиц, отбывших наказание и др.¹

Необходимо обратить внимание на то, что специально-криминологическое предупреждение базируется на деятельности специализированных субъектов – правоохранительных органов.

Органы внутренних дел занимают одно из центральных мест в системе правоохранительных органов Республики Беларусь. Статус органов внутренних дел как органов правоохранительных определяется тем, что они осуществляют борьбу с преступностью, охрану общественного порядка, обеспечивают общественную безопасность. Специфика и методика профилактических мероприятий, осуществляемых органами внутренних дел, должна учитывать физиологические и психологические особенности потерпевших и преступников пожилого возраста. Групповая профилактика геронтологической преступности может быть реализована в деятельности отдельных служб и подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД). В частности, служба участковых инспекторов милиции, подразделения по гражданству и миграции, патрульно-постовая служба в своей работе напрямую сталкиваются с пожилыми людьми повышенной виктимности и криминогенности и могут оказать влияние на их девиктимизацию, декриминализацию.

Полагаем, что именно на этом уровне наиболее эффективно можно выявить и систематизировать виктимогенные и криминогенные факторы соответствующей группы населения, а также реализовать предупредительные меры по их нейтрализации. Кроме того, ОВД систематически проводятся комплексы профилактических мероприятий целевого характера («Быт», «Семья», «Скорость»).

Считаем необходимым создание и проведения целевых профилактических операций в отношении

лиц пожилой возрастной группы. Индивидуальный уровень профилактики геронтологической преступности может быть реализован в деятельности отдельных служб и подразделений ОВД, в своей работе контактирующих с гражданами пожилого возраста. Учитывая рост геронтологической преступности, представляется оправданной подготовка сотрудников правоохранительных органов со знаниями возрастной психологии, способных взаимодействовать с лицами различного статуса и возраста, а также создание специальной службы в системе ОВД (или введение специализированного сотрудника по данному направлению в структуре ОВД), которая занималась бы предупреждением данной разновидности преступности.

Судебные органы должны предотвращать геронтологические преступления путем реализации своей непосредственной функции – осуществления правосудия, ведь, вынося справедливый и мотивированный приговор, суд тем самым обеспечивает общую и специальную превенцию. Рассматривая уголовные дела, судебные органы должны выявлять причины и условия совершения преступлений, реагируя на них вынесением частного определения (постановления) с направлением его в органы, учреждения, организации, которые должны принять меры по устранению этих факторов.

Следует отметить важность обязательного участия адвоката при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершаемых лицами пожилого возраста, т. к. снижение интеллектуальной деятельности, различные болезни существенно препятствуют защите ими своих законных прав и интересов. Заметим, что в настоящее время ч. 1 ст. 45 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) такой самостоятельной нормы не имеет. По этим же причинам желательно также проведение обязательных судебно-психиатрических, а еще лучше комплексных, судебных психолого-психиатрических экспертиз. В настоящее время условие обязательного назначения и проведения экспертизы закреплено в ст. 228 УПК, где отсутствует указание на «пожилой возраст», однако отмечается наличие таких факторов, как необходимость установить: возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнения; психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе; психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания².

¹ См.: Вишневская Т. И. Специфика детерминации геронтологической преступности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 68.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом

Органы прокуратуры также являются субъектами предупреждения геронтологической преступности. Законодательством предусмотрено участие прокуроров в разработке комплексных планов предупреждения преступности, анализ ими причин и условий, способствующих преступным проявлениям, внесение соответствующих предложений с целью совершенствования деятельности по устранению этих факторов; организация работы по информированию населения о причинах и условиях преступности и мерах, которые следует принимать для их устранения; надзор за исполнением законов, регламентирующих правоохранительную деятельность и др.

Важным звеном в предупреждении преступности является и система исполнения наказаний. Применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений осужденными пожилого возраста. Важное значение имеет подготовка осужденных лиц пожилого возраста к освобождению, взаимодействие с органами социальной защиты по вопросам, касающимся социальной адаптации данной категории лиц, трудового и бытового устройства, контроля за их поведением в период адаптации и др.

Если говорить о мерах специально-криминологического предупреждения геронтологической преступности, то заметим, что оно должно осуществляться на уровне малых групп пожилых людей, прежде всего тех, которые могут совершить преступление или стать его жертвой. Для исправления деформации личности пожилого возраста, склонной к девиантному поведению, наиболее эффективной является коррекция микросреды, в которой такая личность находится, и только потом осуществляется непосредственное воздействие на саму личность. В ряде зарубежных стран такое групповое терапевтическое воздействие широко применяется, причем иногда острые вопросы, благодаря активной совместной работе психологов и психиатров, могут быть решены именно с его помощью¹.

Установлено, что для некоторых пожилых людей характерно преувеличение своих болезней и немощи для привлечения внимания, получения материальных привилегий, что часто приводит к одному из самых распространенных в позднем возрасте отклонений – отчуждению и агрессивному поведению. В этой ситуации необходимо, как пишет Т. Д. Марцинковская, обеспечить условия, чтобы человек не уходил в мнимую компенсацию². Непонимание родственниками переживаний, искаженных в определенной степени

болезнью, нередко провоцирует опасные действия таких лиц. Позитивность социальных контактов позволяет минимизировать отрицательное поведение людей пожилого возраста. Следует подчеркнуть, что ближайшее окружение в первую очередь может заметить отклоняющееся поведение и вовремя оказать содействие в обращении за психологической и психиатрической помощью пожилым людям, склонным к криминальному или виктимному поведению.

Абсолютно недопустимым должно быть любое насилие в отношении исследуемой категории лиц. Возраст является ключевым фактором риска в насильственной виктимизации. Анализ мотивационной сферы позволяет говорить о том, что в указанной возрастной группе наиболее часто мотивом совершенных насильственных преступлений является именно поведение жертвы, корыстных – статус пожилого лица. Соответственно, надежной гарантией должна быть личная защищенность пожилых людей от унижения и презрения со стороны своих родных и других окружающих людей. Следует сформировать четкую общественную позицию, осуждающую детей, бросающих своих пожилых родителей на произвол судьбы, не интересующихся их жизнью, не оказывающих им необходимую помощь.

Вместе с тем людям необходимо прививать осознание того, что насилие в отношении пожилых людей является не только глубоко аморальным, но и уголовно наказуемым. Следует повышать правосознание граждан, формировать у них уверенность в неотвратимости уголовного наказания за совершение преступления, в том числе против личности пожилого возраста. Последние же должны информироваться о целесообразности сотрудничества с правоохранительными органами в случае, если по отношению к ним имело место любое насилие. При условии адекватного реагирования на противоправное деяние, это позволит предотвратить его повторение. Для предотвращения геронтологического насилия следует привлечь к указанной проблеме внимание широкой общественности; разработать и внедрить программу предотвращения насилия в отношении пожилых людей; улучшить социальный контроль за работой домов престарелых (очевидно, что лица, проживающие в таких замкнутых учреждениях, зачастую не могут самостоятельно заявить о своих правах и тем более не могут защитить себя от плохого обращения), проводить с этой целью специальные проверки; создавать независимые системы рассмотрения жалоб о фактах насилия в отношении исследуемой категории лиц и т. п. В настоящее время существует потребность в создании организаций, которые занимались бы профилактикой жестокого обращения именно с лицами пожилого возраста: консультационных пунктов, кризисных кабинетов для пожилых людей, которые оказались в затруднительном положении, подверглись физическому или психологическому насилию.

Кроме того, видится необходимым систематически информировать пожилых людей о путях из-

Республики Беларусь 30 июня 1999 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 9 января 2019). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295> (дата обращения: 5 июня 2020 г.).

¹ См.: Фокс В. Введение в криминологию: пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. С. 214–215.

² См.: Марцинковская Т. Д. Общая психология: учебное пособие. М.: Академия, 2010. С. 16.

бегания или уменьшения виктимизации, повышать правовую культуру указанной категории лиц. Целесообразно издавать специальные брошюры практического смысла, в которых говорилось бы о том, как уберечься от преступлений. Такие пособия должны быть написаны доступным языком, содержать конкретные рекомендации и должны находиться в общественных местах, которые активно посещают пожилые люди (аптеки, поликлиники, магазины). С этой же целью следует создавать короткие видеоролики, фильмы, которые бы часто демонстрировали по телевидению. В девиктимизации пожилых людей значительную роль должны играть институты гражданского общества, включая органы местного самоуправления и специализированные общественные организации. Предотвратить рецидивную виктимизацию поможет создание специальных общественных организаций, которые проводили бы масштабную пропагандистскую работу; занимались защитой интересов жертв преступлений, особенно если они не способны сделать это сами; оказывали бы последним действенную помощь¹.

Следует выявлять лиц пожилого возраста, которые попрошайничают, не имеют постоянного места жительства, с целью предупреждения геронтологической преступности. К сожалению, в настоящее время существует проблема бездомности, особенно среди людей пожилого возраста, отбывших наказание, связанное с лишением свободы. Государственные механизмы помощи бездомным сводятся к функционированию центров временного пребывания, действующих только в 10 городах Беларуси, что не исключает их повсеместную доступность и помощь. Кроме того, для обращения в такие учреждения необходимо наличие регистрации в городе нахождения такого центра, что ограничивает к ним доступ людей. Поэтому необходимо дальше расширять и совершенствовать систему приютов, центров социально-психологической реабилитации.

Заметим, что важным средством предупреждения внутрисемейных насильственных преступлений является борьба с алкоголизацией во всех ее проявлениях, т. к. большая часть преступлений всеми возрастными группами совершается в состоянии алкогольного опьянения. Подчеркнем, что для преступников пожилого возраста характерно настолько сильное привыкание к употреблению алкоголя, что примерно 90 % из них категорически отказываются лечиться от пагубной зависимости. Несмотря на то, что суд по результатам судебно-психиатрической экспертизы назначает кроме основного наказания еще и применение принудительных мер безопасности и лечения к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, в то же время избавиться от вредной привычки возможно только при наличии собственного желания больного лица.

В ходе проведенного исследования было установлено, что специально-криминологические меры предупреждения геронтологической преступности должны разрабатываться и осуществляться применительно к разным видам преступлений и типам преступного поведения, к различным сферам общественной жизни, т. к. они характеризуются особенностями процессов детерминации. Так, было установлено, что лицами в возрасте 60–79 лет наиболее часто совершаются преступления против собственности (преобладают кражи), против порядка управления (превалирует подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков), против жизни и здоровья (доминируют истязания, умышленное причинение телесных повреждений различной тяжести, убийства), против личной свободы, чести и достоинства (90% – угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений). Среди лиц в возрасте 80 лет и старше зафиксировано больше всего преступлений против общественной безопасности, а именно незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, на второй позиции – преступления против собственности (кражи) и против порядка управления (подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков). Очевидно, что меры по предотвращению совершения пожилыми лицами насильственных, корыстных, должностных, сексуальных и других преступлений будут существенно различаться между собой.

Преступность в отношении пожилых лиц характеризуется значительным преобладанием преступлений против собственности. Для предотвращения преступлений, связанных с незаконным отчуждением имущества у лиц пожилого возраста, необходимо осуществить мероприятия по проведению тщательного учета жилья, где проживают одинокие пожилые люди, законодательно закрепить обязанность государственных регистраторов сообщать в правоохранительные органы об обнаружении признаков подделки в документах, которые подаются на государственную регистрацию. Важно также проводить профилактические мероприятия с лицами пожилого возраста – потенциальными жертвами преступлений, в частности информировать их о способах совершения мошеннических действий и мерах противодействия им. Немалая роль принадлежит здесь общественным организациям, органам социального обеспечения.

Вместе с этим важным средством обеспечения сохранности личного имущества и личной безопасности, на наш взгляд, может стать развитие института организации общественной защиты (развитие программы «Соседский присмотр»). Данная программа уже получила широкое применение в США, Европе и продолжает активно использоваться. Ее цель – повышение социальной активности жителей по профилактике правонарушений и преступлений, укрепление доверительных связей между соседями, полицейски-

¹ См.: Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 34.

ми и исполнительной властью. Так, в Республике Казахстан в результате внедрения программы «Соседский присмотр» значительно возросло количество равнодушных граждан, обратившихся в правоохранительные органы по фактам правонарушений, совершенных в многоквартирных домах и придомовых территориях, что позволило снизить количество насильственных преступлений, в том числе на бытовой почве¹.

Важным направлением специально-криминологического предупреждения является профилактика рецидива преступления со стороны лиц пожилого возраста. А. Афанасьев, который специально исследовал психологические особенности рецидивистов пожилого возраста, отмечает, что у большинства таких лиц, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества, происходит существенная перестройка мотивации в связи с ожиданием старости, цель их жизни часто сводится к удовлетворению физиологических потребностей и заботе о своем здоровье. Указанная категория осужденных зачастую считает, что закончит жизнь в колонии².

В свою очередь, Ю. М. Антонян подчеркивает, что такие лица часто теряют реальное восприятие действительности и живут в прошлой жизни, не могут дать должного ответа на вопрос о том, что будут делать после освобождения³. Понятно, что, выйдя на свободу, бывшие осужденные быстро скатываются на социальное дно, совершают новые преступления, чтобы попасть обратно в привычную среду.

Стоит согласиться с В. П. Петковым, который подчеркивает, что влияние на рецидивистов пожилого возраста должно осуществляться с учетом возраста, состояния здоровья и возможностей оказания медицинской помощи; степени деградации личности под влиянием возраста, болезней, наркотизации и алкоголизации; предоставления особых видов работы, обеспечения досуга и организации быта; характера ранее совершенных преступлений; положения в окружении, в группах осужденных, типологической и криминологической принадлежности конкретных лиц; перспектив жизни после выхода на свободу, жилищной проблемы, получения пенсии и др.⁴

Необходимо обратить внимание на то, что состав-

¹ См.: Принцип нулевой терпимости в действии. URL: <http://sko.prokuror.kz/rus/novosti/pressreleasy/princip-nulevoy-terpimosti-v-deystvii> (дата обращения: 20 апреля 2020 г.).

² См.: Афанасьев А. Психологические особенности осужденных пожилого и старческого возрастов // Вопросы права в третьем тысячелетии: материалы межвузовской научно-практической конференции вузов МВД Республики Беларусь и России (27 февраля 2003 г.) / под ред. А. Я. Гришко, Ю. С. Ефимчика, В. М. Козлова. – Брянск; Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2003. С. 41.

³ См.: Антонян Ю. М. Преступность стариков: монография. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2005. С. 44.

⁴ См.: Петков В. П. Личность рецидивистов старших возрастов и особенности карательно-воспитательного воздействия на них в ИТУ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 7–8.

ной частью специально-криминологического предупреждения является индивидуальное предупреждение геронтологической преступности, которое предполагает выявление конкретных лиц, склонных к виктимному поведению, совершению преступлений или вынашивающих планы по их совершению, и оказание на них предупредительного воздействия. К криминологически значимым объектам индивидуальной профилактики следует отнести: девиантное поведение и образ жизни лиц пожилого возраста; значимые личностные характеристики, определяющие деформацию личности; психофизиологические особенности, психические аномалии; неблагоприятные условия индивидуального бытия; элементы неблагоприятной жизненной ситуации, существующие длительное время.

Подводя итоги, отметим, что под предупреждением геронтологической преступности следует понимать многогранную деятельность государства и общества, представляющую реализацию комплекса научно обоснованных мероприятий воспитательного, правового, организационно-управленческого, экономического и иного характера с целью устранения или нейтрализации причин геронтологической преступности и создания условий, их исключающих.

Предложенные в исследовании специально-криминологические меры предупреждения геронтологической преступности, сформулированные нами с учетом проведенного исследования и изучения особенностей личности, обусловленных ее возрастом, отражают всю сложность данной проблемы. Безусловно, это не весь перечень мер, которые могут быть задействованы в работе по предупреждению преступности указанного вида с учетом возрастных особенностей пожилых людей. Тем не менее, полагаем, что даже реализация предложенных в этой работе направлений, способна оказать положительный предупредительный эффект на преступное поведение лиц пожилого возраста.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Преступность стариков: монография / Ю. М. Антонян, Т. Н. Волкова. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2005. – 160 с.
2. Афанасьев А. Психологические особенности осужденных пожилого и старческого возрастов / А. Афанасьев // Вопросы права в третьем тысячелетии: материалы межвузовской научно-практической конференции вузов МВД Республики Беларусь и России (27 февраля 2003 г.) / А. Я. Гришко, Ю. С. Ефимчика, В. М. Козлова. – Брянск; Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2003. – С. 40–42.
3. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / К. В. Вишневецкий. – Москва, 2007. – 44 с.
4. Вишневская Т. И. Специфика детерминации геронтологической преступности / Т. И. Вишневская // Вестник Сибирского юридического института МВД

России. – 2020. – № 1 (38). – С. 61–69.

5. Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 429 с.

6. Марцинковская Т. Д. Общая психология: учебное пособие / Т. Д. Марцинковская. – Москва: Академия, 2010. – 381 с.

7. Петков В. П. Личность рецидивистов старших возрастов и особенности карательно-воспитательного воздействия на них в ИТУ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Петков. – Москва, 1992. – 21 с.

8. Принцип нулевой терпимости в действии [Электронный ресурс]. – URL: <http://sko.prokuror.kz/rus/novosti/pressreleasy/princip-nulevoy-terpimosti-v-deystvii> (дата обращения: 20 апреля 2020 г.).

9. Фокс В. Введение в криминологию: пер. с англ. / В. Фокс. – Москва: Прогресс, 1980. – 303 с.

priniat Palatoi predstavitelei 24 iunija 1999 g.: odobr. Sovetom Resp. 30 iunija 1999 g.: v red. Zakona Resp. Belarus' ot 09.17.2019. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295> (дата обращения: 05.06.2020).

10. Фокс В. Введение в криминологию / пер. с англ. / В. Фокс. – М.: Прогресс, 1980. – 303 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Antonian Iu. M. Prestupnost' starikov: monografiia / Iu. M. Antonian, T. N. Volkova. – Riazan': Akademiia prava i upravleniia FSIN, 2005. – 160 s.

2. Afanas'ev A. Psikhologicheskie osobennosti osuzhdennykh pozhilogo i starcheskogo vozrastov / A. Afanas'ev // Voprosy prava v tret'em tysiacheletii: materialy mezhdvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii vuzov MVD Respubliki Belarus' i Rossii (27 fevralia 2003 g.) / pod red. A. Ia. Grishko, Iu. S. Efimchika, V. M. Kozlova. – Briansk–Minsk: Akademiia MVD Respubliki Belarus', 2003. – S. 40–42.

3. Vishnevetskii K. V. Kriminogennaia viktimizatsiia sotsial'nykh grupp v sovremennom obshchestve: avtoref. diss. na soiskanie uchenoi stepeni doktora iurid. nauk: spets. 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo» / K. V. Vishnevetskii. – M., 2007. – 44 с.

4. Vishnevskaja T. I. Specifika determinacii gerontologicheskoi prestupnosti / T. I. Vishnevskaja // Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 1(38). – S. 61–69.

5. Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Belarus': stat. sbornik / Natsional'nyi statisticheskii komitet Respubliki Belarus'. – Minsk, 2020. – 429 s.

6. Martsinkovskaia T. D. Obshchaia psikhologiya: uchebnoe posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii, obuch. po ped. spetsial'nostiam / T. D. Martsinkovskaia. – M.: Akademiia, 2010. – 381 s.

7. Petkov V. P. Lichnost' retsidivistov starshikh vozrastov i osobennosti karatel'no-vozpitate'l'nogo vozdeistviia na nikh v ITU: avtoref. diss. na soiskanie uchenoi stepeni kand. iurid. nauk: spets. 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ispravitel'no-trudovoe pravo» / V. P. Petkov. – M., 1992. – 21 s.

8. Printsip nulevoi terpimosti v deistvii. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://sko.prokuror.kz/rus/novosti/pressreleasy/princip-nulevoy-terpimosti-v-deystvii> (дата обращения: 20.04.2020 г.).

9. Ugolovno-protssesual'nyi kodeks Respubliki Belarus' [Elektronnyi resurs]: 16 iulia 1999 g., № 295-Z:

К вопросу о криминалистическом исследовании видеозаписи в условиях развития цифровой криминалистики

Дерюгин Роман Александрович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: deryugin.r.a@mail.ru

Файсханов Ирек Фоатович,
Уральский юридический институт МВД России
e-mail: f_irek@mail.ru

Авторы с помощью общедоступного программного обеспечения провели комплексное криминалистическое исследование фрагмента видеозаписи с целью установления факта монтажа. В работе рассматриваются вопросы, связанные с кадровой исследованием видеозаписи, анализом содержимого и служебной информации файлов.

Ключевые слова: видеозапись; файл; информация; алгоритм; криминалистическое исследование; программное обеспечение.

On the issue of forensic research of video recordings in the context of the development of digital criminology

Deryugin Roman Aleksandrovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia, Candidate of Law

Fayskhanov Irek Foatovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia

The Authors used publicly available software to conduct a comprehensive forensic study of the video fragment in order to establish the fact of editing. The paper deals with issues related to frame-by-frame research of video recordings, analysis of the content and service information of files.

Key words: video recording; file; information; algorithm; forensic research; software.

XXI век – это время динамичного развития новых технологий, прогрессивных возможностей информационно-телекоммуникационных систем и других направлений науки и техники. В условиях современности реализуются по-настоящему грандиозные новаторские идеи и масштабные проекты. Так, исследователи Гарвардского университета создали специализированный лазер, способный вырабатывать излучение света с недоступными до этого значениями углового момента. Данная разработка позволит эксплуатировать механизмы при условиях, в которых функционирование механических и электромеханических систем невозможно¹. В России группа ученых

¹ Создан первый в своем роде мета-лазер, вырабатывающий сильно «закрученный» свет // DailyTechInfo. URL: [https://www.dailytechinfo.org/news/10858-sozdan-pervyy-v-svoem-](https://www.dailytechinfo.org/news/10858-sozdan-pervyy-v-svoem)

Дальневосточного федерального университета начала работу по внедрению системы искусственного интеллекта, способной анализировать процессы протекания болезни Паркинсона и осуществлять прогнозирование развития заболевания, позволяя лечащему врачу корректировать лечение более эффективно². Серьезный проект начат в Нижнем Новгороде, где планируется разработка инновационного научно-технологического центра, реализующего проекты по таким направлениям, как образование, наука, здравоохранение, цифровая экономика, экология, rode-meta-lazer-vyrabatyvayuschiy-silno-zakruchennyy-svet.html (дата обращения: 10.05.2020).

² ДВФУ работает над использованием ИИ для лечения болезни Паркинсона // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200513/1571353745.html> (дата обращения: 14.05.2020).

малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт¹.

Действительно, научно-технический прогресс непрерывно развивается, открывая при этом новые направления для исследований во всех сферах деятельности общества и государства. Не является исключением и правоохранительная деятельность, где особое внимание уделяется работе с информационно-телекоммуникационными технологиями и, в целом, становлению цифровой криминалистики. Данный факт, помимо всеобщей информатизации, обоснован статистическими показателями МВД России. Так, в 2019 г. доля зарегистрированных киберпреступлений увеличилась почти вдвое (с 8,8 % в 2018 г. до 14,5 % в 2019 г.). При этом половина зарегистрированных преступлений – тяжелой или особо тяжелой категории. Широкое распространение получили преступления, совершенные с использованием информации телекоммуникационной сети Интернет (157 036; 53,3 %), средств мобильной связи (116 154; 39,4 %), расчетных (пластиковых) карт (34 383; 11,7 %) и компьютерной техники (18 261; 6,2 %). Стабильный рост отмечается в категории IT-преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (+31,2 %, почти 10 % от общего числа всех преступлений). За 2019 год выявлено 98 798 (+202,4 %) краж, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий².

Очевидно, что дальнейшее повышение профессионального уровня преступников, использующих в целях маскировки своих противоправных действий подменные IP-адреса или иные механизмы сокрытия личных данных, затрудняет возможность их идентификации и препятствует адекватному реагированию со стороны правоохранительных органов. Данные и иные обстоятельства требуют нового подхода в вопросах противодействия преступности.

Одним из самых актуальных и перспективных направлений цифровой криминалистики является криминалистическое исследование видеозаписи.

Основными задачами криминалистической экспертизы видеозаписи являются:

– установление факта, что над предоставляемым на экспертизу файлом не проводился монтаж, так называемая «склейка», или иные мероприятия, влияющие на целостность содержимого или искажающие факты, представленные на видеозаписи;

– установление факта того, что исследуемая видеозапись была получена на том устройстве, которое

заявлено.

В рамках исследования видеозаписи перед экспертом можно поставить следующие вопросы:

1. Имеет ли место факт того, что указанная видеозапись была получена с данного устройства?

2. Имеются ли в исследуемом файле признаки (системная информация), указывающие на принадлежность видеозаписи к данному устройству?

3. Имеются ли в исследуемом файле признаки, указывающие на то, что представленная видеозапись подвергалась изменениям (монтажу, «склейке»)?

4. Имеются ли в исследуемой видеозаписи факты, которые могут исказить события (перекрытия, перемещения объектов и т. д.)?

Отметим, что для целей настоящего исследования, исключительно для понимания алгоритма действий эксперта и анализа рассматриваемого направления, авторами проведено исследование видеозаписи без использования специализированного программно-аппаратного инструментария, который применяется в данном виде экспертизы.

Итак, имеются два видеофайла, первый из которых получен (снят) с мобильного телефона без каких-либо модификаций, второй – модернизирован при помощи программы видеомонтажа³. Эксперту необходимо определить план исследования видеозаписи (табл. 1).

Таблица 1

План исследования видеозаписи

№	Мероприятия	Инструментарий
1	Покадровое исследование видеозаписи	Видеоредактор Shotcut
2	Анализ содержимого файла	Универсальный шестнадцатеричный редактор HxD
3	Анализ служебной информации	Приложение MediaInfo

Далее осуществляется описание данных видеороликов. Видео 1 имеет название video1.mp4. Его размер на HDD-носителе составляет 27 320 320 байт. Продолжительность видеофрагмента составляет 5 с. Видео 2 имеет название video2.mp4. Его размер на HDD-носителе составляет 21 680 128 байт. Продолжительность видеофрагмента – 5 с.

1. Покадровое исследование видеозаписи.

С использованием программного обеспечения Shotcut покадрово были исследованы два видеоролика

Как видно на рис. 1, видео слева (видео 1) имеет меньшую яркость и контрастность изображения, чем видео справа (видео 2). Стоит отметить, что оригинальный видеоролик имеет длительность равную 05:03 с, ролик-подделка – 05:04 с. Других особенностей не отмечено.

³ Для удобства дальнейшего описания обозначим первый видеофайл – видео 1, второй видеофайл – видео 2.

¹ Нижегородская область планирует создание ИНТЦ «Квантовая долина» // Информационное агентство «РБК». URL: <https://nn.rbc.ru/freenews/5ebd4ebc9a79471542961099> (дата обращения: 10.05.2020).

² Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020. URL: https://мвд.рф/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original (дата обращения: 10.05.2020).

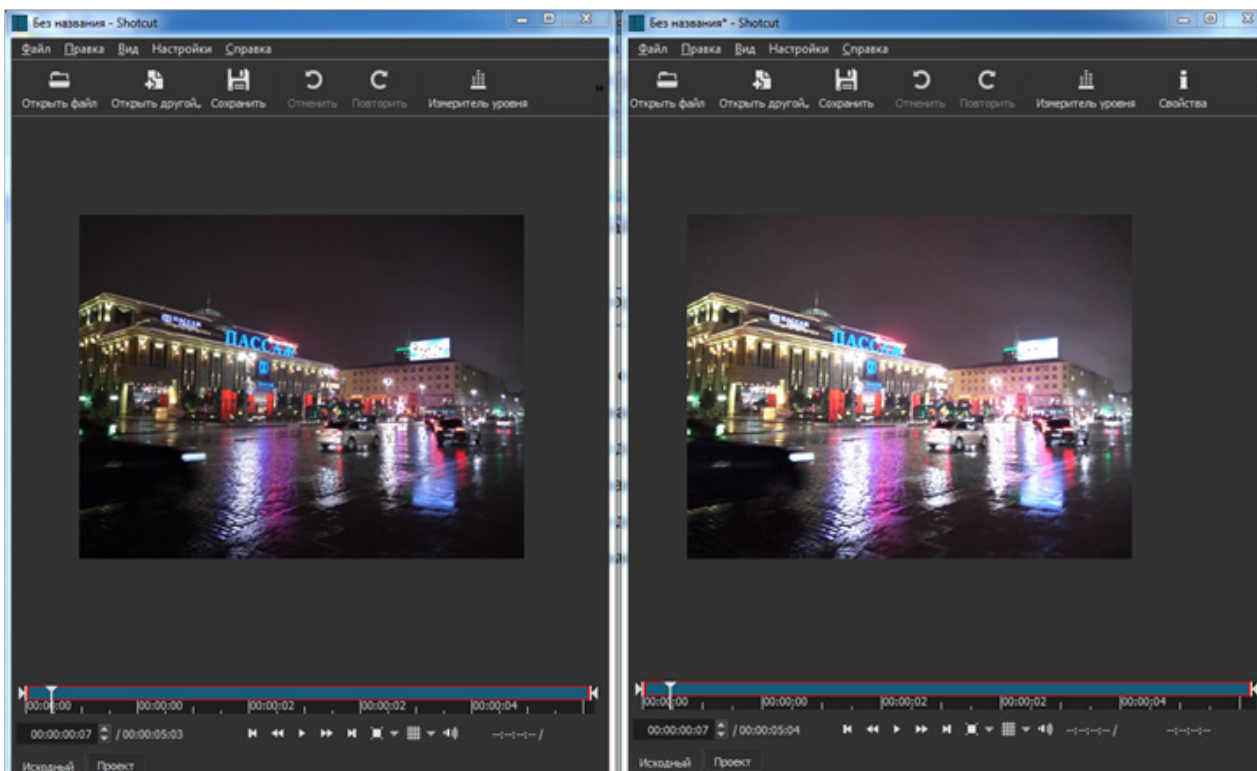

Рис. 1. Исследование видеороликов покадрово

2. Анализ содержимого файла.

Для анализа содержимого файла был использован инструментарий свободно распространяемого про-

граммного обеспечения – шестнадцатеричный редактор HxD (рис. 2).

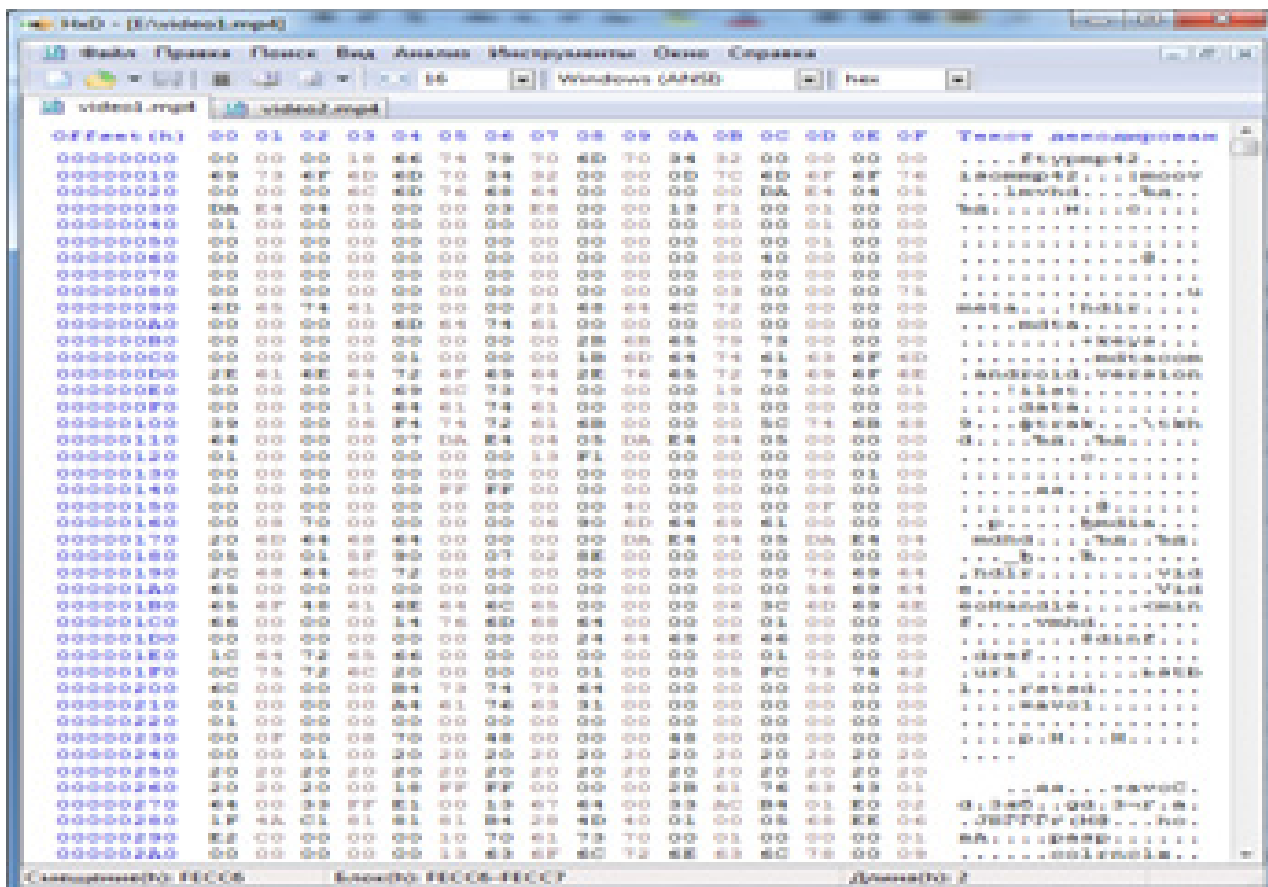

Рис. 2. Данные видео 1, полученные с шестнадцатеричного редактора

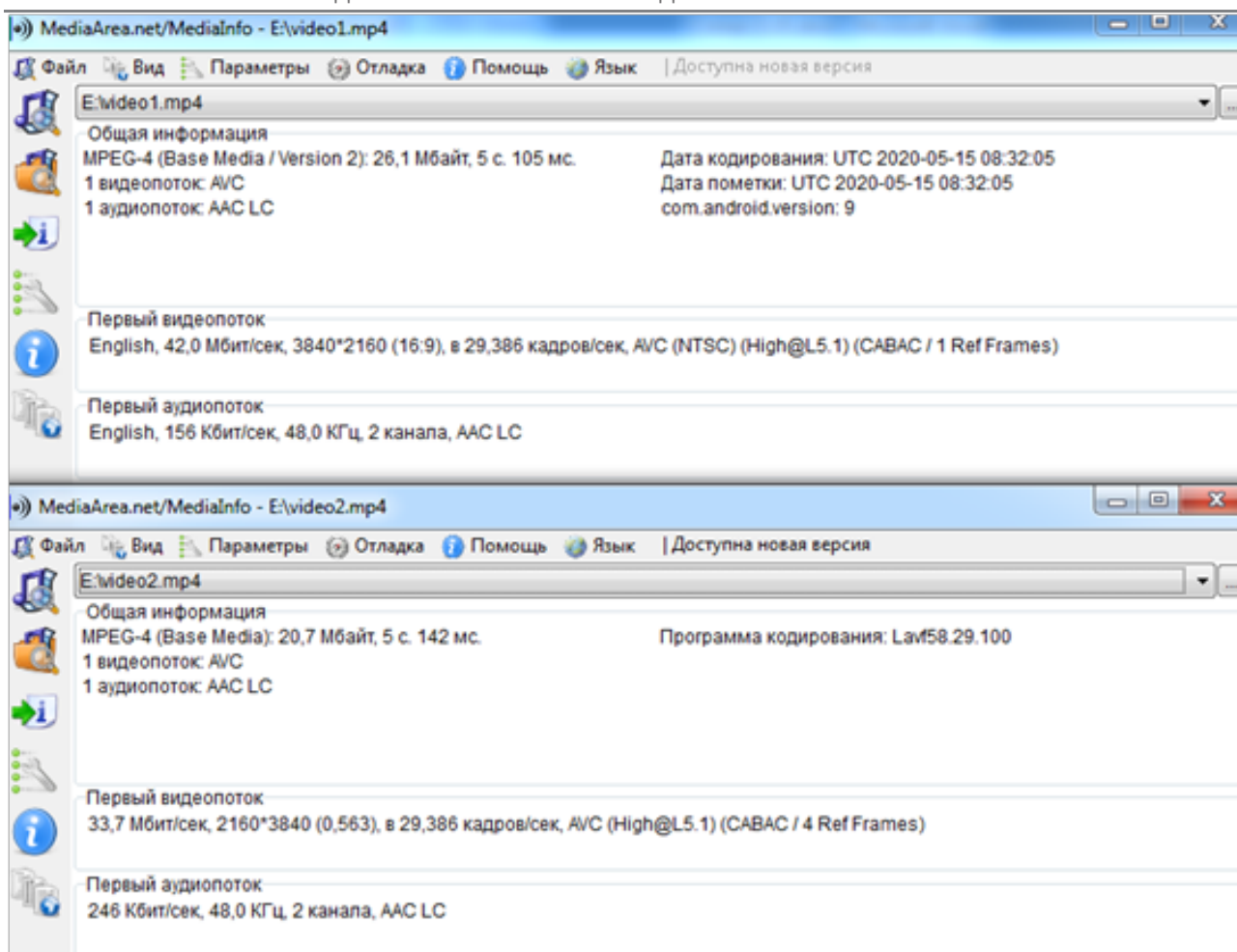

Рис. 4. Анализ служебной информации видео 1 и видео 2

мации нет, но имеются сведения о программе кодирования.

Таким образом, представляется возможным ответить на поставленные ранее вопросы:

1. Указанная видеозапись (video2.mp4) получена не с интересующего устройства.

2. Признаков, указывающих принадлежность видеозаписи (video2.mp4) к данному устройству, не обнаружено.

3. Признаки изменения видеозаписи (video2.mp4) обнаружены: коррекция цвета.

4. Фактов, искажающих события, указанные в видеоролике (video2.mp4), не обнаружено.

Полагаем, что и обозначенные ранее задачи решены:

– факт редактирования файла video2.mp4 установлен;

– факт, что исследуемая запись (video2.mp4) была образована на том устройстве, которое заявлено, не установлен.

Выявление сомнительной видеозаписи, на которой имеются следы фальсификации или внесения изменений, – одна из типичных ситуаций, встречающихся на практике и требующих проведения криминалистического исследования. Рассмотренный вид

экспертизы позволяет решить целый комплекс задач (диагностических, идентификационных, классификационных и реконструкционных) и справедливо считается одним из самых перспективных направлений цифровой криминалистики.

В заключение отметим, что цифровая криминалистика многоаспектна и вслед за развитием информационно-телекоммуникационных технологий и новой техники требует совершенствования науки и деятельности правоохранительных органов. Например, уже сейчас необходимо обратить внимание на клавиатурный почерк, который пока не изучается для целей идентификации личности в процессе раскрытия и расследования преступлений. Однако данное направление уже заинтересовало ученых и исследователей, и имеются предложения по модернизации законодательства, учитывающие понятие клавиатурного почерка, под которым понимается набор уникальных характеристик оператора электронно-вычислительной машины, образующихся в совокупности с привычками оператора, методами и особенностями ввода текста¹.

¹ См.: Файсханов И. Ф. Аутентификация пользователей при помощи устойчивого клавиатурного почерка со свободной выборкой текста // Кибернетика и программирование. 2018.

На наш взгляд, перспективы такой технологии очевидны. При введении исследования почерка оператора на веб-ресурсах или в социальных сетях анализ указанных выше сведений может позволить установить и идентифицировать личность лица, осуществившего ввод того или иного текста, оперативно передать информацию о его местонахождении или местонахождении устройства ввода, что, несомненно, повысит эффективность и качество процесса раскрытия и расследования преступлений.

Библиографический список

1. ДВФУ работает над использованием ИИ для лечения болезни Паркинсона // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20200513/1571353745.html> (дата обращения: 14.05.2020).
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналитический обзор. – Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020. – URL: https://мвд.рф/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original (дата обращения: 10.05.2020).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/20016032/> (дата обращения: 05.05.2020).
4. Нижегородская область планирует создание ИНТЦ «Квантовая долина» // Информационное агентство «РБК». – URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/5ebd4ebc9a79471542961099> (дата обращения: 10.05.2020).
5. Создан первый в своем роде мета-лазер, вырабатывающий сильно «закрученный» свет // DailyTechInfo. – URL: <https://www.dailytechinfo.org/news/10858-sozdan-pervyy-v-svoem-rode-meta-lazer-vyrabatyvayuschiy-silno-zakruchennyj-svet.html> (дата обращения: 10.05.2020).
6. Файсханов И. Ф. Аутентификация пользователей при помощи устойчивого клавиатурного почерка со свободной выборкой текста / И. Ф. Файсханов // Кибернетика и программирование. – 2018. – № 3. – С. 72–86. – DOI: 10.25136/2306-4196.2018.3.25044. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25044.
7. Федоров И. З. К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений / И. З. Федоров // Проблемы предварительного расследования. – 2019. – № 2 (37). – С. 113–116.

Библиографический список

1. DVFU rabotaet nad ispol'zovaniem II dlya lecheniya bolezni Parkinsona // RIA Novosti. – URL:

№ 3. С. 72–86. DOI: 10.25136/2306-4196.2018.3.25044 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25044; Федоров И. З. К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений // Проблемы предварительного расследования. 2019. № 2 (37). С. 115.

<https://ria.ru/20200513/1571353745.html> (data obrashcheniya: 14.05.2020).

2. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii po itogam 2019 goda i tendencii ee razvitiya: analiticheskij obzor. – Moskva: FGKU «VNII MVD Rossii», 2020. – URL: https://mvd.rf/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original (data obrashcheniya: 10.05.2020).

3. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' – mart 2020 goda // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – URL: <https://mvd.rf/reports/item/20016032/> (data obrashcheniya: 05.05.2020).

4. Nizhegorodskaya oblast' planiruet sozdanie INTC «Kvantovaya dolina» // Informacionnoe agentstvo «RBK». – URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/5ebd4ebc9a79471542961099> (data obrashcheniya: 10.05.2020).

5. Sozdan pervyj v svoem rode meta-lazer, vyrabatyvayushchij sil'no «zakruchennyj» svet // DailyTechInfo. – URL: <https://www.dailytechinfo.org/news/10858-sozdan-pervyy-v-svoem-rode-meta-lazer-vyrabatyvayuschiy-silno-zakruchennyj-svet.html> (data obrashcheniya: 10.05.2020).

6. Fajskhanov I. F. Autentifikaciya pol'zovatelej pri pomoshchi ustojchivogo klaviaturnogo pocherka so svobodnoj vyborkoj teksta / I. F. Fajskhanov // Kibernetika i programmirovaniye. – 2018. – № 3. – S. 72–86. – DOI: 10.25136/2306-4196.2018.3.25044. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25044.

7. Fedorov I. Z. K voprosu ob ustanovlenii ispolnitelya elektronnoho teksta po klaviaturnomu pocherku pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij / I. Z. Fedorov // Problemy predvaritel'nogo rassledovaniya. – 2019. – № 2 (37). – S. 113–116.

Типичные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества в сфере кредитования

Тагиров Руслан Амирович,
Башкирский государственный университет
e-mail: ratagirov.sbr@yandex.ru

В статье раскрывается сущность понятия следственной ситуации, а также выделяются признаки, характеризующие ее в качестве благоприятной или неблагоприятной для расследования. Кроме того, подвергается обоснованию практическая значимость типизации следственных ситуаций, в том числе в аспекте определенного вида противоправных деяний. Приводятся ситуации, характерные для первоначального этапа расследования мошенничества в сфере кредитования, типичность которых определена на основе проведенного анализа судебной практики, в аспекте расследования хищений, реализуемых посредством получения потребительской либо корпоративной ссуды.

Ключевые слова: мошенничество; кредит; следственная ситуация; типизация; преступление; личность преступника; ложная информация; фальсификация; хищение; факторы; займ; залог; банк; кредитор; расследование; хищение; ссуда; денежные средства.

Typical Initial Credit Fraud Investigation Situations

Tagirov Ruslan Amirovich,
Bashkir State University

The article reveals the essence of the concept of an investigative situation, as well as identifies signs that characterize the situation as favorable or unfavorable for the investigation. In addition, the author substantiates the practical significance of the typification of investigative situations in the aspect of a certain type of unlawful acts. The author describes the situations typical of the initial stage of the credit fraud investigation, the typicality of which is determined on the basis of the analysis of judicial practice in the aspect of the investigation of theft committed by getting a consumer or a corporate loan.

Key words: fraud; credit; investigative situation; typification; crime; criminal identity; false information; falsification; factors; loan; pledge; bank; lender; investigation; theft; credit; money.

Процесс расследования преступлений, как, впрочем, и любое динамичное явление, находится под влиянием множества факторов, определяющих направление его развития. При этом, учитывая прогрессивность и управляемость такого процесса, стоит отметить, что выбор его направления в большинстве случаев зависит от оценки ситуации, сложившейся по делу.

В криминалистической науке сформировалось множество противоречий во взглядах исследователей о содержательном наполнении такого понятия, как следственная ситуация. На наш взгляд, причиной тому служит отсутствие единообразного понимания сущности данного явления, порождающее различие научных представлений как о глубине данного понятия, так и его значении для расследования.

Ряд ученых представляют следственную ситуацию как совокупность условий, обстоятельств, сложившихся на определенный момент расследования, со-

стояния процесса расследования¹. Другие же, напротив, существенно ограничивая приведенное понятие, придерживаются мнения о том, что ситуация в расследовании имеет значение лишь в качестве информационной массы о восстанавливаемом событии².

Анализ многообразия научных суждений по данной тематике приводит нас к выводу о том, что все

¹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 3. С. 98; Криминалистика / В. А. Образцов и др.; под ред. В. А. Образцова. М.: Юристъ, 1997. С. 253.

² См.: Гавло В. К. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / В. К. Гавло, В. Е. Ключко, Д. В. Ким; под ред. В. К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 74; Селиванов Н. А. Криминалистическая характеристика преступления и следственные ситуации в методике расследования // Соцзакононость. 1977. № 2. С. 58; Следственные ситуации и раскрытие преступлений: науч. тр. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1975. № 41. С. 29.

без исключения исследователи-криминалисты подчеркивают ключевое значение информационной составляющей следственной ситуации, преимущественно определяющей направление расследования. Объяснение этому кроется в сущности процесса расследования как вида познавательной деятельности, который, согласно справедливому замечанию И. М. Лузгина, состоит в установлении обстоятельств преступления и собирании доказательств по делу¹. Мы видим, что достижение цели расследования фактически сводится к моделированию свершившегося события, мыслительному возвращению к исходному положению, к обстоятельствам, сопутствовавшим противоправному деянию². То есть достижение цели расследования, помимо сформированной по делу совокупности доказательств, определяется фактическим получением исчерпывающих сведений об изучаемом событии. Это дает основание считать, что единственным критерием оценки следственной ситуации, состоящей в субъективном восприятии лицом, ведущим расследование, степени достижения цели расследования, является совокупность имеющейся по делу информации. Иными словами, следственная ситуация носит характер оценочного суждения о ходе расследования, построенного на внутреннем убеждении следователя о соотношении имеющейся по делу информации и информации, необходимой к получению для разрешения дела.

Вместе с тем вполне рациональными также являются доводы ученых о влиянии на следственную ситуацию факторов, образуемых обстоятельствами, лежащими вне деятельности следователя, направленной на накопление и анализ информации по делу. Однако такие доводы справедливы лишь отчасти. На наш взгляд, оценка следственной ситуации должна предполагать оценку факторов, препятствующих либо, напротив, содействующих получению информации.

Таким образом, следственную ситуацию можно определить в качестве информации о расследуемом событии, объективной оценки степени ее достаточности для достижения цели расследования, а также характере препятствий для дальнейшего получения необходимых сведений, возникших в конкретный момент времени. Приведенное суждение также находит отражение в выводах некоторых ученых, согласно которым следственная ситуация представляет собой степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на конкретный определенный момент времени³.

В зависимости от количественных и качественных, с точки зрения воздействия на ход расследования,

негативных факторов следственные ситуации принято дифференцировать на благоприятные и неблагоприятные⁴. По мнению М. В. Субботиной, критерием дифференциации следственных ситуаций на благоприятные и неблагоприятные является предсказуемость хода расследования, возможность его спрогнозировать, обусловленная наличием информации о преступнике⁵.

В то же время оценка ситуации расследования как неблагоприятной, а также приведение ее в более выгодное для следствия положение, создание предпосылок достижения цели расследования в обобщенном понимании и составляет выбор направления расследования. Стоит отметить, что в данной части прослеживается крайне тесное взаимодействие криминалистической теории и практики расследования преступлений. Так, на основе анализа следственной практики теория приобретает способность типизировать следственные ситуации, ориентируясь на которые, следователь получает возможность выбрать наиболее рациональное направление расследования. Такое взаимодействие образует фундамент частной криминалистической методики.

Как верно заметил Р. С. Белкин, типизация следственных ситуаций необходима для построения частных криминалистических методик. Выявление же специфики ситуации необходимо для правильного применения этих методик и решения тактических вопросов расследования⁶.

При этом следственные ситуации подлежат типизации с учетом особенностей самого преступления, при расследовании которого они складываются.

Важно заметить, что для практического применения наиболее значимой является типизация следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования, поскольку именно данный этап отличается своей динамичностью, потребностью в реализации активных, не терпящих промедления действий, при этом характеризуется зачастую крайней недостаточностью сведений о событии. Поэтому типизация следственных ситуаций, позволяющая выдвинуть на данном этапе обоснованные версии, а также выбрать наиболее рациональное направление расследования, в сущности, определяет вероятность достижения цели всего расследования.

Типизацию ситуаций на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере кредитования, как подсказывает следственная практика, необходимо осуществлять в двух аспектах: как ситуаций, возникающих при расследовании преступлений, связанных с использованием, во-первых, кредитования субъектов предпринимательства, а во-вторых – по-

¹ См.: Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М.: Высшая школа МВД СССР, 1969. С. 12.

² См.: Следственная ситуация: сб. науч. тр. М.: ВНИИ РМПП, 1984. С. 13.

³ См.: Зеленский В. Д. Криминалистика: учебник / под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 111.

⁴ См.: Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 24.

⁵ См.: Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 98.

⁶ См.: Белкин Р. С. Указ. соч. С. 141.

требительского кредитования. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты, полученные К. А. Виноградовой в рамках диссертационного исследования, посвященного расследованию мошенничества в сфере кредитования¹.

Приведенная дифференциация обусловлена некоторыми различиями в процессах, регламентированных положением кредиторов, посредством которых реализуется хищение первой и второй категории. Так, для хищения, совершаемого путем использования кредитования физических лиц, характерны действия злоумышленников, направленные исключительно на создание образа добросовестного и платежеспособного заемщика, реализуемые путем подделки сведений о доходах, месте работы, а также личности контрагента банка. Присвоению корпоративной ссуды характерен более широкий объем и содержательность представляемых кредитору ложных и недостоверных сведений.

Учитывая специфику юридического лица (индивидуального предпринимателя) как участника гражданских правоотношений, в целях реализации им хищений рассматриваемого вида фальсификации могут быть подвержены сведения о финансовом состоянии заемщика, стабильности его коммерческой деятельности, перспективности финансируемого за счет заемных средств проекта, а также сведения об имуществе, в том числе передаваемом в залог.

Помимо прочего, мошенничество в сфере корпоративного кредитования преимущественно совершается в составе группы, в которую чаще всего входит сотрудник кредитующего учреждения.

Безусловно, все эти особенности определяют объем сведений, подлежащих изучению в ходе достижения цели расследования, и детерминируют ситуации, характерные для этого процесса.

Стоит также сделать акцент на столь важном для типизации следственных ситуаций определении критериев их дифференциации. В связи с этим обратим внимание на специфику рассматриваемого вида хищения, состоящего в реализации последовательных действий, направленных на создание образа добросовестного ссудополучателя. То есть для формирования представления банка о цели исполнения контрагентом обязательств по сделке злоумышленник передает кредитору определенный объем фальсифицированных данных, выделяющих те или иные характеристики субъекта правоотношений, не соответствующие действительности. При этом всю совокупность ложных сведений не всегда представляется возможным установить лишь посредством изучения документации кредитного досье. Некоторые ложные данные, особенно на первоначальном этапе расследования, в условиях крайней ограниченности информации о событии, устанавливаются путем их фактической проверки, в том числе при использовании

инструментов получения официальных данных от регистрирующих органов или же при непосредственном выезде по месту нахождения имущества или регистрации (места преимущественного пребывания) лица, получившего займ.

При этом для расследования преступлений названного вида весьма существенным является установление массы ложных или недостоверных сведений, полученных банком от заемщика, поскольку лишь это позволит сделать выводы не только о наличии у злоумышленника цели хищения ссудных средств, но и о возникновении возможности ее реализации средствами, названными выше.

Указанное наглядно демонстрирует способность следственной ситуации, возникающей на первоначальном этапе расследования кредитных хищений, модифицироваться в зависимости от наличия либо отсутствия сведений о субъекте преступления, а также наличия либо отсутствия сведений о характере и объеме недостоверных сведений, переданных банку контрагентом на стадии согласования кредитной сделки.

Именно поэтому типизацию следственных ситуаций по преступлениям рассматриваемого вида целесообразнее проводить по двум ключевым критериям. В качестве таковых мы выбрали **осведомленность следователя о лице, группе лиц, причастных к хищению**, а также **осведомленность следователя обо всей совокупности ложных данных, представленных кредитору заемщиком** для получения ссудных средств, незаконно присвоенных последним.

Кроме того, типизируя ситуации, мы должны исходить их высокой вероятности соучастия в преступлении сотрудника банка.

Н. П. Яблоков в своих трудах подчеркнул, что две трети хищений путем мошеннических действий в кредитно-банковской сфере совершаются организованными группами с участием сотрудников банков².

В свете сказанного, мы полагаем необходимым выделить следующие ситуации первоначального этапа расследования мошенничества, совершенного при кредитовании юридических лиц (индивидуальных предпринимателей).

1. Ситуация, при которой известно, что преступление совершено группой, личности некоторых участников группы установлены. При этом есть основания полагать, что в преступлении участвовал сотрудник банка. Известна вся совокупность ложных или недостоверных сведений, представленных кредитору.

2. Личность мошенника установлена, при этом отсутствуют сведения о совершении преступления одним лицом или в составе группы, а также о соучастии в преступлении сотрудника банка. Известна вся совокупность ложных или недостоверных сведений, представленных кредитору.

¹ См.: Виноградова К. А. Расследование мошенничества в сфере кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 104–107.

² См.: Яблоков Н. П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования. М.: Норма, 2014. С. 74.

3. Личность мошенника не установлена, отсутствуют сведения о количестве соучастников. Следствием выявлены ложные сведения, представленные кредитору, при этом не установлен способ достижения преступной цели (требования локальных актов, в нарушение которых подложные документы были использованы для введения банк в заблуждение).

4. Преступление совершено одним лицом, являющимся учредителем и директором организации (индивидуальным предпринимателем). Личность мошенника установлена. Известна вся совокупность ложных или недостоверных сведений, представленных кредитору.

Из приведенных типичных ситуаций следует, что в подавляющем большинстве случаев лицо, ведущее расследование, сталкивается с проблемой выявления состава участников преступления. Как известно, юридическое лицо представляет собой сложную правовую конструкцию, структура которой предполагает распределение полномочий органов управления. К примеру, право на принятие решения о приобретении прав и обязанностей предприятия, несомненно, принадлежит его высшему органу – общему собранию собственников либо уполномоченному совету. При этом правом на совершение сделок обладает единоличный или коллегиальный орган управления. В таком многообразии довольно сложно установить лиц, оказавшихся способными использовать и использовавших коммерческое предприятие в своих противозаконных интересах. В связи с чем при избрании направления расследования стоит ориентироваться на выявление лица, получившего доступ к ссудным средствам, а также подробное изучение распределения полномочий между органами управления юридического лица в соответствии с его учредительными документами. Кроме того, последовательное изучение документов, содержащих ложные или недостоверные сведения, которыми кредитор был введен в заблуждение, позволит следователю установить лиц, обладающих обязанностями контроля соответствующей документации на предприятии – ссудополучателе.

При расследовании кредитных хищений, совершаемых физическими лицами, обладающими статусом индивидуального предпринимателя, существенное значение имеет установление лиц, привлекаемых для содействия экономической деятельности названным субъектом предпринимательства, поскольку они чаще всего оказываются причастными к совершению преступления.

Так, например, согласно материалам уголовного дела индивидуальным предпринимателем К. А. было совершено мошенничество в сфере кредитования в особо крупном размере (сумма хищения 15 миллионов рублей) путем представления в финансовое учреждение ложных сведений о праве на имущество, переданное в качестве залогового обеспечения исполнения обязательств по сделке.

В целях хищения Заемщик представил в банк поддельные документы, подтверждавшие его право собственности на товары в обороте (минеральные удобрения), переданные ему по договору хранения Обществом ТДУ. При этом индивидуальный предприниматель в ходе предварительного расследования и судебного следствия не смог пояснить, какие именно документы были положены в подтверждение права собственности, указав, что все они были составлены его бухгалтером К. Н.¹

Здесь мы можем наблюдать наглядную демонстрацию сочетания в предпринимательской деятельности элементов хозяйственной субъектности и ограниченности ресурсно-компетенционной базы, свойственной физическим лицам, что вынуждает мошенников, совершающих кредитное хищение путем использования своего правового статуса, привлекать сторонних лиц. В ином случае злоумышленник зачастую оказывается неспособным реализовать преступный замысел, о чем свидетельствует приведенный пример.

Для целей выявления сотрудника банка, содействовавшего совершению преступления, необходимо оценить явность подделки документов, а также установить этап согласования заявки на займ, в ходе которого оценивалась достоверность таких документов.

Вместе с тем стоит отметить, что зачастую расследование противоправного деяния, выраженного в хищении денежных средств, переданных банком предприятию или предпринимателю под условие возвратности и платности для целей финансирования экономической деятельности, происходит в условиях максимальной информативности. То есть следовательно известна совокупность ложных сведений, позволивших реализовать преступный замысел, а также лицо, совершившее преступление, в роли которого чаще всего выступает единственный участник кредитного бизнеса, совмещающий в себе полномочия директора. При возникновении указанной ситуации в расследовании рекомендуется предпринять меры по выявлению иных преступлений, совершенных подозреваемым, поскольку, как показывает судебная практика, кредитные мошенничества, совершенные физическим лицом посредством использования организации либо статуса предпринимателя, довольно часто носят многоэпизодный характер.

Довольно яркими примерами служат два уголовных дела, приговоры по которым вынесены Кировским районным судом г. Уфы Республики Башкортостан. В ходе предварительного расследования было установлено, что граждане в целях хищения использовали полную фальсификацию данных о юридических лицах, представляясь их учредителями и директорами, заключили множественные сделки, в

¹ Уголовное дело № 1-41/2019 // Архив Каневского районного суда Краснодарского края. 2019 г.; Приговор от 4 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/bhbUU3fnrVmR.

результате которых причинили многомиллионный ущерб контрагентам¹.

Надо отметить, что согласно материалам дела преступниками в целях мошенничества неслучайно был избран именно корпоративный способ кредитования, поскольку он позволил им не только обосновать неоднократные заявки на получение весьма крупных сумм займа, но и обналичивать денежные средства, используя финансовые механизмы распределения капитала юридического лица. Следовательно, злоумышленники, совершая противоправные действия такого характера, руководствуются тем, что именно корпоративный статус субъекта заемных правоотношений открывает широкие возможности многократных хищений в отличие от потребительского кредитования.

Для расследования мошенничества, совершенного при потребительском кредитовании, характерны несколько иные следственные ситуации, нежели выделенные выше. Так, учитывая сравнительную простоту реализации преступного замысла, фактически выраженную в фальсификации документов, подтверждающих ежемесячный доход, занятость, а также удостоверяющих личность заемщика, в различной их комбинации, можно выделить следующие типичные ситуации:

1) личность мошенника известна, установлено его местонахождение, известна вся совокупность ложных или недостоверных сведений, представленных кредитору;

2) личность мошенника известна, не установлено его местонахождение, известна вся совокупность ложных или недостоверных сведений;

3) личность мошенника не установлена, неизвестна вся совокупность недостоверных сведений.

Стоит обратить внимание, что формально хищение кредитных средств лицом, представившим в банк ложные сведения о своей личности (например, поддельный паспорт), не может быть квалифицировано в качестве мошенничества в сфере кредитования. При этом мы убеждены, что рекомендации эффективного расследования хищений, совершенных таким способом, могут и должны формироваться в рамках частной криминалистической методики расследования кредитного мошенничества, поскольку в полной мере отражают специфику противоправного деяния данного вида. Сказанное приводит к выводу о целесообразности типизации следственных ситуаций, складывающихся при расследовании мошенничества в сфере кредитования, в том числе совершенного путем представления кредитору ложных сведений о личности заемщика.

В каждой из вышеприведенных ситуаций расследование проводится при условии детального анализа документации по сделке, хранящейся у кредитора.

¹ Уголовное дело № 1-353/2014 // Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан; Уголовное дело № 1-18/2014 (1-345/2013) // Архив Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан.

Посредством изучения сведений о заемщике становится возможным определить направление поисковой деятельности для наиболее оптимального получения исчерпывающих данных о мошеннике, а также способах подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Необходимо также указать, что преступление рассматриваемого характера очень часто совершается посредством привлечения лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Для этих целей, как правило, организуется преступная группа в количестве 3–7 человек, действия которых, в соответствии с распределенными ролями, направлены на создание у кредитора искаженного представления о действительном социальном статусе заемщика. Некоторые участники осуществляют приискание лиц без определенного места жительства или лиц, страдающих алкогольной зависимостью, другие осуществляют подделку документов и т. д. Важно указать, что формирование организованной группы обусловлено намерением получения непрерывного дохода от преступной деятельности, что, в свою очередь, предполагает множественность хищений, схожих по характеру. Таким образом, при избрании направления расследования хищений средств потребительского займа необходимо, прежде всего, ориентироваться на вероятность организации преступления лицом, отличным от заемщика, организовавшим множество аналогичных хищений.

Раскрывая цель приведенной выше типизации следственных ситуаций, кратко остановимся на алгоритме действий следователя, преследующего цель обращения состояния расследования в положительную для следствия сторону.

При этом в качестве базиса рассмотрим действия, совершение которых целесообразно при возникновении наиболее информативной ситуации первоначального этапа расследования. Так, в ситуации, в которой известна вся совокупность ложных сведений, представленных кредитору, а также известны личности преступников, наиболее рациональным представляется следующее: задержание лица в качестве подозреваемого, проведение личного обыска с целью изъятия предметов и документов, имеющих значение по делу, проведение допроса подозреваемого, обыска в его жилище, а также выемки всех документов, имеющих значение по делу, выемки у потерпевшего всей кредитной документации, а также документов, представленных мошенником на момент заключения сделки (все кредитное досье), осмотр изъятых предметов и документов, допрос свидетелей, а также представителей потерпевшего.

В ситуациях, характеризующихся наличием сведений о личности скрывающегося преступника, помимо проведения вышеназванных действий, результативным будет проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения преступника посредством проведения опроса соседей,

по месту работы, учебы, регистрации лица либо его постоянного пребывания.

В ситуациях, характеризующихся неполнотой данных обо всей совокупности ложных или недостоверных сведений, представленных в банк при совершении кредитной сделки, существенное значение приобретает последовательная проверка всей информации, содержащейся в кредитном досье. Совокупность данных, относимых к трем основным категориям (сведения о доходах, сведения об имуществе, сведения, относимые к личности заемщика), проверяется посредством направления соответствующего запроса в регистрирующие органы, а также фактического установления их достоверности.

Несомненно, положительный эффект окажет анализ записей с камер видеонаблюдения, идентификация преступника посредством криминалистических учетов, а также направления запросов в банки, расположенные в местности, в которой совершено преступление.

При расследовании преступлений, связанных с корпоративным кредитованием, прежде всего, необходимо установить иные коммерческие структуры, вступавшие с заемщиком в правоотношения, для целей выявления признаков фиктивности предприятия либо номинальности статуса предпринимателя. Достаточно важным является раскрытие организационной структуры правовой конструкции, определение правомочий ключевых сотрудников, а также конечных бенефициаров лица.

Обобщая рассмотренное, стоит констатировать широкое различие ситуаций, характерных для расследования мошенничества при потребительском, а также при корпоративном кредитовании. Приведенное, как было отмечено, обусловлено существенной разницей самих кредитных процессов.

Так, при расследовании хищений потребительской ссуды среди типичных мы выделили ситуации, при которых отсутствует какая-либо информация о преступнике, а также ситуации, при которых следователь обладает всей необходимой информацией о мошеннике. При этом стоит обратить внимание на системный характер ключевых факторов, образующих типичную следственную ситуацию. Так, отсутствие какой-либо информации о преступнике, к примеру, при представлении заемщиком поддельного паспорта, с высокой долей вероятности указывает на подделку документов, подтверждающих уровень дохода заемщика и его занятость, а также ложность сведений о наличии в собственности имущества.

Типизируя ситуации расследования мошенничества в сфере корпоративного кредитования, мы также взяли за основу осведомленность следствия об участниках преступления, расширив его границы предположением о том, что одним из соучастников является сотрудник банка. Приняв во внимание многокомпонентность процесса корпоративного кредитования, выраженную в оценке контрагента по различным критериям, в том числе включающим в себя прогно-

зирование рентабельности кредитуемого бизнеса, в типизацию следственных ситуаций нами также была включена осведомленность следователя обо всей совокупности ложных данных, представленных кредитуемому представителем заемщика.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р. С. Белкин. – Москва: Юристъ, 1997. – Т. 3. – 538 с.
2. Виноградова К. А. Расследование мошенничества в сфере кредитования: дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Виноградова. – Москва, 2018.
3. Гавло В. К. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / В. К. Гавло, В. Е. Ключко, Д. В. Ким; под ред. В. К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – 226 с.
4. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. – Свердловск, 1987.
5. Зеленский В. Д. Криминалистика: учебник / под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. – 704 с.
6. Криминалистика / В. А. Образцов [и др.]; под ред. В. А. Образцова. – Москва: Юристъ, 1997. – 760 с.
7. Лузгин И. М. Расследование как процесс познания / И. М. Лузгин. – Москва: Высшая школа МВД СССР, 1969. – 177 с.
8. Селиванов Н. А. Криминалистическая характеристика преступления и следственные ситуации в методике расследования / Н. А. Селиванов // Соцзаконодательство. – 1977. – № 2.
9. Следственные ситуации и раскрытие преступлений: науч. тр. – Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1975. – № 41. – 768 с.
10. Следственная ситуация: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ РМПП, 1984. – 80 с.
11. Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества / М. В. Субботина // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1.
12. Яблоков Н. П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования / Н. П. Яблоков. – Москва: Норма, 2014. – 224 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. / R. S. Belkin. – Moskva: YUrist», 1997. – T. 3. – 538 s.
2. Vinogradova K. A. Rassledovanie moshennichestva v sfere kreditovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk / K. A. Vinogradova. – Moskva, 2018.
3. Gavlo V. K. Sudebno-sledstvennye situacii: psihologo-kriminalisticheskie aspekty: monografiya / V. K. Gavlo, V. E. Klochko, D. V. Kim; pod red. V. K. Gavlo. – Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta, 2006. – 226 s.
4. Drapkin L. YA. Osnovy teorii sledstvennyh situacij / L. YA. Drapkin. – Sverdlovsk, 1987.
5. Zelenskij V. D. Kriminalistika: uchebnik / pod red. V. D. Zelenskogo, G. M. Meretukova. – Sankt-Peterburg: YUridicheskij centr, 2015. – 704 s.

6. Kriminalistika / V. A. Obrazcov [i dr.]; pod red. V. A. Obrazcova. – Moskva: YUrist», 1997. – 760 s.

7. Luzgin I. M. Rassledovanie kak process poznaniya / I. M. Luzgin. – Moskva: Vysshaya shkola MVD SSSR, 1969. – 177 s.

8. Selivanov N. A. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya i sledstvennye situacii v metodike rassledovaniya / N. A. Selivanov // Soczakonnost'. – 1977. – № 2.

9. Sledstvennye situacii i raskrytie prestuplenij: nauch. tr. – Sverdlovsk: Sverdlovskij jurid. in-t, 1975. – № 41. – 768 s.

10. Sledstvennaya situaciya: sb. nauch. tr. – M.: VIIP RMPP, 1984. – 80 s.

11. Subbotina M. V. Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya hishchenij chuzhogo imushchestva / M. V. Subbotina // «CHernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. – 2003. – № 1.

12. YAblokov N. P. Organizovannaya prestupnaya deyatel'nost': teoriya i praktika rassledovaniya / N. P. YAblokov. – Moskva: Norma, 2014. – 224 s.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 342.736

Дополнительные гарантии реализации конституционного права граждан на обращение в субъектах Российской Федерации

Карасев Анатолий Тиханович,
Уральский юридический институт МВД России,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: a.t.karasev@mail.ru

Савоськин Александр Владимирович,
Уральский государственный экономический
университет, доктор юридических наук, доцент
e-mail: savoskinav@yandex.ru

Защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении РФ и её субъектов. Право гражданина обращаться в государственные и муниципальные органы регламентируется Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В то же время субъекты РФ (особенно в последние годы) активно совершенствуют механизм реализации конституционного права граждан на обращение (как в части процедур принятия обращений, так и в части их рассмотрения). Исследование дополнительных гарантий реализации конституционного права граждан на обращение в субъектах РФ не только представляет научный интерес, но и позволяет выявить пробелы федерального регулирования, а также определить перспективные направления совершенствования законодательства об обращениях граждан в РФ.

Ключевые слова: право на обращение; субъективное конституционное право; обращение гражданина; дополнительные гарантии; субъекты РФ; законы об обращениях граждан.

Additional guarantees of the constitutional right of citizens to appeal in the subjects of the Russian Federation

Karasev Anatoly Tihanovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia, Doctor of Law, Professor

Savoskin Alexander Vladimirovich
Ural state economic university,
Doctor of Law, Associate Professor

The protection of human rights and freedoms is the joint responsibility of the Russian Federation and its subjects. The citizen's right to apply to state and municipal authorities is regulated by the Federal Law «On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation». At the same time, the subjects of the Russian Federation (especially in recent years) are actively improving the mechanism for realizing the right of citizens to appeal (both in

terms of procedures for accepting appeals, and in terms of their consideration). The study of additional guarantees for the implementation of the constitutional right of citizens to appeal in the subjects of the Russian Federation is not only of scientific interest, but also allows us to identify gaps in federal regulation, as well as identify promising areas for improving legislation on citizens' appeals to the Russian Federation.

Key words: right to appeal; subjective constitutional law; citizen's appeal; additional guarantees; subjects of the Russian Federation; laws on citizens' appeals.

Защита прав и свобод человека и гражданина, согласно п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Развивая это положение, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» наделяет субъекты Российской Федерации правом устанавливать правовые нормы, направленные на защиту права граждан на обращение. При этом в федеральном законе особо подчеркивается, что такие нормы могут содержать «гарантии реализации гражданами их права на обращение, дополняющие гарантии, установленные федеральным законом». Устанавливая подобное правовое регулирование, федеральный законодатель, думается, стремился подтолкнуть субъекты РФ к правотворческой активности в части установления дополнительных гарантий реализации конституционного права граждан на обращение. Однако на начальном этапе эффект получился обратный.

После вступления в силу Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» большая часть субъектов РФ упразднили свои законы о работе с обращениями граждан¹. Так, из 75 субъектов, имевших к 2006 году соответствующие законы, сохранил их только 31 субъект². Оправдать такую статистику можно сложившейся традицией – отказываться от собственного регионального правового регулирования при принятии федерального закона. Подчеркнем, что до Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», и подавляющее число субъектов федерации считали своим долгом регламентировать столь важную сферу обществен-

ных отношений, как работа с обращениями граждан, в условиях «свободного правового поля». После вступления в силу Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» большинство субъектов РФ посчитали, что соответствующее правовое поле полностью занято и устранились от регулирования работы с обращениями граждан. И в этом смысле принятие специального федерального закона, непосредственно регламентирующего реализацию субъективного конституционного на обращение, имело негативное последствие – отказ части субъектов РФ от имевшегося у них положительного опыта. Это негативное следствие принятия федерального закона тем более досадно, что сам он не учитывает многих позитивных наработок субъектов РФ, а в отдельных случаях порождает пробелы, ранее традиционно урегулированные законами субъектов (например, правила рассмотрения коллективных обращений, проведения личного приема и т. д.). Показательно и то, что непосредственно после вступления в силу Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» субъекты РФ (те из них, которые сохранили свои Законы о работе с обращениями граждан) не стремились к новациям в этой сфере. Однако несовершенство федерального закона и то внимание, которое Президент РФ уделяет работе с обращениями граждан, активизировали правотворческую активность отдельных субъектов РФ.

В последние годы наметилась тенденция не только дополнения Законов субъектов РФ о работе с обращениями граждан новыми гарантиями, но и принятия новых законов³. Думается, что возрастающая активность субъектов РФ в этом вопросе объясняется желанием не только восполнить существующие правовые пробелы, но и продемонстрировать приверженность политике Президента РФ, активизировавшего работу с обращениями граждан за счет введения института «общероссийского дня личного приема»⁴ и механизма надзора за деятельностью всех государственных и муниципальных органов по рассмотре-

¹ Конкретные наименования законов субъектов РФ достаточно вариативны: от «О рассмотрении обращений граждан РФ на территории Алтайского края» до «О дополнительных гарантиях права граждан на обращение в органы государственной власти области, органы местного самоуправления муниципальных образований области, в государственные организации области и муниципальные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам» в Вологодской области. Но для удобства изложения материала в статье мы будем использовать формулировку «Законы субъектов РФ о работе с обращениями граждан».

² Более подробно см.: Карасев А. Т., Савоськин А. В. Законы субъектов Российской Федерации об обращениях граждан // Российский юридический журнал. 2015. № 1. С. 48–54.

³ Вологодская область и Севастополь (2020 г.), Республики Калмыкия, Хакасия и Хабаровский край (2019 г.), Саратовская область, Санкт-Петербург и Чукотский автономный округ (2018 г.), Еврейская автономная область и Ямало-Ненецкий автономный округ (2017 г.) и др.

⁴ Методические рекомендации по проведению общероссийского дня приема граждан: утв. Администрацией Президента РФ 28 сентября 2017 г. № А1-39360, протокол заседания от 28 сентября 2017 г. № 14.

нию обращений граждан¹. Также эта тенденция может быть объяснена учреждением в России новых разновидностей обращений граждан и желанием (а иногда и обязанностью) субъектов РФ дополнительно урегулировать порядок их приема и разрешения.

Прежде чем проанализировать содержание региональных норм о праве граждан на обращение, необходимо определиться с тем, где они содержатся. Здесь следует отметить, что Законы субъектов РФ о работе с обращениями граждан – это наиболее заметный, но не единственный вид актов субъекта РФ, регулирующих работу с обращениями граждан². Не случайно ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» называет не только законы, но и «иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации»³. Однако отметим, что для настоящей публикации интерес представляют не все нормы подзаконных актов уровня субъекта РФ, регулирующих работу с обращениями, а только те из них, которые вводят дополнительные гарантии реализации конституционного права граждан на обращение (по отношению к федеральным). Таким образом, анализу подверглись конституции (уставы) субъектов РФ (в части регламентации права на обращение), Законы субъектов РФ о работе с обращениями граждан; акты глав субъектов РФ и иных органов власти субъектов РФ (чаще всего с типовым названием «Об организации работы с обращениями граждан»), а также многочисленные, но как раз наиболее интересные специальные подзаконные акты, регламентирующие работу с отдельными видами обращений или особые способы их подачи.

Результаты анализа дополнительных региональных гарантий права граждан на обращение показывают, что наибольшее их количество содержат именно законы субъектов (конституции и уставы субъектов РФ в подавляющем числе случаев лишь упоминают о праве гражданина на обращение, воспроизводя конституционную норму⁴). В настоящий момент их

насчитывается 43 (что на треть больше, чем после их массовой отмены в связи с принятием Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»). Анализ этих законов позволил сформировать следующий условный рейтинг наиболее «популярных» дополнительных гарантий реализации конституционного права граждан на обращение, который представлен в таблице⁵.

№	Наименование (содержание) гарантии	Количество и наименование субъектов РФ, предусматривающих соответствующую гарантию
1	Гарантии личного приема	32 Алтайский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская, Волгоградская, Воронежская обл., Еврейская автономная обл., Ивановская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Калужская, Курганская, Мурманская, Нижегородская, Омская, Орловская обл., Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, г. Севастополь, Республика Татарстан, Республика Тыва, Республика Хакасия, г. Санкт-Петербург, Саратовская обл., Ставропольский край, Тверская, Томская обл., Хабаровский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотская обл.
2	Гарантии, связанные с направлением коллективных обращений	27 Алтайский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Воронежская обл., Еврейская автономная обл., Ивановская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская, Курганская, Московская, Нижегородская, Орловская обл., Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Ростовская, Саратовская, Томская обл., Хабаровский край, Челябинская обл., Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ

¹ Указ Президента РФ от 17 апреля 2017 г. № 171 «О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² См.: Савоськин А. В., Мещерягина В. А. К вопросу о методе правового регулирования конституционного права на обращение // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2016. № 5. С. 127–131.

³ Морозова А. С. Способы и принципы разграничения ведения и компетенции между федеральным центром и субъектами федерации: конституционно-правовой анализ // Правоохранительные органы: теория и практика. 2009. № 1. С. 53–58.

⁴ Исключения из этого правила встречаются, но, увы, редко. Например, дополнительная гарантия о доведении информации об обращениях граждан и ответов на них в средствах массовой информации в ст. 42 Устава Красноярского края от 5 июня 2008 г. № 5-1777 (Ведомости высших органов госу-

дарственной власти Красноярского края. 2008. № 29 (250)) или норма о доступности органов власти для обращений граждан в уставах Забайкальского и Пермского краев (ст. 66 Устава Забайкальского края от 17 февраля 2009 г. № 125-33К // Забайкальский рабочий. 2009. № 30; Ст. 11 Устава Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК // Российская газета. 2007. 4 мая).

⁵ Безусловно, формулировки различных законов текстуально не совпадают (хотя встречается и такое), и само их содержание крайне вариативно. Вместе с тем для удобства восприятия результатов анализа в статье использованы укрупненные группы гарантий.

3	Право на получение информации о поступлении, регистрации и рассмотрении обращения	<p style="text-align: center;">27</p> <p>Амурская, Архангельская, Астраханская, Вологодская, Воронежская обл., Еврейская автономная обл., Ивановская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Калининградская, Калужская обл., Краснодарский край, Мурманская, Нижегородская, Омская обл., Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Марий Эл, г. Севастополь, Республика Тыва, Республика Хакасия, Ростовская, Саратовская обл., Ставропольский край, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ</p>
4	Гарантия возврата подлинников документов, приложенных к обращениям	<p style="text-align: center;">27</p> <p>Алтайский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская, Вологодская, Воронежская обл., Еврейская автономная обл., Ивановская, Калининградская, Калужская обл., Краснодарский край, Курганская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Омская обл., Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Коми, г. Севастополь, Республика Тыва, Хакасия, Саратовская обл., Ставропольский край, Тверская обл., Хабаровский край, Ямало-Ненецкий автономный округ</p>
5	Гарантии, связанные со сроками рассмотрения обращений	<p style="text-align: center;">16</p> <p>Амурская, Брянская, Воронежская обл., Еврейская автономная обл., Краснодарский край, Московская, Нижегородская, Омская обл., Республика Башкортостан, Республика Тыва, г. Санкт-Петербург, Ставропольский край, Тверская, Челябинская обл., Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ</p>
6	Право на сокращенные сроки рассмотрения обращений родителей (лиц, их заменяющих) по вопросам организации отдыха и оздоровления детей	<p style="text-align: center;">10</p> <p>Амурская, Астраханская, Брянская обл., г. Санкт-Петербург, Еврейская автономная обл., Московская, Нижегородская, Омская обл., Ставропольский край, Тверская обл.</p>
7	Право направлять обращения по «прямым линиям», «горячим линиям», радио и телевидению телефонам доверия	<p>6.</p> <p>Архангельская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Московская обл., Республика Татарстан, Республика Тыва, Челябинская обл.</p>

Вышеприведенная таблица наглядно показывает, что первые три места в списке гарантий уверенно занимают гарантии, связанные с личным приемом, с направлением коллективных обращений и с информированием о процессе рассмотрения обращения. Думается, что такие результаты не случайны.

Дело в том, что Конституция РФ в ст. 33 отдельно упоминает такие права граждан, как «обращаться лично» и «направлять коллективные обращения». В то же время Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» содержит всего одну статью, посвященную личному приему, и не содержит никаких особенностей рассмотрения коллективных обращений. Иными словами, налицо пробел в федеральном законодательстве. И если в отношении личного приема он не так заметен в силу наличия норм процедурного характера (пусть даже минимального их количества)¹, то в отношении коллективных обращений он очевиден. Вот эту «пустоту» и пытаются восполнить субъекты федерации (в том числе и те из них, которые регулируют вопросы работы с обращениями граждан не законом, а актами главы субъекта РФ или актами органов власти субъекта РФ).

Если присмотреться к нормам законов субъектов РФ о личном приеме, то становится очевидным, что основными дополнительными гарантиями являются: обязательная периодичность проведения личного приема; право на внеочередной личный прием для различных категорий граждан; право на выездной личный прием; личный прием по видеоконференцсвязи; возможность предварительной записи на личный прием; гарантии, связанные с аудио-, видеofиксацией личного приема и некоторые другие. То есть палитра дополнительных гарантий, связанных с личным приемом, достаточно широка, а сами они могут быть охарактеризованы как действенные и востребованные. Чего нельзя сказать о дополнительных гарантиях, связанных с подачей коллективных обращений.

Логика конституционалиста подсказывает, что упоминание коллективных обращений в Конституции РФ не случайно, и соответствующие особенности их рассмотрения должны существовать (особенно в отношении массовых обращений). Как уже было сказано выше, на федеральном уровне такие особенности не урегулированы. Несмотря на распространённость этой группы гарантий в Законах субъектов РФ о работе с обращениями, региональный законодатель сосредоточил свое внимание преимущественно на процедурных моментах (определении понятия и признаков коллективного обращения, правилах направления ответов на коллективные обращения, личном приеме группы лиц и т. д.), тогда как существенные правила, связанные с рассмотрением коллективных обращений, так и остаются неурегулированными. Ду-

¹ См.: Галицков В. А., Мещерягина В. А. Личный прием граждан как форма реализации субъективного конституционного права на обращение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 62–67.

мается, что и федеральный законодатель, и законодатели субъектов РФ могли бы установить такие дополнительные гарантии, как обязательное рассмотрение коллективных обращений непосредственно руководителем органа власти (или хотя бы постановка рассмотрения обращения на контроль у руководителя органа власти), требование о рассмотрении обращения с выездом на место и т. п. Это тем более актуально в отношении массовых коллективных обращений, которые выделяются, например, в Алтайском крае, где предусмотрен особый порядок рассмотрения петиций (под которыми понимаются коллективные обращения граждан, подписанные 300 и более гражданами).

Несколько менее распространенными, но тоже заслуживающими внимания, являются дополнительные способы подачи обращений граждан (например, посредством телеграммы или факсимильной связи в Татарстане), а также дополнительные гарантии возможности подачи обращений граждан посредством сети Интернет (например, законодательная легализация специального раздела для приема и обработки указанных обращений на официальных сайтах органов власти в сети Интернет в ст. 3 Закона Республики Хакасия). Эти способы не запрещены федеральным законом, но и не предусмотрены им, а субъекты РФ определяют хотя бы минимальные правила их использования¹.

Еще одной важной гарантией реализации конституционного права граждан на обращение является установление единого регионального дня приема граждан. Причем традиционно такой день и правила проведения приема граждан утверждаются главой субъекта РФ², хотя новые законы уже стали включать в себя соответствующие положения (например, ст. 5 Закона Санкт-Петербурга «О дополнительных гарантиях права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти Санкт-Петербурга и органы местного самоуправления внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга»³).

¹ Более подробно см.: Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конститутивных прав граждан в РФ // Антиномии. 2019. Т. 19. № 3. С. 99–119.

² Например, Распоряжение Губернатора Свердловской области от 30 августа 2017 г. № 204-РГ «Об организации проведения на территории Свердловской области единых дней личного приема граждан в режиме видео-конференц-связи» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: <http://www.pravo.gov66.ru>; Распоряжение Главы Республики Калмыкия от 23 августа 2017 г. № 176-рг «О ежегодном проведении общерегионального дня приема граждан в Республике Калмыкия» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Закон Санкт-Петербурга от 11 апреля 2018 г. № 177-38 (ред. от 25 октября 2019 г.) «О дополнительных гарантиях права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти Санкт-Петербурга и органы местного

Относительно распространенной региональной гарантией являются сокращенные сроки рассмотрения обращений. Однако не всегда понятна логика установления сокращенных сроков и не всегда они выглядят разумными. Например, в Тверской области обращения граждан, содержащие вопросы защиты прав ребенка, рассматриваются не позднее трех дней со дня обращения гражданина (в чем заключается срочность рассмотрения таких обращений – неясно).

Увы, но результаты анализа показывают, что акты субъектов РФ вслед за федеральными практически не регламентируют процедуру рассмотрения обращения гражданина. Редким исключением в этом смысле выглядит ст. 14 Закона Республики Татарстан «Об обращениях граждан в Республике Татарстан»⁴, обязывающая должностное лицо: рассмотреть заявление по существу в сроки, установленные законодательством; учитывать исполнение ранее принятых решений по заявлению гражданина; принять обоснованное решение и обеспечить его исполнение; сообщить гражданину, подавшему заявление, о результатах рассмотрения заявления и принятом по нему решении в срок, установленный законодательством; в случае неудовлетворения требований, изложенных в заявлении, в письменной форме довести до сведения гражданина, подавшего заявление, мотивы отказа, а также указать орган или должностное лицо, которым можно обжаловать принятое по заявлению решение.

В целях объективности исследования отметим, что иногда субъекты вводят явно избыточные гарантии, например, согласно ч. 2 ст. 4 Закона Республики Татарстан «Об обращениях граждан в Республике Татарстан» «граждане вправе обращаться с предложениями, заявлениями, жалобами на государственных языках Республики Татарстан, родном языке или на любом другом языке народов Российской Федерации, которым они владеют. Ответы на предложения, заявления, жалобы граждан даются на языке обращения». Еще одной, по нашему мнению, преждевременной гарантией является признание в качестве обращений сообщений, принятых по телефонам «прямых линий» и «горячих линий» (ст. 19 Закона Республики Татарстан «Об обращениях граждан в Республике Татарстан»).

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на фрагментарность практики принятия актов уровня субъекта РФ о дополнительных гарантиях права на обращение, она существует, более того, зачастую оказывается наиболее передовой, как, например, в случае с проведением удаленного личного приема с использованием систем видеоконференцсвязи⁵ (кстати,

самоуправления внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>.

⁴ Закон Республики Татарстан от 12 мая 2003 г. № 16-ЗРТ (ред. от 1 марта 2019 г.) «Об обращениях граждан в Республике Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2014. № 7. Ст. 685.

⁵ Например: Пункт 8.7 Порядка рассмотрения обращений

учрежденного еще до введения мер по противодействию распространения коронавируса в России).

В настоящее время отдельные субъекты федерации в инициативном порядке используют свое право устанавливать дополнительные гарантии реализации исследуемого субъективного права, и зачастую именно они становятся «локомотивом» развития права граждан на обращение. Востребованность анализа этих новелл обусловлена не только стремлением к расширению и систематизации знаний, но и потребностями законодателя. Не случайно Комитетом по регламенту и парламентской деятельности Совета Федерации РФ за последние два года проведено уже несколько крупных мероприятий по изучению и обобщению опыта субъектов РФ в организации работы с обращениями граждан¹. Этот опыт Совет Федерации РФ намерен реализовать в виде комплексного законопроекта о внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Особый интерес к анализу законодательства субъектов о дополнительных гарантиях права на обращение вызывает и тот факт, что, например, Закон Ростовской области от 18 сентября 2006 г. № 540-ЗС «Об обращениях граждан», легализовавший юридических лиц в качестве заявителей и распространивший свое действие на государственные и муниципальные учреждения и унитарные предприятия, стал причиной для проверки Конституционным Судом РФ Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и позволил Суду существенно расширить пределы действия конституционного права граждан на обращение.

Остается надеяться, что многие нерешенные вопросы (в том числе связанные с дистанционным личным приемом, электронными обращениями, обращениями по телефону и др.) найдут свое разрешение в нормативных правовых актах субъектов РФ и, пройдя в них соответствующую апробацию, будут восприняты федеральным законодателем при совершенствовании конституционно-правового механизма рассмотрения обращений граждан.

Библиографический список

1. Галицкий В. А. Личный прием граждан как форма реализации субъективного конституционного права на обращение / В. А. Галицкий, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (23). – С. 62–67.

2. Карасев А. Т. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конститутивных прав граждан в РФ / А. Т. Карасев, О. А. Кожевников, В. А. Мещерягина // Антиномии. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 99–119.

3. Карасев А. Т. Законы субъектов Российской Федерации об обращениях граждан / А. Т. Карасев, А. В. Савоськин // Российский юридический журнал. – 2015. – № 1. – С. 48–54.

4. Морозова А. С. Способы и принципы разграничения ведения и компетенции между федеральным центром и субъектами федерации: конституционно-правовой анализ / А. С. Морозова // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2009. – № 1. – С. 53–58.

5. Савоськин А. В. К вопросу о методе правового регулирования конституционного права на обращение / А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. – 2016. – № 5. – С. 127–131.

Bibliograficheskiy spisok

1. Galickov V. A. Lichnyj priem grazhdan kak forma realizacii sub»ektivnogo konstitucionnogo prava na obrashchenie / V. A. Galickov, V. A. Meshcheryagina // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 3 (23). – С. 62–67.

2. Karasev A. T. Cifrovizaciya pravootnoshenij i ee vliyanie na realizaciyu otdel'nyh konstitutivnyh prav grazhdan v RF / A. T. Karasev, O. A. Kozhevnikov, V. A. Meshcheryagina // Antinomii. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 99–119.

3. Karasev A. T. Zakony sub»ektov Rossijskoj Federacii ob obrashcheniyah grazhdan / A. T. Karasev, A. V. Savos'kin // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2015. – № 1. – С. 48–54.

4. Morozova A. S. Sposoby i principy razgranicheniya vedeniya i kompetencii mezhdru federal'nym centrom i sub»ektami federacii: konstitucionno-pravovoj analiz / A. S. Morozova // Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika. – 2009. – № 1. – С. 53–58.

5. Savos'kin A. V. K voprosu o metode pravovogo regulirovaniya konstitucionnogo prava na obrashchenie / A. V. Savos'kin, V. A. Meshcheryagina // Problemy obespecheniya, realizacii, zashchity konstitucionnyh prav i svobod cheloveka. – 2016. – № 5. – С. 127–131.

граждан и организаций, поступивших в Правительство Хабаровского края, утв. Постановлением Губернатора Хабаровского края от 3 июля 2017 г. № 74 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹ Будучи непосредственными участниками этих мероприятий, авторы констатируют не просто большой интерес сенаторов к региональным инициативам, но и потребность в них.

Рассмотрение обращений граждан и предоставление квалифицированной юридической помощи сотрудниками МВД России: вопросы теории и практики

Мещерягина Вероника Александровна,
Уральский государственный экономический
университет, кандидат юридических наук
e-mail: metscheryagina@yandex.ru

Крысанов Антон Вячеславович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: AmK1984@e1.ru

Данная научная публикация посвящена вопросам реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь и определения его отличий от реализации конституционного права на обращение. Проанализированы особенности реализации права на квалифицированную юридическую помощь в системе МВД России, а также предложены рекомендации по установлению методического сопровождения необходимой юридической квалификации обучающихся в образовательных организациях системы МВД России, правомочных предоставлять квалифицированную юридическую помощь.

Ключевые слова: обращение; право на обращение; квалифицированная юридическая помощь; бесплатная юридическая помощь; обращения в МВД России.

Consideration of citizens' appeals and provision of qualified legal assistance by the Ministry of internal Affairs of Russia: theory and practice

Meshcheryagina Veronika Alexandrovna,
Ural state University of Economics, Candidate of Law

Krysanov Anton Vyacheslavovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

This scientific publication is devoted to the implementation of the constitutional right to qualified legal assistance and determining its differences from the implementation of the constitutional right to appeal. The features of realization of the right to qualified legal assistance in the system of the Ministry of internal Affairs of Russia are analyzed, as well as recommendations on the establishment of methodological support of the necessary legal qualification of students in educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia, eligible to provide qualified legal assistance.

Key words: appeal; right to appeal; qualified legal assistance; free legal assistance; appeals to the Ministry of internal Affairs of Russia.

Конституция Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ) не просто содержит перечень основополагающих прав и свобод человека и гражданина, но и формирует правовые конструкции их должной реализации и защиты.

В тексте Конституции РФ имеется два ключевых права, обеспечивающих возможность граждан как

реализовать, так и защитить свои конституционные права: это право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) и право граждан обращаться лично в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ).

На современном этапе демократического развития России конституционное право граждан на обращение претерпело существенные изменения: расширился перечень адресатов обращений (организации, реализующие публично значимые функции); появились новые разновидности обращений (запрос информации о деятельности органов власти и органов местного самоуправления; отзывы граждан; интернет-петиции и т. д.); возникли новые формы обращений (электронная очередь, обращения через портал государственных и муниципальных услуг и т. д.).

Стоит сказать о том, что обращение (как субъективное право) – это гарантированная законом сфера проявления юридической свободы волеизъявления личности, выраженная в законодательно определенной форме, способствующая юридическому обеспечению и защите интересов индивидуальных и коллективных субъектов, распределению социальных благ, удовлетворению материальных и культурных потребностей личности посредством вступления в правоотношения с органами власти.

Поэтому законодательство об обращениях граждан не ограничивается нормами Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». К нему в полной мере применим Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «О доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и другие.

Что касается права на предоставление квалифицированной юридической помощи, оно является еще недостаточно изученным и осмысленным для науки конституционного права. Возможно, это связано с тем, что реализация нормы ст. 48 Конституции РФ находит свое воплощение преимущественно в отрасли уголовно-процессуального права, что обусловлено и содержательной составляющей статьи в тексте Конституции РФ и особой важностью квалифицированной юридической помощи в условиях уголовно-процессуальных ограничений прав граждан (свободы передвижения, тайны телефонных переговоров и иных сообщений и т. п.). Отчасти именно по этой причине в качестве основного субъекта, предоставляющего квалифицированную юридическую помощь, рассматривается адвокат.

Соответственно, и Федеральный закон, закрепляющий стержневые положения реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, имеет «привязку» именно к этому субъекту правоотношений. Именно Федеральный закон от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в п. 1 ст. 1 закрепляет: «Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката...».

В этой связи возникает закономерный вопрос: а как осуществлять регулирование порядка предоставления квалифицированной юридической помощи иными субъектами права и в иных отраслях права?

Логично применить метод аналогии, но и его использовать затруднительно, поскольку в п. 3 ст. 1 вышеуказанного Федерального закона отмечается: не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая работниками юридических служб юридических лиц, а также работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Фактически законодатель разграничивает две правовые категории: «квалифицированная юридическая помощь» (адвоката) и «юридическая помощь» (иные субъекты права).

Подчеркнем, что согласно Основному закону РФ круг субъектов оказания квалифицированной юридической помощи – открытый. В определении Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 364-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина С. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» отмечается, что Конституция РФ не содержит указания на критерии, соблюдение которых свидетельствует о должном уровне квалификации лиц, оказывающих гражданам юридическую помощь; определение таких критериев относится к компетенции законодателя.

При обращении к нормам иных законов и подзаконных актов ситуация становится еще более запутанной.

Например, в ч. 4 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указано, что при регулировании внесудебных процедур, связанных с участием детей и (или) защитой их прав и законных интересов, а также при принятии решений о наказаниях, которые могут применяться к несовершеннолетним, совершившим правонарушения, *должностные лица органов государственной власти* действуют в соответствии нормами, предусмотренными международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, в том числе в части гуманного обращения с несовершеннолетними, *оказания им квалифицированной юридической помощи*.

Другой пример: ст. 11 Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» определяет субъекта предоставления юридической помощи (а не квалифицированной юридической помощи) лицам, подвергнутым административному аресту, – адвокаты или *иные лица*, имеющие право на оказание юридической помощи.

Также в законодательстве используется и третья схожая дефиниция – «бесплатная юридическая по-

мощь». Субъектами ее оказания, в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324 «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», могут выступать лица, имеющие право на оказание бесплатной юридической помощи в соответствии с федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

При этом в ч. 2 ст. 1 указано, что одной из целей Федерального закона является создание условий для реализации установленного Конституцией РФ права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно.

Таким образом, право на обращение выступает необходимым юридическим фактом для реализации права на квалифицированную юридическую помощь, юридическую помощь и бесплатную юридическую помощь. При этом соответствующие правовые конструкции в законодательстве используются бессистемно.

Бессистемность их использования вызывает не только теоретические, но и практические проблемы, в особенности для правоприменителей системы органов исполнительной власти.

Следует помнить, что первым законом России в постперестроечный период, в который был включен термин «юридическая помощь», был Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции». Часть 5 ст. 5 данного Закона предписывала милиции предоставлять возможность задержанным лицам реализовать установленное законом право на юридическую помощь.

Именно поэтому логичным и обоснованным видится возможность рассмотрения указанной сферы публичных отношений на примере деятельности МВД России и его структурных подразделений, что, в свою очередь, еще и подтверждается количеством обращений в МВД России, которое является одним из самых востребованных органов исполнительной власти, куда поступает подавляющее большинство обращений граждан, в том числе и с целью предоставления квалифицированной юридической помощи.

Сложность отраслевого построения российского законодательства и обширность правоотношений, в которых субъектами выступают сотрудники МВД России, приводит к тому, что органы МВД России сталкиваются с обращениями не только конституционно-отраслевого порядка, но и многих других отраслей российского права, что неизбежно привносит изменения в процессуальные аспекты их рассмотрения.

Так, в положениях Приказа МВД России № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ функция анализа поступающих обращений возлагается на де-

журные части территориальных органов МВД России. В зависимости от того, имеются ли в обращении гражданина признаки преступления либо административного правонарушения, оперативный дежурный либо регистрирует обращение в книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях, либо, если в обращении не содержится заявления о преступлении или административном правонарушении, о нем докладывается руководителю территориального органа. С поручением последнего данное обращение передается в подразделение делопроизводства для регистрации, учета и рассмотрения в соответствии с положениями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В Книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях оперативным дежурным делается только отметка о дате и номере регистрации обращения в подразделении делопроизводства (п. 42, 43 Приказа МВД России № 707).

Устное заявление о преступлении также заносится в протокол и должно содержать личные данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих личность заявителя. В соответствии с ч. 2 ст. 141 УПК РФ к письменному заявлению представляется лишь одно требование – оно должно быть подписано заявителем.

Если при рассмотрении обращения, осуществляемом в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», непосредственный исполнитель выявляет признаки преступления или административного правонарушения, относящиеся к сути всего обращения, он обязан составить об этом мотивированный рапорт на имя руководителя, принявшего организационное решение о порядке рассмотрения обращения. С поручением руководителя данное обращение передается в дежурную часть для незамедлительной регистрации в книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях и рассмотрения в соответствии с требованиями УПК РФ или КоАП РФ. В этом случае уже непосредственный исполнитель сообщает гражданину о дате и номере регистрации его обращения в книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях (п. 104 Приказа МВД России № 707).

Таким образом, при работе с обращениями граждан в МВД России на первое место выходит анализ их содержания на наличие либо отсутствие признаков составов преступления или административного правонарушения.

Приоритетность анализа обращений граждан на предмет составов преступлений и административных правонарушений негативным образом сказывается на полноте их рассмотрения.

Помимо непосредственно указанных в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений

¹ Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.garant.ru>.

граждан Российской Федерации» в МВД России активно используется форма устных обращений, направляемых по телефону, в том числе по телефонам доверия и «горячих линий МВД России», утвержденным Приказом МВД России от 22 августа 2012 г. № 808 (ред. от 5 декабря 2014 г.) «О создании системы "горячей линии МВД России"»¹. Здесь необходимо учитывать, что данная система предназначена для приема и учета сообщений о преступлениях и иных правонарушениях и исключает возможность обращения по телефонам доверия и «горячих линий» МВД России в целях получения квалифицированной юридической помощи.

На практике это вызывает неудобства как для инициаторов обращений, так и для адресатов. Например, телефоны «горячих линий» воспринимаются гражданами как источник консультирования (получения квалифицированной юридической помощи). Зачастую по телефонам «горячих линий» МВД России гражданами не сообщается о деяниях, содержащих признаки состава преступления или административного правонарушения, однако сотрудникам дежурных частей это обращение приходится регистрировать в общем порядке, составлять рапорт о том, что в сообщении, поданном по «телефону доверия» отсутствуют признаки состава преступления и административного правонарушения. В дальнейшем оно должно рассматриваться в порядке Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». По результатам проведения проверочных действий в весьма сжатые сроки должны быть установлены обратившиеся лица, оценены изложенные обстоятельства, дана квалифицированная юридическая оценка, составлены материалы, обосновывающие то или иное принятое процессуальное решение.

Для организации работы по обращениям справочно-консультативного содержания в МВД России пришлось даже определить их как разновидность «разъясненного»² обращения, в котором не содержалось просьб об удовлетворении каких-либо требований или ходатайств, разъяснены вопросы правового или иного характера, а также порядок обжалования судебных решений.

Для урегулирования этого проблемного вопроса предлагается разграничить в приказе МВД России

№ 707³ правоотношения, связанные с правом на обращение и консультированием граждан (предоставлением квалифицированной юридической помощи), а также обозначить тематические рамки и продолжительность консультирования.

В настоящее время вопросы консультативной (справочной) помощи гражданам прописаны только для сотрудников Приемной МВД России⁴, Департамента делопроизводства и режима⁵, правовых подразделений⁶ и иных подразделений МВД России при реализации государственных услуг⁷.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что обширность полномочий сотрудников МВД России ставит высокие требования к уровню их профессиональных знаний, умений, навыков. Сотрудникам МВД России необходимо разбираться в нормах различных отраслей права, чтобы определить не только отраслевую принадлежность обращений (конституционно-правовые, уголовно-процессуальные (заявление о преступлении), административно-правовые (заявление о предоставлении государственной услуги) и т. д.), но и родовую составляющую (например, конституционно-правовые обращения: запрос информации, заявление о предоставлении бесплатной юридической помощи и т. д.).

В своей практической деятельности сотрудники МВД России фактически проводят разъяснительную работу, предоставляют юридическую помощь (квалифицированную юридическую помощь) гражданам. Это не только закреплено на уровне ведомственных актов (например, в приказе МВД России от 10 февраля 2014 г. № 83 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в местах отбывания административного ареста», предусматривающем возможность для

³ Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru>.

⁴ Пункт 22 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

⁵ Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁶ Пункт 4 приказа МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении наставления по организации правовой работы в системе МВД России» (в ред. от 23 июля 2007 г. № 658, от 26 августа 2015 г. № 838) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

⁷ Приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>.

¹ Приказ МВД России от 22 августа 2012 г. № 808 «О создании системы «горячей линии МВД России»» // Российская газета. 2012. 21 сент. URL: <http://www.garant.ru>.

² Пункт 1 Порядка функционирования «телефонов доверия», входящих в систему «горячей линии МВД России» по приему и учету сообщений граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства о преступлениях и иных правонарушениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

сотрудников МВД России оказывать юридическую помощь лицам, подвергнутым административному аресту), но также вытекает из законодательной характеристики разновидностей бесплатной юридической помощи (ст. 6 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»):

1) правовое консультирование в устной и письменной форме;

2) составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера.

Эти разновидности бесплатной юридической помощи оказываются всеми сотрудниками МВД России, а рядом подразделений (дежурные части, правовые отделения, отделы кадров, отделы делопроизводства и др.) – в ежедневном режиме. Более того, следует помнить, что и без того динамически растущая статистика обращений граждан не учитывает рост обращений, которые в устном, дорегистрационном информационно-справочном порядке при проведении профилактики правонарушений или при несении службы в иных формах оказывают сотрудники полиции.

Оставленный без должной проработки и получивший ряд критических замечаний проект федерального закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации», работа по которому прекращена в 2009 г., мог разрешить ряд спорных моментов и обстоятельств, закрепив порядок, формат, а главное, круг субъектов оказания этой помощи.

Насколько складывающаяся практика соответствует нормам федерального законодательства – сказать затруднительно, поскольку остается неясным вопрос о содержании квалифицированной юридической помощи и ее соотношении со схожими категориями, однако отнять у сотрудников МВД функции по предоставлению юридической помощи не только недопустимо в силу правоохранительной направленности их деятельности, но и попросту невозможно.

Поэтому еще более проблемным видится определение той квалификации, которой должен обладать сотрудник МВД России, для того чтобы признать эту консультацию квалифицированной. Не стоит игнорировать тот факт, что в МВД России часто проходят службу сотрудники, не имеющие высшего юридического образования или находящиеся в процессе его получения. И несмотря на то обстоятельство, что действующие федеральные государственные стандарты, по которым строятся образовательные программы в сфере правоохранительной деятельности и юриспруденции, устанавливают требования по получению выпускниками способности давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности (Юриспруденция) или способности оказания юридической помощи (Правоохранительная деятельность), часто при получении ответов на обращения прослеживается шаблонность и формальность изложения сути результатов их рассмотрения. Все же основным прин-

ципом предоставления квалифицированной юридической помощи является установление требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих бесплатную юридическую помощь (ч. 5 ст. 5 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»), а также возможность применения ее результатов на практике, т. е. ее эффективность. Авторы вовсе не призывают к установлению сверхтребований к уровню квалификации сотрудников органов внутренних дел, однако надлежит проводить масштабную работу по части «результатов» или даже внешней оценки «удовлетворенности» полученным ответом на обращение граждан.

В ст. 8 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» имеется конкретное требование: все виды бесплатной юридической помощи могут оказывать лица, имеющие высшее юридическое образование, если иное не предусмотрено федеральными законами.

В Приказе МВД России от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России» данное требование изложено менее категорично: консультирование граждан по направлениям оперативно-служебной деятельности осуществляется наиболее подготовленными специалистами органов, организаций, подразделений МВД России.

Исходя из высшей юридической силы законов над подзаконными актами, следует привести в соответствие приказы МВД России и уточнить профессиональные требования к лицам, непосредственно осуществляющим рассмотрение обращений и принятие процессуальных решений по ним, вместе с тем допускается такая конструкция, при которой высшее юридическое образование может быть признано эквивалентом иного высшего образования в сочетании с опытом работы в отдельных подразделениях МВД России или смежных с ними. Предпринятые в настоящее время шаги по реализации повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел (с установленной регулярностью), получения бесплатного высшего юридического образования в ведомственных образовательных организациях на базе уже имеющегося среднего специального или иного высшего неюридического образования во многом уже разрешают ряд проблем и сложностей. Однако нередки и такие примеры, когда лица, имеющие 5–10-летний стаж службы в органах внутренних дел и опыт руководящей деятельности, в рамках получения юридического образования или повышения квалификации впервые знакомятся с рядом принципов и положений отраслевого законодательства Российской Федерации, являющегося предметной областью их профессиональной деятельности.

Интересным видится и такой подход, при котором «квалифицированность» юридической помощи можно оценить только после ее получения¹. Он встраи-

¹ См.: Панченков В. Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории): монография. Красноярск: Изд-во Сибирского

ваются в концепцию сервисного государства и предоставления государственных услуг гражданам.

В данном контексте следует сказать, что возможность самим гражданам оценивать качество предоставляемых им услуг посредством соответствующих обращений в определенной форме (чаще всего электронной), содержащих оценку деятельности органов государственной власти или местного самоуправления, а также их должностных лиц¹, – это новая разновидность обращений граждан (отзыв гражданина).

Поэтому обращение выступает не только юридическим фактом оказания квалифицированной юридической помощи, но также является способом оценки уровня квалифицированности предоставления юридической помощи, в том числе и сотрудниками МВД России.

Библиографический список

1. Панченков В. Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории): монография / В. Ю. Панченков. – Красноярск: Изд-во Сибирского ФГУ, 2011.

2. Савоськин А. В. Отзыв о деятельности органа власти: правовое регулирование и практика / А. В. Савоськин // Законодательство. – 2016. – № 7.

Bibliograficheskij spisok

1. Panchenkov V. YU. YUridicheskaya pomoshch' (voprosy obshchej teorii): monografiya / V. YU. Panchenkov. – Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo FGU, 2011.

2. Savos'kin A. V. Otzyv o deyatel'nosti organa vlasti: pravovoe regulirovanie i praktika / A. V. Savos'kin // Zakonodatel'stvo. – 2016. – № 7.

ФГУ, 2011.

¹ См.: Савоськин А. В. Отзыв о деятельности органа власти: правовое регулирование и практика // Законодательство. 2016. № 7. С. 24.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

УДК 34

Рецензия на монографию: Иванов Д. В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах (СПб.: Юридический центр, 2018. 480 с.)

Смыкалин Александр Сергеевич,
Уральский государственный юридический
университет, доктор юридических наук, профессор
e-mail: smikalin@mail.ru

Review of the monograph: Ivanov D. V. State and legal concept and practice of combating crime in the North-West of the RSFSR in 1917-1991 (Saint Petersburg: Legal Center, 2018.480 p.)

Smykalin Alexander Sergeyevich,
Ural State Law University, Doctor of Law, Professor

В серии «Теория и история государства и права» вышла работа, которая в некотором смысле снижает градус, по определению В. М. Сырых, пандемии субъективного идеализма в форме герменевтики и феноменологии, свирепствующей в общественных науках на Западе и в России и выхолащивающей из них одухотворяющие их субстанции¹. Речь идёт о монографии петербургского юриста Д. В. Иванова, которая, как представляется, довольно удачно соединила в себе многое, что мы привыкли оценивать в работах такого уровня: основательную теоретическую и источниковую базу; научную объективность и конкретность; приверженность важнейшим принципам историко-правовой науки и др. Хочется отметить, что такие работы, тем более на региональных материалах, в последние годы у нас появляются не так часто, и они действительно становятся заметным событием в научной жизни.

Закрывая последнюю страницу книги, мы отчётливо понимаем, что автор не просто осуществил историко-правовой анализ государственно-правовых подходов к борьбе с преступностью и повседневной практике по её реализации за более чем семьдесят-

летний период советской истории, но подверг тщательному исследованию весь спектр общественных отношений, в сфере регулирования которых особенно отчётливо проявились важнейшие элементы взаимодействия (взаимосвязи) государства, общества и права. Поэтому, забегая вперёд, скажем, что такой подход Д. В. Иванова обеспечил ему подачу материала, объединяющего в себе такие определяющие его характеристики, как многоаспектность, многоуровневость и комплексность.

Фактически исследуя опыт государственно-правового регулирования вполне конкретного процесса в различные периоды советской истории, автор весьма удачно актуализирует его, предлагает критически взглянуть на его содержание и на нереализованные альтернативы, отказавшись в то же время от историко-правовой «реанимации» обречённых на неудачу и лишённых всякой перспективы проектов и стратегий². Д. В. Иванов не оправдывает серьёзные

¹ См.: Сырых В. М. Прощай классика, вперёд к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 54.

² В этом смысле автор монографии солидарен с позициями В. В. Лунеева (Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 472); В. Н. Кудрявцева (Стратегия борьбы с преступностью: монография. М., 2017. С. 353–357); А. И. Долговой (Борьба с преступностью: основополагающие начала) // Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2000.

упущения в борьбе с преступностью в 1917–1991 гг. отягощенным историческим наследием страны и конкретного региона. Тем более что это, по точному замечанию учёных-юристов А. И. Алексеева, М. П. Журавлёва и А. Я. Сухарева, «...мало что даёт для улучшения ситуации. Важнее чётко определить пути и средства противостояния криминальной экспансии...»¹.

Хотя автор в книге не выделяет отдельного раздела, посвященного обзору литературы, источников и трудов предшественников, а ограничивается упоминанием во введении (с. 19–21) их вклада в исследование своей темы, при раскрытии каждой отдельной проблемы такой анализ и такая опора на них всё же присутствуют. К тому же они очевидны, уместны и научно обоснованы. Особенно выигрышно в этом плане выглядят все главы первой и второй частей монографии (с. 26–341). Надо признать и другой факт: такая позиция Иванова придала его труду явную дискуссионность, продемонстрировала неоднозначность отдельных авторских оценок по явно спорным фактам, сюжетам и явлениям, анализируемым в монографии. Думается, что автор книги представлен в ней как сторонник «правового рационализма», выражающегося, по мысли юриста Г. Г. Небрatenко, в освобождении исследователя от либеральных иллюзий, «...от преклонения западной традиции права и нивелирования собственных»², которые буквально захватили многих молодых восторженных исследователей.

Автор, по сути, планомерно и последовательно исследовал не только достаточно громоздкую и неповоротливую правоохранительную систему страны на региональном уровне, которая сложилась за многие десятилетия, но и деятельность властных, управленческих структур по обеспечению организационно-правовых основ и государственно-правовому регулированию института борьбы с преступностью в 1917–1991 гг. В какой-то мере это выглядит как признание автором того обстоятельства, что правящие большевистские, советские политические группировки и режим в целом в поисках эффективных мер борьбы с преступностью выбрали всё же не радикально-реформаторский, а эволюционный путь, при правильной и адекватной «постановке» которого в принципе возможно обуздание преступности. Причём на этом пути должны были объединяться в своих усилиях как государство, так и общество. Поэтому Д. В. Иванов осуществляет историко-правовую реконструкцию участия в этом процессе того и другого института, готовность которых к результативной борьбе с преступностью была не всегда адекватной³.

С. 81–82) и др.

¹ Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997. С. 6.

² Небрatenко Г. Г. История юридической науки в постсоветский период // История государства и права. 2015. № 10. С. 24.

³ См.: Яковлев А. М. Социальная структура обществ. М., 2003. С. 83. Проф. Ю. И. Гревцов писал в своё время, что «...в явлении тех или иных видов отклоняющегося поведения и

При таком взгляде автора на проблему становится понятным, почему в качестве предмета своего исследования он определил основные закономерности общественно-политических процессов в сфере борьбы с преступностью в регионе, особенности правового регулирования специфического вида социальной деятельности органов власти и управления, а также добровольных формирований граждан по охране общественного порядка и борьбе с преступностью на разных этапах развития советского государства (с. 16). Кстати, обосновывая определение хронологических рамок исследования, Дмитрий Викторович мог бы и оговориться по поводу исключения им из историко-правового анализа всего военного периода (1941–1945), который расценивался как «особый период с преобладанием в общественном регулировании чрезвычайного законодательства» (с. 121–122). Может быть, более развёрнуто об этой позиции автора можно было порассуждать в первой главе первой части, при характеристике одного из периодов в государственно-правовой политике борьбы с преступностью (с. 53–72).

Вообще существуют несколько иные суждения по поводу этих периодов, выделенных автором. Известно, что всегда должна быть дана юридическая оценка того или иного явления (особенно когда это касается преступности в советском обществе, борьбы с нею в межвоенный, военный, послевоенный и другие периоды). Полагаем, что выделение только двух больших периодов действительно очень условно. Например, во втором периоде (1958–1991 гг.) можно было определить ещё как минимум два-три периода с характерными для них особенностями этой политики и подходов. К тому же следует учитывать то обстоятельство, что в советский период довольно часто при разработке правовых актов происходило противоборство политико-идеологической установки и юридической нормы, о котором и сам автор неоднократно рассуждает в своей книге.

В связи с этим нельзя не обратить внимание на важный для данного исследования момент – склонность Д. В. Иванова тщательно анализировать все, даже мелкие, факты и события, которые, как замечал современный философ К. Е. Сигалов, «...могут как совершенно не влиять на события, так и существенным образом изменить ход истории»⁴. Для региональной историко-правовой тематики это имеет существенное значение, ибо позволяет нередко довольно обстоятельно выделять различные территориальные особенности и отличия. Правда, автор в ряде мест, как представляется, тяготеет к более «панорамному» исследованию своей темы в ущерб «территориальности», а в других частях монографии, напротив, лишь

в успешной (законной) деятельности решающую роль играет социальная структура общества» (См.: Социология права: курс лекций. СПб., 2001. С. 261).

⁴ Сигалов К. Е. Право и история: методологические функции исторической науки // История государства и права. 2001. № 7. С. 24.

изредка прибегает к сравнительному анализу общероссийского уровня или соседних с Северо-Западом РСФСР регионов. И тем не менее, работа получилась весьма содержательной, логически стройной, аргументированной и увлекательной. Уместно подметить также, что подобные характеристики стали возможны благодаря основательной источниковой базе исследования и обращению автора к фундаментальным работам отечественных и зарубежных учёных – юристов, историков, философов, социологов и других специалистов.

Как известно, основным юридическим фактором, порождающим, в том числе, уголовно-правовые отношения, является преступление. Именно его особенности в первую очередь определяют содержание государственной реакции на возникающий правовой конфликт и способы его разрешения. О сущностных сторонах государственно-правовых подходов (автор называет это «концепт») к определению стратегий борьбы с преступностью в советской России в 1917–1991 гг. на примере Северо-Запада РСФСР Д. В. Иванов рассуждает не только в начале монографии. Речь об этом идёт на протяжении всей работы, касается ли это фоновых явлений преступности и борьбы с ними (с. 205–341) или участия гражданского общества в данном процессе (с. 342–427).

И всё же в работе, как видится, не хватает обобщающих характеристик «территориальной преступности», общего и особенного в ней в разные исторические периоды. Это притом, что в целом автор даёт неплохой анализ преступности в регионе (по уровням, динамике); присутствует и сравнительный подход в её оценке. Обобщающие характеристики, сведённые в некие схемы, таблицы, возможно, позволили бы не только более рельефно выделить причины территориальных различий преступности, влияние некоторых социокультурных факторов на различия в преступности на Северо-Западе России, но и предметно обозначить различия в борьбе с преступностью в регионе. Конечно, речь идёт о систематизации (сборе в одном месте. – А. С.) этих аналитических материалов, по сути, «разбросанных» по всему тексту книги.

Вряд ли автор умышленно допустил противоречие, однако пытливому читателю как-то нужно будет разобраться в нюансах авторской дискуссии о так называемой Единой общегосударственной программе (концепции) борьбы с преступностью, отсутствующей, по определению автора, у советского государства на протяжении всей его истории (с. 6–80, 432). Получается (по Иванову), что наличие таких программ на общегосударственном уровне в 20-е – 80-е гг. заметно повлияло бы на содержание, направленность и результативность борьбы с преступностью. Но ведь автор исследует региональную специфику этой борьбы, анализирует организационно-правовые аспекты деятельности как местных органов государственной власти и управления, так и правоохранительных структур, а здесь «работали», судя по книге,

свои территориальные (региональные, местные) программы, планы и концепции. Их-то автор обстоятельно исследует, формулируя свои заключения. Поэтому весьма сомнительно, чтобы такая (Единая, по мысли Д. В. Иванова) общегосударственная программа или концепция могла бы радикально повлиять на эффективность и итоги этой борьбы. Они, по точному замечанию проф. В. В. Лунеева, не выполнялись при своём наличии и в постсоветской России¹.

Дискуссионной, на наш взгляд, является и ещё одна позиция автора монографии – об определении так называемых «эффективности» и «результативности» (борьбы, участия и т. п.). Хотя в работе используются конкретные данные социологических исследований, имеющие прямое отношение к предмету исследования автора, тем не менее, приводимые им статистические показатели взяты и анализируются в основном из отчётных материалов местных правоохранительных органов (милиция, суд, прокуратура, юстиция и др.). По сути дела, эта «ведомственная социология» довольно произвольно использовалась директивными и контрольными органами для определения критериев эффективности и результативности деятельности, главным образом, правоохранительных структур на местах. Поэтому авторские суждения об этой ситуации были бы весьма уместны, как и о том, каким образом оценивался вклад в дело борьбы с преступностью в регионе местных партийных и советских органов. Понятно, что таких критериев выработано в исследуемый период не было, что и предлагает осуществить Д. В. Иванов в блоке рекомендаций современному законодателю и исполнительным структурам в регионе (с. 441–442).

Работа Д. В. Иванова в некотором смысле проигрывает из-за отсутствия в ней приложений, схем и таблиц, публикация которых позволила бы, во-первых, сократить текстовый материал, а во-вторых, стать важным источником для дальнейшего анализа проблемы. Так, из монографии видно, что автор проработал значительный объём нормативных правовых актов за 1917–1991 гг., полные тексты которых вообще не были доступны даже специалистам в силу определённых ограничений, и публикация которых стала бы заметным вкладом в источниковедение проблемы.

Подчеркнем ещё раз: работа Д. В. Иванова не только актуальна, своевременна и научно состоятельна, она ещё и практически полезна. Книга действительно написана для широкого круга специалистов, и прежде всего историков права, которые переживают сейчас непростые времена и нуждаются в поддержке и одобрении государством и обществом.

Библиографический список

1. Сырых В. М. Прощай классика, вперёд к материалистической теории права! / В. М. Сырых // Правоведение. – 2014. – № 5 (316).

¹ См.: Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 10, 13.

2. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – Москва, 1997.

3. Кудрявцев В. Н. Стратегия борьбы с преступностью: монография / В. Н. Кудрявцев. – Москва, 2017.

4. Долгова А. И. Борьба с преступностью: основополагающие начала / А. И. Долгова // Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А. И. Долговой. – Москва, 2000.

5. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. – Москва, 1997.

6. Небратенко Г. Г. История юридической науки в постсоветский период / Г. Г. Небратенко // История государства и права. – 2015. – № 10. – С. 24.

7. Яковлев А. М. Социальная структура обществ / А. М. Яковлев. – Москва, 2003. – С. 183.

8. Гревцов Ю. И. Социология права: курс лекций / Ю. И. Гревцов. м Санкт-Петербург, 2001.

9. Сигалов К. Е. Право и история: методологические функции исторической науки / К. Е. Сигалов // История государства и права. – 2001. – № 7.

10. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2004. – № 1.

Bibliograficheskij spisok

1. Syryh V. M. Proshchaj klassika, vperyod k materialisticheskoy teorii prava! / V. M. Syryh // Pravovedenie. – 2014. – № 5 (316).

2. Luneev V. V. Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii / V. V. Luneev. – Moskva, 1997.

3. Kudryavcev V. N. Strategiya bor'by s prestupnost'yu: monografiya / V. N. Kudryavcev. – Moskva, 2017.

4. Dolgova A. I. Bor'ba s prestupnost'yu: osnovopolagayushchie nachala / A. I. Dolgova // Rossijskaya kriminologicheskaya enciklopediya / pod obshch. red. A. I. Dolgovoj. – Moskva, 2000.

5. Osnovy gosudarstvennoj politiki bor'by s prestupnost'yu v Rossii. Teoreticheskaya model'. – Moskva, 1997.

6. Nebratenko G. G. Istoriya yuridicheskoy nauki v postsovetiskij period / G. G. Nebratenko // Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 10. – S. 24.

7. YAKovlev A. M. Social'naya struktura obshchestv / A. M. YAKovlev. – Moskva, 2003. – S. 183.

8. Grevcov YU. I. Sociologiya prava: kurs lekcij / YU. I. Grevcov. m Sankt-Peterburg, 2001.

9. Sigalov K. E. Pravo i istoriya: metodologicheskie funkcii istoricheskoy nauki / K. E. Sigalov // Istoriya gosudarstva i prava. – 2001. – № 7.

10. Luneev V. V. Tendencii sovremennoj prestupnosti i bor'by s nej v Rossii / V. V. Luneev // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – № 1.

Деятельность органов милиции по борьбе с хищениями и злоупотреблениями, связанными с продовольственными карточками, в годы Великой Отечественной войны (на примере Свердловской области)

Чашников Всеволод Александрович,
Уральский государственный юридический
университет, кандидат юридических наук
e-mail: v.a.chashnikov@usla.ru

Статья посвящена анализу деятельности органов милиции Свердловской области по борьбе с хищениями и злоупотреблениями, связанными с продовольственными карточками, в годы Великой Отечественной войны. Автор статьи считает, что борьба с расхитителями продовольственных и промышленных товаров являлась важным направлением деятельности милиции Урала военных лет. Хищения и злоупотребления, связанные с продовольственными карточками, наносили огромный ущерб государству и непосредственно трудящимся, которые были вынуждены покупать карточки по спекулятивным ценам. Поэтому милиция Свердловской области вела решительную борьбу с преступниками, использовавшими в своих целях тяжелые военные условия.

Ключевые слова: преступность; борьба с преступностью; безопасность; милиция; продовольственные карточки; хищения; Великая Отечественная война.

The activities of the police in the fight against theft and abuse associated with food ration cards during the Great Patriotic War (on the example of the Sverdlovsk region)

Chashnikov Vsevolod Aleksandrovich,
Ural State Law University, Candidate of Law

The article analyzes the activities of the police of the Sverdlovsk region to combat theft and abuse related to food cards during the great Patriotic war. The author of the article believes that the fight against looters of food and industrial goods was an important activity of the Ural militia during the war years. The theft and abuse of food cards caused huge damage to the state and directly to workers, who were forced to buy cards at speculative prices. Therefore, the police of the Sverdlovsk region conducted a resolute fight against criminals who used the harsh military conditions for their own purposes.

Key words: crime; fighting crime; security; police; ration cards; theft; the Great Patriotic war.

Одной из актуальных задач государства на современном этапе является совершенствование деятельности и функций его правоохранительных органов. Исследование истории деятельности органов милиции как одного из важнейших правоохранительных органов государства дает возможность установить историческую связь между его прошлым и настоящим.

Анализ направлений деятельности милиции Свердловской области по борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны имеет как научное, так и практическое значение, способствуя поиску эффективных форм и методов работы правоохранительных органов в современных условиях. Данный исторический опыт решения правовых и организационных вопросов не потерял своей актуальности и сегодня.

Перестройка работы правоохранительных органов на военный лад коренным образом изменила условия служебной деятельности, значительно увеличила объем работы личного состава, повысила требования к сотрудникам. Призыв на военную службу, добровольный уход в действующую армию многих опытных работников, их общественных и негласных помощников привел к значительному некомплекту личного состава. Пришлось перестраивать всю работу милиции, совершенствовать формы и методы борьбы с преступностью с учетом военной обстановки.

В годы войны усиливается охрана собственности, которая вместе с социалистической системой хозяйства составляла экономическую основу страны, ставшую одним из условий победы над врагом¹.

Усиливалась охрана, в первую очередь, сельскохозяйственных продуктов, в частности хлеба (зерна, муки, семенных фондов) и др. (до войны на захваченной фашистами территории проживало 88 млн человек, или 45 % всего населения страны, производилось 47 % зерна, 84 % сахарной свеклы, 53 % льна-долгунца, 57 % конопли и 50 % картофеля)². Резкое снижение сельскохозяйственного производства, ухудшение материального положения тружеников села, уход колхозников на фронт – все эти обстоятельства явились причинами хищений продуктов. Советское правительство вынуждено было перейти к острой экономии продовольственных товаров, решительной борьбе со злоупотреблениями в сфере распределения продуктов питания³.

Свердловская область не стала исключением. Можно привести следующий пример: «К. и другие работники Верхнетавдинского комбината Свердловской области были привлечены к уголовной ответственности. Материалами расследования установлено, что К., будучи директором Верхнетавдинского комбината, злоупотреблял служебным положением: 1) разбазарил муку, давая разрешения на отпуск таковой разным лицам в размере от 5 до 75 кг (без вырезки хлебных карточек); 2) разбазарил около 2 т мучных сметок, произведя незаконный отпуск таковой разным лицам и организациям; 3) допустил перерасход установленных норм расхода коммерческого хлеба свыше чем на 600 кг; 4) одним из каналов хищения было искусственное увеличение брака. Проценты брака были очень велики. С марта по октябрь 1942 г. 55 т сдано в переработку, из переработки возвращено всего 27 т»⁴.

¹ См.: Тумаков Д. В. Борьба с хищениями и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (10). С. 13.

² См.: Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987. С. 161.

³ См.: Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. Екатеринбург, 2002. С. 24.

⁴ Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 4. Оп. 36. Д. 125. Л. 25.

Деятельность органов милиции Свердловской области в решении продовольственной проблемы не ограничивалась прямой борьбой с хищениями хлеба. Сотрудники правоохранительных органов совместно с председателями колхозов и директорами совхозов помогали партийным и советским организациям мобилизовать трудоспособное население на уборку урожая, следили за состоянием дорог, мостов, подъездных путей.

В четвертом квартале 1941 г. за преступную деятельность по линии хищений продуктов и товаров путем всевозможных махинаций с товарно-продуктовыми карточками в Свердловской области к уголовной ответственности было привлечено 152 человека, а в первом квартале 1942 г. только по 22 районам Свердловской области – 184 человека⁵.

Приведем следующие примеры: «В городе Карпинске Свердловской области вскрыта преступная группировка в числе 5 человек, состоящая из бывших воров-рецидивистов Б., П., Г. и других, которые, похитив в коммунальном отделе бокситовых рудников партию стандартных справок с печатями коммунального отдела и 90 штук заборных книжек, подделывали на стандартных справках подписи комендантов, вставляли в справки умышленные фамилии и беспрепятственно получали по ним продовольственные карточки. Все участники группы арестованы, и при обыске у них изъято несколько десятков продовольственных карточек, 90 штук заборных книжек и много продуктов, полученных из магазинов.

В феврале 1942 г. в хромофотографии при подсчете изготовленных продовольственных карточек на март месяц оказалась недостача 500 штук карточек на хлеб. 26 марта 1942 г. на рынке города Свердловска был задержан при продаже 4 штук продкарточек электромонтер цеха резки хромофотографии Б. Расследованием по делу установлено, что Б. совместно с другим электромонтером П. работал в цехе, похитили одну партию продкарточек в количестве 500 штук, часть которых продали, а часть использовали для личных целей, оформив их печатями учреждений по месту работы жены Б., имеющей доступ к печати.

В городе Верхняя Салда 30 марта 1942 г. из помещения конторы артели «Рекорд» посредством взлома железного ящика похищено 312 штук продкарточек. Совершившие кражу Л. и П. были задержаны, оба в прошлом судимы за прогул. При обыске у них изъято 50 штук продкарточек с печатями артели «Рекорд».

В Билимбаевском районе Свердловской области ученики промкомбината К., О., К. и Ж. в магазинах и столовых выкрадывали у граждан продкарточки, а затем их перепродавали разным лицам из числа эвакуированных.

В городе Свердловске переселенцы из Бессарабии Л. и П. скупали карточки у мобилизованных в РККА, выбывающих из города на жительство в другие местности, по цене от 80 до 150 руб., получали по

⁵ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 78–81.

этим карточкам в магазине № 6 Торга хлеб целиком по всей карточке один раз, а затем этот хлеб перепродавали на железнодорожных станциях транзитным пассажирам по цене до 100 руб. за булку.

Работники магазина Б., З., З. и другие, принимая целые карточки, похищали из магазина и снова продавали разным лицам или рассчитывались этими карточками с кустарями портнихами за пошив одежды»¹.

О размерах краж продкарточек у отдельных лиц можно судить по тому, что с января по март 1942 г. в органы милиции города Свердловска поступило свыше 500 заявлений граждан о кражах у них продкарточек, а в городе Первоуральске – 30 заявлений. Причем было установлено, что отдельные заявления о кражах или утерях карточек являлись ложными, сделанными в целях получения новых карточек. Так, в Исовском районе Свердловской области гражданке В. как члену семьи красноармейца были выданы новые карточки. Позднее при проверке заявления оказалось, что В. продкарточка не теряла и заявление сделала с целью получения новых карточек².

Значительное место среди преступных махинаций с карточками занимали факты изготовления фальшивых продкарточек или талонов к ним, а также стандартных справок для их получения. Так, в городе Серове была раскрыта группа из 3 человек, состоявшая из бывших кулаков Х., К. и Х., которые занимались изготовлением фальшивых карточек, посредством «рисовки их карандашами и тушью», а затем по этим карточкам получали хлеб. Всего этой группой было изготовлено до 10 штук продкарточек. Все участники данной группы были арестованы. Также была арестована и другая группа, состоявшая из воров-рецидивистов Т., А. и Ш., которые занимались изготовлением фальшивых хлебных талонов (на чистые места корешков карточек подрисовывали число и месяц, а слово «хлеб» подставляли резиновым штампом с текстом «хлеб») и по ним беспрепятственно получали хлеб в столовых. Только за два дня 28 и 29 января 1942 г. группой было подготовлено 39 талонов, по которым было получено 19 кг 800 г хлеба. При обыске на квартире участников группы изъято изготовленных талонов на 1,5 кг хлеба, 16 корешков от карточек, предназначенных для изготовления талонов, и резиновый штамп. В городе Свердловске были арестованы и привлечены к ответственности студент индустриального института К. и студент медицинского техникума К., которые посредством рисовки цветным карандашом и тушью изготавливали хлебные талоны, искусно наклеивали на курительную бумагу, затем подклеивали к основной карточке взамен уже использованных талонов и так получали по ним хлеб, пока в одном из магазинов не вызвали подозрение у продавца при отпуске хлеба. При обыске у них были изъяты фальшивые талоны, тушь, карандаши и другие принадлежности. На Уралмашзаводе эвакуированные из Ленинграда рабочие

М., Д., А. и два брата Б., проживая в одной квартире, фабриковали талоны продкарточек посредством рисовки и, кроме того, в карточках литеры «А» (рабочих – на 800 г хлеба в день, имеющих 2 талона – один на 500 г, второй на 300 г), подделывали цифру «3» на «5» посредством осторожного прокалывания булавкой верхнего хвостика тройки и подрисовки загиба этого хвостика вправо. В результате вместо 800 г хлеба каждый из них получал ежедневно 1000 г хлеба. В городе Свердловске домоуправляющие С. и С., имея домовые печати, в течение 5 месяцев заверяли друг друга фиктивные стандартные справки и получили по ним 87 продкарточек. Они были арестованы и осуждены на 2 года лишения свободы каждая³.

Наряду с этим были вскрыты неединичные случаи приписки лицами, имеющими отношение к выдаче стандартных справок на получение карточек, вымышленных иждивенцев. Так, в городе Нижняя Салда, по агентурным данным, было вскрыто групповое хищение продкарточек работниками райсобеса, которые, выдавая продкарточки пенсионерам, приписывали в стандартных справках несуществующих иждивенцев и присваивали карточки, а затем передавали их завмагу Д. в обмен на продукты. Всего таким путем было присвоено 134 продкарточки. Участники группы: инструктор райсобеса по выдаче трудовых пособий, член ВКП(б) Т., бухгалтер райсобеса, член ВЛКСМ С., инструктор по выдаче пособий семьям военнослужащих, член ВКП(б) Г. и завмаг межрайторга Д. Народным Судом они были осуждены к лишению свободы на сроки от 2 до 8 лет. Также в городе Нижняя Салда, в артели имени Дзержинского, счетовод В., выдавая продкарточки рабочим и служащим артели, систематически приписывал в стандартные справки иждивенцев, а продкарточки присваивал. Только за февраль 1942 г. В. присвоил свыше 50 продкарточек на хлеб, часть которых продал. При аресте В. на квартире было изъято 45 продкарточек. Нарсудом он был осужден на 5 лет лишения свободы⁴.

Были зафиксированы и отдельные факты, когда работники магазинов, используя плохую работу контрольных комиссий и несвоевременное уничтожение отоваренных талонов, похищали эти талоны, включали их в последующие отчеты на списание в расход продуктов и созданные таким путем «излишки» продуктов присваивали.

На основе сигналов о хищении карточек на месте их изготовления сотрудники милиции проводили проверки работы хромофотографии в городе Свердловске, изготавливавшей карточки для всей области, ряда городских и районных бюро, промышленных предприятий, учреждений и домоуправлений. Предварительные данные этих проверок показали, что и в процессе изготовления продкарточек, и в момент их выдачи населению имелись существенные недостатки, которые способствовали хищениям. Так, в хромофотографии не было изолированных помеще-

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 78–81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ний, необходимых для изготовления продкарточек, их обработки, укупорки. Кроме того, карточки изготавливались в три смены, а контроль за их производством осуществлялся только в одной смене. Подсчет карточек производился ручным способом, а не механическим. В связи с этим в упакованных пачках систематически выявлялись излишки и недостачи 5–10 карточек. Вследствие этого в хромолитографии города Свердловска были вскрыты случаи кражи продкарточек работниками, выполнявшими заказ по их изготовлению, например: в декабре 1941 г. работница листового цеха М. похитила 6 купонов от хлебной карточки за январь 1942 г.; в январе 1942 г. рабочий переводного цеха З. похитил 2 листа бумаги с отпечатанными фонами для карточек; в феврале 1942 г. электромонтеры Б. и П. похитили пачку карточек в количестве 500 шт.; 6 апреля 1942 г. ученик переводного цеха О. похитил оригиналы карточек на сахар.

Небрежный подсчет карточек при их упаковке в пачки по 500 шт. привел к тому, что в течение первого квартала 1942 г., по данным областного карточного бюро, было выявлено большое количество недостач продкарточек: в январе 1942 г. – 156, в феврале 1942 г. – 366 и в марте 1942 г. – 32, излишки составили: в январе 1942 г. – 325, в феврале 1942 г. – 362 и в марте 1942 г. – 202. Стоит также отметить, что в большинстве городских и районных карточных бюро охрана карточек от хищения не была обеспечена, т. к. помещения для этой цели не были оборудованы. Так, в Свердловском областном карточном бюро сотни тысяч карточек хранились в помещении, изолированном от входа только фанерной перегородкой, охрана отсутствовала, вход в помещение никем не охранялся.

В Тугулымском районе карточки в районном бюро хранились в деревянном шкафу с плохим висячим замком, а комната и шкаф не были опечатаны. Аналогичное положение было зафиксировано в Карпинском, Невьянском и других районах Свердловской области. Учет и отчетность по приходу и расходу карточек в большинстве районов были запутанными, особенно плохо данная работа была организована в домоуправлениях, учреждениях и на предприятиях. Так, в Ирбитском райбюро продкарточки выдавались без предъявления списков работников, а просто по требованию. В результате выданные без контроля карточки расходовались по усмотрению администраций предприятий без соблюдения элементарных правил их выдачи рабочим и служащим. Такие факты были вскрыты в Нижнесергинском, Билимбаевском, Серовском, Карпинском, Верхотурском и других районах области.

Исключительно плохо была организована работа по выдаче стандартных справок, являвшихся основным документом, дававшим право на получение продкарточек. Стандартные справки выдавались домоуправляющими и частными домовладельцами, а при заверке их печатью работники местных советов домоуправления не проверяли действительного числа жильцов. Этот недостаток в работе использовался преступниками.

В целях наведения должного порядка, пресекающего рост преступной деятельности, начальник УНКВД по Свердловской области 19 апреля 1942 г. предложил принять следующие меры:

«1. При всех городских и районных отделах торговли (там, где была введена карточная система) создать контрольно-ревизионные группы, возложив на них обязанности контролировать проведение ревизий в магазинах за правильным расходованием нормируемых продуктов, изъяв этот аппарат из местных райторгов, т. к. в большинстве случаев контролеры торгов умышленно скрывают действительное положение вещей в магазинах.

2. Увеличить штаты контролеров областного, городских и районных бюро, т. к. существующий штат не обеспечивает повседневной проверки работы уполномоченных предприятий, учреждений, организаций и домоуправлений.

3. Установить в законодательном порядке уголовную ответственность руководителей предприятий, учреждений и организаций за хранение и правильный учет продкарточек, т. к. такой ответственности не установлено.

4. В целях пресечения случаев пользования похищенными продкарточками установить твердый порядок прикрепления к магазинам всего населения на получение нормированных продуктов и вести периодическую регистрацию прикрепленных с предъявлением паспортов не реже двух раз в месяц»¹.

Таким образом, факты кражи хлебных и продовольственных карточек в годы Великой Отечественной войны на Урале и в целом по стране не были единичными случаями. Этот вид преступлений наносил ущерб государству и непосредственно трудящимся, которые были вынуждены покупать карточки по спекулятивным ценам². Поэтому милиция вела решительную борьбу с преступниками, использовавшими в своих целях тяжелые военные условия. В первую очередь, во всех типографиях, где печатались карточки, был установлен строгий пропускной режим, а также учет и контроль расходования специальной бумаги, предназначенной для хлебных и продовольственных карточек. На милицию была возложена обязанность по охране и доставке из типографий в областные, городские и районные карточные бюро готовой продукции, а также охране помещений, где в специальных сейфах хранились карточки.

Борьба с расхитителями продовольственных и промышленных товаров являлась важным направлением деятельности милиции Свердловской области военных лет, и в то же время данная деятельность была лишь частью многогранной работы правоохранительных органов, обязанных вести борьбу со всеми видами преступлений, направленных как против го-

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 78–81.

² Варенцова Л. Ю. Борьба милиции со спекуляцией в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 119.

сударства, так и против личных интересов советских граждан.

Библиографический список

1. Абидулин К. М. Правоохранительные органы Саратовской области в борьбе с экономическими преступлениями в годы Великой Отечественной войны / К. М. Абидулин // Наука и общество. – 2014. – № 1 (16). – С. 93–99.
2. Архив УФСБ по Свердловской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 103. – Л. 78–81.
3. Варенцова Л. Ю. Борьба милиции со спекуляцией в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л. Ю. Варенцова // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 2 (50). – С. 119–124.
4. Государственный архив административных органов Свердловской области. – Ф. 4. – Оп. 36. – Д. 125. – Л. 25.
5. Советская милиция: история и современность (1917–1987). – Москва, 1987.
6. Солдаты правопорядка: Будни уральской милиции. – Екатеринбург, 2002.
7. Тумаков Д. В. Борьба с хищениями и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Д. В. Тумаков // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (10) – С. 13–16.

Bibliografickij spisok

1. Abidulin K. M. Pravoohranitel'nye organy Saratovskoj oblasti v bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / K. M. Abidulin // Nauka i obshchestvo. – 2014. – № 1 (16). – S. 93–99.
2. Arhiv UFSB po Sverdlovskoj oblasti. – F. 1. – Op. 1. – Ed. hr. 103. – L. 78–81.
3. Varencova L. YU. Bor'ba milicii so spekulyaciej v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) / L. YU. Varencova // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 2 (50). – S. 119–124.
4. Gosudarstvennyj arhiv administrativnyh organov Sverdlovskoj oblasti. – F. 4. – Op. 36. – D. 125. – L. 25.
5. Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost' (1917–1987). – Moskva, 1987.
6. Soldaty pravoporyadka: Budni ural'skoj milicii. – Ekaterinburg, 2002.
7. Tumakov D. V. Bor'ba s hishcheniyami i spekulyaciej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. / D. V. Tumakov // Vestnik YAroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 4 (10) – S. 13–16.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.985

Роль оперативно-розыскного обеспечения при проведении оперативно-профилактических операций органами внутренних дел

Иванов Святослав Игоревич,
Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России, кандидат юридических наук, доцент
e-mail: sviatoslavigor@gmail.com

В статье рассматриваются мероприятия, непосредственно связанные с проведением органами внутренних дел оперативно-профилактических операций в современных условиях. Автором на основе практического опыта анализируется осуществление операций на различных исторических этапах их проведения.

Ключевые слова: профилактика; операция; замысел; цель; задача; мероприятия; обеспечение.

The role of operative investigative provision of internal affairs agencies' operational-preventive actions

Ivanov Svyatoslav Igorevich,
Crimean Affiliate of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

The article deals with the activities directly related to the operational preventive actions undertaken by the internal affairs agencies in modern conditions. The author analyzes the actions at various historical stages of their implementation, which are based on the practical experience of their realization.

Key words: prevention; actions; idea; purpose; task; measures; provision.

Различные мероприятия, носившие профилактический характер и схожие с современными оперативно-профилактическими операциями, проводились органами внутренних дел России еще во времена Гражданской войны и именовались «облавами», «налетами-проверками», позже подобные мероприятия получили название рейдов. Ныне они практикуются в ходе различных операций, проводимых за рубежом, в частности, еще в 1960-е годы полицией ФРГ проводились массовые обыски с целью выявления распространителей наркотиков. Первую комплексную оперативно-профилактическую операцию провели

войска Одесского военного округа в начале второй половины 1940-х гг. по инициативе маршала Г. К. Жукова. Она была нацелена на борьбу против преступников. При этом Одесса была разделена на секторы, в которых действовали специально выделенные армейские части, производившие тотальные проверки документов, налеты на притоны, засады. Всех задержанных в облавах передавали органам милиции. «Нельзя сказать, чтобы таким способом Жуков искоренил в Одессе преступность, но нападать на военных бандиты теперь остерегались. Местные же власти расценили действия командующего как самоу-

правство и сигнализировали в Москву»¹. Уверены, что без оперативно-розыскного обеспечения такой операции со стороны органов внутренних дел (далее – ОВД) ее проведение было бы невозможным. Она проводилась при активном участии милиции, которая и располагала оперативной информацией о притонах, местах концентрации преступных элементов, местах, где целесообразно оставить засады, и т. п.

Несмотря на значительный интерес ученых и практиков к этой проблематике, ряд вопросов остается не освещенным на монографическом уровне либо приобретает новое значение в современных условиях.

Целью настоящей статьи является определение роли оперативно-розыскного обеспечения в оперативно-профилактических операциях ОВД.

Операции по своим целям, объектам, задействованным силам, масштабам и т. п. значительно отличаются друг от друга. Поэтому целесообразно остановиться на вопросе их классификации. Приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 дает следующие определения: 1) «комплексная оперативно-профилактическая операция – это совокупность оперативно-розыскных, контрольно-надзорных, предупредительно-профилактических и иных мероприятий, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти в соответствии с законодательными и иными нормативными актами Российской Федерации в масштабах страны, одного или нескольких субъектов Федерации по единому замыслу для достижения конкретной цели; 2) оперативно-профилактическое мероприятие – это согласованные по срокам и решаемым задачам действия ОВД, подразделений ОВД, осуществляемые согласно законодательным и иным нормативным правовым актам Российской Федерации в рамках повседневной оперативно-служебной деятельности»².

Эти формулировки подверглись критике со стороны некоторых исследователей как имеющие схожие характеристики, что может вызывать недопонимание их целей и задач у практических сотрудников и руководителей ОВД³; как не возмещающие отсутствие единого нормативного правового акта по рассматриваемому направлению⁴.

Соглашаясь с этими высказываниями, отметим, что приказ МВД России переводит комплексные оперативно-профилактические операции в категорию

стратегических и оперативно-стратегических, причисляя все остальные (именуемые оперативно-профилактическими мероприятиями) к оперативно-тактическим. В целом создается впечатление, что приказ не рассматривает все эти операции как единую систему, направленную на достижение целей оздоровления оперативной обстановки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, относя комплексные операции к компетенции министерств и оставляя частные в сфере повседневной оперативно-служебной деятельности ОВД. Конечно, и система профилактических мероприятий не приведет к победе над преступностью, но на определенное время существенно ее снизит. Об этом свидетельствует давно забытый опыт Крыма почти 40-летней давности. Летом 1981 г. сотрудниками штаба, управления уголовного розыска, патрульно-постовой службы и отдела профессиональной подготовки была спланирована и осуществлена комплексная операция, направленная на снижение уровня преступности в Крыму. По форме это были областные оперативно-тактические учения «Алькор» с привлечением двух батальонов внутренних войск, личного состава всех территориальных ОВД общей продолжительностью две недели. В ходе операции наряду с игровыми эпизодами решались повседневные задачи, организованные с помощью вводных: массированные патрулирования населенных пунктов, рейды по притонам и другим местам концентрации асоциальных элементов, проверка паспортного режима, затребование из спецкомендатуры, ЛТП списков бежавших из числа спецконтингента, их розыск, досмотр автотранспорта на дорогах и т. п. Проводить эти мероприятия позволял оперативный фон, созданный для учений. В план фактически включались действия по типовым планам «Курорт», «Подросток», «Урожай», оперативным планам «Сирена», «Гром», «Перехват» и др. В результате в течение месяца была буквально сведена к нулю уличная преступность, разысканы десятки сбежавших преступников, без вести пропавших, существенно улучшилась общекриминалогическая обстановка. К сожалению, этот опыт по различным причинам остался необобщенным и стал известен автору по рассказам ветеранов органов внутренних дел. Характерной чертой этой «операции-учения» было оперативно-розыскное обеспечение: план готовился с учетом реальной оперативной обстановки, все действия оперативно-го состава, конфиденентов велись по реальным делам оперативного учета; маневр силами оперативных аппаратов, ориентирование конфиденентов, перевод их на усиленный график встреч – все проводилось в соответствии с задачами, обусловленными конкретной оперативной обстановкой на территории обслуживания ОВД.

Комплексные оперативно-профилактические операции ведутся и в настоящее время. К ним исследователи относят, например, «Цунами» (2000 г., Кали-

¹ Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: Радиола-Плюс, 2000. С. 230–231.

² Приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 «О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России».

³ См.: Ускова А. С. О некоторых формах правоохранительной деятельности // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 146–150.

⁴ См.: Даньков Г. Л. Правовые и организационные проблемы проводимых органами внутренних дел Российской Федерации операций профилактической направленности // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 1. С. 110–113.

нинградская обл.)¹, «Циклон» (1997 г., на АвтоВАЗе)², совместная операция правоохранительных органов России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона беспрецедентного масштаба в целях предотвращения контрабанды наркотиков «Канал-2007»³, операции по профилактике преступности среди несовершеннолетних «Группа», «Неформал», «Подросток-улица», «Лидер», «Малыш», «Семья», «Пешеходный переход»⁴ и многие другие.

Все эти операции отнесены к классу оперативно-профилактических, несмотря на то, что «Цунами» официально квалифицирована как специальная операция, а по существу, скорее, должна быть отнесена к классу оперативно-розыскных, поскольку основные тактические способы действий в ней – оперативно-розыскные мероприятия.

Операция «Канал-2007» по той же причине может считаться оперативно-розыскной, но по целям – оперативно-профилактической; аналогично, с определенными оговорками, можно сказать и об операции «Циклон». А вот почти все из перечисленных операций по профилактике преступности несовершеннолетних дали основание А. С. Усковой предложить на основе официальной классификации считать их и подобные им, такие как «Дети России», «Нелегал», «Азиатский заслон», «Розыск», «Лес», «Дети Юга» и т. п., оперативно-профилактическими мероприятиями⁵. Еще в 2001 г. Ю. В. Дубко предложена общая классификация операций ОВД, в которой наряду с уровнем руководства (стратегического, оперативного, тактического) в качестве основания классификации профилактических операций рассматривается их характер – комплексность для преследующих цель общего оздоровления оперативной обстановки на территории обслуживания, и частная цель – оздоровление оперативной обстановки по определенной линии обслуживания⁶. Отсюда становится понятным,

¹ См.: Клейменов М. П., Кондратьев А. В. Специальная профилактика преступлений // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2018. № 1. С. 163–165.

² См.: Федоров А. Ю. Проведение оперативно-профилактических операций в целях декриминализации экономических отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 7. С. 209–211.

³ См.: Косарев А. В. Формы сотрудничества правоохранительных органов стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 11. С. 92–94.

⁴ См.: Тимко С. А., Жайворонок А. В. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения групповой преступности несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1. С. 47–50; Жайворонок А. В., Тимко С. А. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения виктимности несовершеннолетних // Виктимология. 2016. № 1. С. 41–47.

⁵ См.: Ускова А. С. О некоторых формах правоохранительной деятельности // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 146–150.

⁶ См.: Дубко Ю. В. Управление органами внутренних дел в

несколько диаметральной может быть роль оперативно-розыскного обеспечения для этих операций – от фактически полного отождествления понятий «оперативно-розыскное обеспечение» и «оперативно-розыскная операция» для операции «Цунами» до возможности вообще обходиться без такого обеспечения, заменив его лишь аналитическими данными, характеризующими положение вещей на территории обслуживания или по линии работы.

Теперь необходимо пояснить, что именно понимается под оперативно-розыскным обеспечением операций ОВД. Опираясь на мнение И. В. Большова, считаем предложенную им формулировку отражающей основное содержание этого понятия: «оперативно-розыскное обеспечение – это основанный на законах и иных подзаконных актах комплекс мер, направленный на создание условий для эффективного решения определенных в ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" главных задач оперативно-розыскной деятельности»⁷.

Однако применительно к операциям ОВД она должна иметь несколько иной вид: оперативно-розыскное обеспечение операций, проводимых ОВД (специальных, оперативно-профилактических, оперативно-розыскных), – это основанный на законах и других нормативных правовых актах комплекс мер, принимаемых оперативными подразделениями на создание необходимых условий для решения задач этих операций путем агентурно-разведывательных и информационно-аналитических мероприятий. По мнению В. А. Лаптия, суть оперативно-розыскного обеспечения заключается в комплексном и максимальном использовании сил и средств оперативных аппаратов для получения по возможности наиболее полной и достоверной информации, необходимой при принятии оптимальных управленческих решений, выявления правонарушений, документирования преступных деяний, разоблачения преступников. Работа оперативных подразделений при этом сохраняет свою обычную направленность (уголовный розыск, борьба с экономическими преступлениями, незаконным оборотом наркотиков и т. д.), но с приоритетным выполнением задач операции⁸.

Операцию «Цунами» можно по ряду признаков отнести как к специальным, так и профилактическим, оперативно-розыскным. Из всех традиционных организационно-тактических форм ОРД оперативно-розыскная операция является высшей, она может включать в себя или часть, или все другие формы (оперативный поиск, предварительную оперативную проверку, оперативную разработку) при условии, что усилия всех участвующих в ней оперативных подраз-

черезвычайных ситуациях: специальная тактика. Часть общая. Киев: РИО МВД Украины, 2001.

⁷ Большов И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 150–154.

⁸ Лаптий В. А. Основы управления органами внутренних дел в особых условиях. Киев: РИО МВД Украины, 1996.

делений, групп, рядовых участников охватываются общим планом, ведут к единой цели и согласованы между собой по месту (объектам), времени, задачам, способам действий. Л. М. Аваев выделяет и такую форму, как оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования, а также «оперативно-розыскное обеспечение, которое имеет свои особенности при проведении оперативно-розыскных мероприятий»¹. В свою очередь, С. А. Буткевич рассматривает задачи оперативно-розыскного обеспечения деятельности ОВД через призму разделения их на следующие группы: 1) превентивные, касающиеся получения оперативно значимой и достоверной информации, которая позволит своевременно принимать или изменять управленческие решения по комплексному использованию сил и средств для предотвращения и пресечения противоправных действий еще на стадии их возникновения; 2) контрмеры (меры противодействия), реализуемые при непосредственном выполнении оперативно-служебных задач; 3) заключительные, проводимые на завершающем этапе².

Л. М. Аваев перечисляет основные задачи оперативно-розыскного обеспечения, из числа которых выделим две, относящиеся к комплексным оперативно-профилактическим операциям: во-первых, разработка и проведение агентурно-оперативных и разведывательных мероприятий в период подготовки и осуществления комплексных предупредительно-профилактических мероприятий; во-вторых, организация агентурно-информационной и оперативно-технической поддержки разрабатываемых... комплексных предупредительно-профилактических мероприятий³.

Как правило, комплексным оперативно-профилактическим операциям предшествуют агентурно-информационная работа, анализ криминогенной обстановки и прогнозирование эффективности планируемых мероприятий. Кроме того, в ходе этой работы устанавливаются ключевые фигуры криминалитета, уровень коррупции, определяются цели и задачи операции, ее материально-техническое обеспечение⁴.

В то же время во многих комплексных оперативно-профилактических операциях задачи оперативно-розыскного обеспечения могут быть сравнительно уже. Так, оперативная разработка может не входить в задачи части операций и проводиться, при необходимости, за их пределами.

Тем временем часть операций, отнесенных действующей классификацией (приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 772) к оперативно-профилактическим мероприятиям, во многих случаях ограничивается только информационным обеспечением на стадии планирования, если они не планируются на базе данных повседневной оперативно-служебной деятельности по линии соответствующей службы, и оперативной разведкой в их ходе, если такая вообще потребуется. Это может относиться к таким операциям (мероприятиям), как «Подросток», «Семья», «Путина», «Урожай» и т. п.

Вместе с тем оперативные аппараты обычно заинтересованы в проводимых в процессе комплексных оперативно-профилактических операций мерах и не только потому, что они являются и оперативно-розыскной профилактикой тех или иных преступлений. Дело в том, что в ходе этих операций применяются свойственные именно им тактические способы действий, обычно не применяемые в оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Это, например, массированные патрулирования, рейды, проверки паспортного режима и т. п., результаты которых могут успешно использоваться оперативными подразделениями в интересах ОРД. Так, их можно использовать как элементы оперативного поиска, элементы различных оперативных комбинаций, для вербовки конфиденентов, получения первичной оперативной информации и т. п. Оперативно-розыскная тактика в качестве тактических способов действий рассматривает простые ОРМ и различные их комбинации (сложные ОРМ), оперативные комбинации, системы таких комбинаций (оперативные игры), а также ряд вспомогательных тактических способов (засада, оперативный захват, «налёт» и т. п.). Именно в ходе комплексных оперативно-профилактических операций возникают широкие возможности для применения и тех, и других тактических способов действий, свойственных как профилактическим, так и оперативно-розыскным операциям и используемых как в профилактических целях, так и в целях ОРД.

Как свидетельствует опыт работы ОВД, оперативно-розыскное обеспечение является необходимым элементом большинства комплексных оперативно-профилактических операций, составной частью специального предупреждения преступлений. К сожалению, в настоящее время возникают определенные трудности с точной классификацией некоторых из этих операций. Использование практического опыта проведения таких операций, как «Циклон», «Цунами» и им подобных, заслуживает углубленного изучения и внедрения в практику оперативно-служебной деятельности МВД России и будет способствовать структурированию классификации операций, проводимых ОВД.

Библиографический список

1. Соколов Б. *Неизвестный Жуков: портрет без репутации в зеркале эпохи* / Б. Соколов. – Минск: Радиола-Плюс, 2000. – 608 с.

¹ Аваев Л. М. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера // *Общество и право*. 2007. № 2. С. 77–82.

² См.: Буткевич С. А. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2015. № 4 (30). С. 185–190.

³ См.: Аваев Л. М. Указ. соч.

⁴ См.: Клейменов М.П., Кондратьев А.В. Указ. соч.

2. Ускова А. С. О некоторых формах правоохранительной деятельности / А. С. Ускова // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 1. – С. 146–150.
3. Даньков Г. Л. Правовые и организационные проблемы проводимых органами внутренних дел Российской Федерации операций профилактической направленности / Г. Л. Даньков // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 1. – С. 110–113.
4. Федоров А. Ю. Проведение оперативно-профилактических операций в целях декриминализации экономических отношений / А. Ю. Федоров // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 7. – С. 209–211.
5. Клейменов М. П. Специальная профилактика преступлений / М. П. Клейменов, А. В. Кондратьев // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2018. – № 1. – С. 163–165.
6. Косарев А. В. Формы сотрудничества правоохранительных органов стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / А. В. Косарев // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 11. – С. 92–94.
7. Тимко С. А. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения групповой преступности несовершеннолетних / С. А. Тимко, А. В. Жайворонок // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 1. – С. 47–50.
8. Жайворонок А. В. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения виктимности несовершеннолетних / А. В. Жайворонок, С. А. Тимко // Виктимология. – 2016. – № 1. – С. 41–47.
9. Дубко Ю. В. Управление органами внутренних дел в чрезвычайных ситуациях: специальная тактика. Часть общая / Ю. В. Дубко. – Киев: РИО МВД Украины, 2001. – 280 с.
10. Большов И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения / И. В. Большов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 150–154.
11. Лаптий В. А. Основы управления органами внутренних дел в особых условиях / В. А. Лаптий. – Киев: РИО МВД Украины, 1996. – 116 с.
12. Аваев Л. М. К вопросу о понятии оперативно-розыскного обеспечения деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера / Л. М. Аваев // Общество и право. – 2007. – № 2. – С. 77–82.
13. Буткевич С. А. Оперативно-розыскное обеспечение деятельности органов внутренних дел в особых условиях: проблемы теории и практики / С. А. Буткевич // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 185–190.
3. Dan'kov G. L. Pravovye i organizacionnye problemy provodimyh organami vnutrennih del Rossijskoj Federacii operacij profilakticheskoj napravlenosti / G. L. Dan'kov // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2012. – № 1. – С. 110–113.
4. Fedorov A. YU. Provedenie operativno-profilakticheskikh operacij v celyah dekriminalizacii ekonomicheskikh otnoshenij / A. YU. Fedorov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 7. – С. 209–211.
5. Klejmenov M. P. Special'naya profilaktika prestuplenij / M. P. Klejmenov, A. V. Kondrat'ev // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo. – 2018. – № 1. – С. 163–165.
6. Kosarev A. V. Formy sotrudnichestva pravoohranitel'nyh organov stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v sfere protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov / A. V. Kosarev // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 11. – С. 92–94.
7. Timko S. A. Operativno-profilakticheskie operacii kak sredstvo preduprezhdeniya gruppovoj prestupnosti nesovershennoletnih / S. A. Timko, A. V. Zhajvoronok // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2016. – № 1. – С. 47–50.
8. Zhajvoronok A. V. Operativno-profilakticheskie operacii kak sredstvo preduprezhdeniya viktимности nesovershennoletnih / A. V. Zhajvoronok, S. A. Timko // Viktimologiya. – 2016. – № 1. – С. 41–47.
9. Dubko YU. V. Upravlenie organami vnutrennih del v chrezvychajnyh situacijah: special'naya taktika. CHast' obshchaya / YU. V. Dubko. – Kiev: RIO MVD Ukrainy, 2001. – 280 s.
10. Bol'shov I. V. Vnov' k voprosu opredeleniya ponyatiya operativno-rozysknogo obespecheniya / I. V. Bol'shov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 5. – С. 150–154.
11. Laptij V. A. Osnovy upravleniya organami vnutrennih del v osobyh usloviyah / V. A. Laptij. – Kiev: RIO MVD Ukrainy, 1996. – 116 s.
12. Avaev L. M. K voprosu o ponyatii operativno-rozysknogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennih del pri chrezvychajnyh obstoyatel'stvah kriminal'nogo haraktera / L. M. Avaev // Obshchestvo i pravo. – 2007. – № 2. – С. 77–82.
13. Butkevich S. A. Operativno-rozysknoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del v osobyh usloviyah: problemy teorii i praktiki / S. A. Butkevich // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4 (30). – С. 185–190.

Bibliograficheskij spisok

1. Sokolov B. Neizvestnyj ZHukov: portret bez retushi v zerkale epohi / B. Sokolov. – Minsk: Radiola-Plyus, 2000. – 608 s.
2. Uskova A. S. O nekotoryh formah pravoohranitel'noj deyatel'nosti / A. S. Uskova // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2020. – № 1. – С. 146–150.

Нейтрализация противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел (некоторые теоретические и практические аспекты)

Лаппо Егор Александрович,
Могилевский институт МВД,
кандидат юридических наук
e-mail: lapa.eko_part@tut.by

Любинин Евгений Михайлович,
Ленинский РОВД г. Могилева
e-mail: lapa.eko_part@tut.by

Кучук Милана Васильевна,
Могилевский институт МВД
e-mail: lapa.eko_part@tut.by

В статье исследуются теоретические и практические аспекты противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел. На основе анализа правоприменительной практики Республики Беларусь авторами сформулированы выводы о необходимости комплексного использования различных форм и методов для повышения эффективности деятельности оперативных подразделений, а также органов предварительного расследования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: раскрытие преступления; расследование; оперативные подразделения; оперативно-розыскные мероприятия; следственные действия; противодействие расследованию.

Neutralization of counteraction to criminal disclosure and investigation of criminal cases (theoretical and practical aspects)

Lappo Egor Aleksandrovich,
Mogilev Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Law

Lyubinin Evgeny Mihaylovich,
Leninsky District Department of Internal Affairs
of Mogilev

Kuchuk Milana Vasiljevna,
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus

The article examines the theoretical and practical aspects of countering the disclosure of crimes and the investigation of criminal cases. On the basis of the law enforcement practice of the Republic of Belarus, the authors formulated conclusions about the need for the integrated use of various forms and methods to improve the efficiency of law enforcement agencies.

Key words: crime detection; investigation; operational units; operational-search activities; investigative actions; counteraction to the investigation.

В настоящее время в Республике Беларусь отмечается устойчивое снижение общего количества совершенных преступлений. Вместе с тем это не означает снижение уровня противоборства преступной среды с правоохранительными органами. Процесс трансформации преступности имеет непрерывный характер и зависит от ряда факторов: экономических, социальных, политических и др. В частности, в глобальной компьютерной сети «Интернет» содержится большое количество информации о том, как осуществить тот либо иной вид преступления, изготовить огнестрельное оружие, взрывное устройство, предпринять действия, направленные в первую очередь на сокрытие и (или) уничтожение вещественных доказательств и следов, оказать активное противодействие правоохранительным органам в процессе осуществления ими деятельности в ходе раскрытия и расследования преступления, изобличения виновных.

Практика деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, предварительного расследования в Республике Беларусь и Российской Федерации свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев лица, совершившие преступления, стремятся любыми доступными способами уйти от установленной уголовным законом ответственности, предпринимая конкретные действия, затрудняющие либо делающие невозможным проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, осуществляют целенаправленную дискредитацию сотрудников правоохранительных органов, прилагают усилия по оказанию воздействия на потерпевших и свидетелей.

В указанных условиях представляются целесообразными разработка и внедрение в практическую деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел рекомендаций и тактических приемов, позволяющих нейтрализовать либо свести к минимуму негативные последствия, вызванные противодействием со стороны лиц, подготавливающих, совершающих либо совершивших преступления, а также обнаружить следы и вещественные доказательства, сокрытые в результате их целенаправленных действий.

Проблемы нейтрализации противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел отражены в работах таких ученых, как Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, А. В. Дулов, А. А. Закатов, И. А. Климов, И. М. Комаров, Ю. Г. Корухов, Н. И. Порубов, Е. Р. Россинская, Г. К. Сенилов и др.¹

¹ См.: Аверьянова Т. В. и др. Криминалистика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008; Климов И. А., Сенилов Г. К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: сб. ст. М.: Юрид. ин-т МВД России, 1997. С. 20–26; Комаров И. М. О понятии противодействия расследованию преступления как криминалистической категории и некоторых способах его преодоления // Расследование и противодействие ему в составе уголовного судопроизводства: процессуальные и

Исходя из сущности процесса противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел, его следует рассматривать в первую очередь как совокупность действий (бездействие), конечной целью которых выступает наступление таких последствий, при которых вероятность изобличения лиц, совершивших преступление, крайне мала, установление потерпевших, свидетелей и очевидцев, обнаружение следов и вещественных доказательств затруднительно либо невозможно. При этом противодействие осуществляется, как правило, непрерывно: как на стадии подготовки и совершения противоправного деяния, так и после.

Указанные выше действия характеризуются системностью, целенаправленностью и многовекторностью, поскольку для достижения максимального результата лицо воздействует на несколько объектов. Кроме того, данное воздействие может носить комплексный характер: осуществляться в различное время, различными средствами, в различной обстановке, что позволяет достаточно эффективно достигать результата, используя необходимый минимум средств и методов.

Эффективность нейтрализации противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел в общем случае можно выразить следующей формулой, которая в полной мере может быть использована применительно к рассматриваемой проблеме:

$$G = 1 - \prod_{i=1}^N (1 - G_i)$$

где G – вероятность достижения цели (максимально возможная эффективность нейтрализации противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел); N – количество используемых сил и средств, источников оперативно значимой информации; G_i – относительная вероятность достижения цели за счет использования i-ых сил и средств, источников оперативно значимой информации; П – знак произведения².

криминалистические вопросы: сб. науч. тр. М.: Акад. управления МВД России, 2007. С. 267–270; Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М.: Юрид. лит., 1973; Закатов А. А. О практике расследования грабежей и разбойных нападений, совершенных в условиях неочевидности // Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности: сб. науч. тр. Волгоград, 1989. С. 54–60; Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие. М.: Бек, 1998; Кокорин Д. Л., Мосина С. В. Отдельные аспекты тактики допроса несовершеннолетнего // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 21–27; и т. д.

² См.: Вентцель Е. С. Введение в исследование операций. М.: Советское радио, 1964. С. 59–60.

В таком случае относительная вероятность максимально возможной эффективности нейтрализации противодействия равна:

$$G = 1 - (1 - G_1) (1 - G_2) (1 - G_3) = 1 - (1 - 0,1) (1 - 0,1) (1 - 0,1) = 0,27$$

т. е. 27 %.

Теория и практика деятельности оперативных подразделений свидетельствуют, что с увеличением количества используемых сил и средств, источников оперативно значимой информации, задействованием при проведении оперативно-розыскных мероприятий наиболее подготовленных сотрудников максимально возможная эффективность нейтрализации противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел достигается за счет увеличения эффективности каждого элемента системы. Например:

$$G = 1 - (1 - G_1) (1 - G_2) (1 - G_3) = 1 - (1 - 0,3) (1 - 0,1) (1 - 0,4) = 0,62$$

т. е. 62 %.

Приведенные выше расчеты показывают, что результативность нейтрализации противодействия раскрытия преступлений и расследования уголовных дел зависит в первую очередь от совокупности объективных и субъективных факторов, используемых сил и средств, источников информации, уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Событие преступления порождает в пространстве совокупность связей с элементами как внутренней так и внешней среды; благодаря их отображению в пространстве возникает оперативно-розыскная и криминалистически значимая информация о личности преступника, способе совершения преступления, используемых орудиях и т. д. Несомненно, что основным фактором, способным оказать положительное влияние на складывающуюся в процессе раскрытия и расследования преступления ситуацию оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования является получение как оперативно значимой информации о преступлении, лицах, причастных к подготовке, совершению либо сокрытию преступления, потерпевших, очевидцах, так и иных сведений о лицах, фактах или событиях, находящихся в прямой или косвенной связи с событием преступления.

Таким образом, на всех этапах раскрытия преступлений и расследования уголовных дел возникает необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на получение таких данных, которые подтверждают, опровергают либо уточняют имеющуюся доказательственную информацию, позволяют оценить ее объективность и достоверность.

Оперативно значимая информация циркулирует в системе «источник информации – оперативный сотрудник». При этом поток исходных данных представляет собой случайный процесс, характеризующийся некоторой вероятностью появления сведений, представляющих оперативный интерес. Достоверность сведений в указанном потоке, как правило,

определяется надежностью источника информации, устойчивостью канала ее поступления, наличием промежуточных звеньев, а также возможностью интерпретации содержащихся в ней сведений. Именно возможность адекватной интерпретации поступающего оперативному сотруднику объема информации в конкретных условиях и определенный момент времени позволяет выбрать правильное решение в складывающейся оперативно-розыскной ситуации, предложить алгоритм решения возникшей задачи, перечень используемых при этом сил и средств оперативно-розыскной деятельности.

В связи с этим показателем пример раскрытия преступления прошлых лет – разбойного нападения, совершенного на букмекерскую контору в г. Минске в 2016 году. За час до закрытия конторы в операционный зал вошел неустановленный мужчина и под угрозой пистолета завладел крупной денежной суммой, после чего скрылся в неизвестном направлении. На его лице была медицинская маска, что делало практически невозможным составление субъективного портрета и поиск лица с использованием автоматизированных систем портретной идентификации. Руки преступника были в перчатках.

При осмотре места происшествия следов и вещественных доказательств, способствующих раскрытию указанного преступления, обнаружено не было, обход близлежащих дворовых территорий также результатов не дал (в 35 метрах от букмекерской конторы расположена остановка общественного транспорта, на котором, как выяснилось впоследствии, скрылись преступники).

Во время первоначальной отработки версий происшедшего и анализа видеозаписей камер видеонаблюдения, установленных в операционном зале у рабочего места кассира, в качестве свидетеля был опрошен эксперт, специализирующийся на производстве судебных баллистических экспертиз и исследований. В ходе анализа видеозаписи свидетель пояснил, что по характерной форме переднего среза кожуха-затвора и форме курка пистолета можно сделать вывод, что данный предмет является газобаллонным пневматическим пистолетом MP-654K (имеет внешнее сходство с боевым пистолетом конструкции Макарова), кожух-затвор данного пистолета имеет износ (обусловлен мягкостью металла, из которого он изготовлен), не позволяющий подвижным деталям функционировать в режиме, предусмотренном конструкцией. Кроме того, был сделан вывод, что преступник не имеет навыков обращения с огнестрельным оружием, исходя из его манипуляций с пистолетом, зафиксированных на видеозаписи в момент совершения разбойного нападения.

Указанные выводы подтвердились через год, когда по результатам проводимых негласных оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Министерства внутренних дел Республики Беларусь были задержаны граждане П.

и Т., совершившие данное разбойное нападение, а орудие преступления изъято в ходе обыска. Наличие квалифицированных выводов, сделанных экспертом-баллистом по результатам просмотра видеозаписей на камерах видеонаблюдения, а также легализация результатов проводимых оперативно-розыскных мероприятий на основе ранее полученной ориентирующей информации позволили изобличить указанных лиц в совершении данного преступления. В отношении П. и Т. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу; впоследствии они были осуждены к длительным срокам заключения¹.

Основным внешним фактором, оказывающим значительное влияние на оперативно-розыскную ситуацию при противодействии раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел, является время. Как справедливо отмечается в юридической литературе, время имеет важное криминалистическое и оперативно-розыскное значение, поскольку позволяет определять последовательность действий, образующих способ совершения и сокрытия преступления, обуславливает обстановку, способствует верной оценке обстоятельств события преступления, помогает сужать круг подозреваемых лиц и решать другие задачи².

Изложенное выше подтверждается результатами деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при раскрытии преступлений прошлых лет. Временной фактор при этом может оказывать как негативное (влечет утрату материальных и идеальных следов), так и позитивное влияние на процесс раскрытия преступления (лицо, совершившее преступление, перестает проявлять осторожность; лица, которые в силу определенных причин не сообщали в правоохранительные органы сведения о преступлении, ставшие им известными, при проведении оперативно-розыскных мероприятий идут на контакт с сотрудниками правоохранительных органов).

В данном аспекте основным инструментом по установлению обстоятельств совершенного преступления прошлых лет становится проведение экспертиз и исследований, позволяющих подтвердить или опровергнуть сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, проведенных ранее.

Так, в ходе раскрытия уголовного дела, возбужденного по факту безвестного исчезновения гражданки Республики Беларусь К. в 2011 г., сотрудниками уголовного розыска был проведен ряд оперативно-розыскных мероприятий, связанных со сбором и анализом сведений как о ней, так и ее ближайшем окру-

жении. В результате была установлена причастность к исчезновению К. ее приемной матери – гражданки В., которая ранее неоднократно привлекалась к уголовной ответственности за совершение тяжких преступлений³.

В. всячески отрицала свою причастность к пропаже К., выдвигала множество трудно проверяемых версий происшедшего, рассчитывая максимально затруднить процесс проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий путем распыления сил и средств правоохранительных органов. В частности, ею лично либо с использованием знакомых совершались телефонные звонки от имени К. ее близким, подыскивались «свидетели», видевшие пропавшую. Позднее труп потерпевшей был сожжен в печи, а пепел рассеян.

Вместе с тем предпринимаемые фигуранткой усилия по противодействию раскрытию указанного преступления не смогли помешать привлечению ее к уголовной ответственности. Изобличению В. и ее сообщника способствовало комплексное использование сил и средств оперативно-розыскной деятельности, в том числе с использованием негласных источников, своевременное проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, тщательный анализ поступающей информации. Так, установить факт смерти К. помогла судебно-биологическая экспертиза посмертно отделившихся от трупа ногтевых пластинок и волос без вести пропавшей, сохранившихся в месте первоначального захоронения.

В процессе раскрытия данного преступления была установлена причастность В. к организации убийства гражданки Л., совершенного в 1992 г., с целью завладения принадлежащим потерпевшей жилым домом. Анализ дела оперативного учета, уголовного дела и материалов, содержащихся в них, позволил определить направления работы по установлению всех обстоятельств убийства Л.

Из имеющихся материалов следовало, что В. незадолго до убийства Л. приезжала к своему знакомому – председателю сельского совета для оформления поддельного завещания от имени Л. в свою пользу. В. передвигалась на автомашине ВАЗ-2101 красного цвета вместе с неустановленным мужчиной (до 2011 г. установить принадлежность автомашины и личность водителя, исходя из материалов дела оперативного учета, не представлялось возможным).

Оперативным сотрудником в ходе проверки информации о знакомых фигурантки в период с 1991 по 1993 г. были отработаны родители и знакомые двух братьев – Е. и Д., страдавших наркотической зависимостью, ранее входивших в круг общения В. (к моменту проведения оперативно-розыскных мероприятий умерли). При проведении оперативного опроса матери братьев, а также ее соседки по лестничной клетке Н., погибший сын которой входил в компанию Е. и Д.,

¹ В Минске задержаны подозреваемые в нападении на букмекерскую контору [Электронный ресурс] // Сайт белорусского телеграфного агентства БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/incident/view/v-minske-zaderzhany-podozrevaemye-v-napadenii-na-bukmekerskuju-kontoru-259487-2017/> (дата обращения: 31.08.2020).

² См.: Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск: Амалфея, 2001. С. 155–157.

³ Уголовное дело № 1715192 // Архив Минского городского суда за 2013 г.

было установлено, что в собственности сына Н. находилась автомашина ВАЗ-2101 красного цвета, на которой он и один из братьев погибли в автомобильной катастрофе в 1993 году. Впоследствии К., оформлявший завещание, опознал по предъявленным ему фотоизображениям в сыне Н. водителя автомашины, с которым В. приезжала к нему в сельсовет¹.

Изложенное в настоящей статье позволяет сделать следующие выводы.

1. Конечной целью противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел является достижение максимально возможного результата воздействия на нормальное функционирование правоохранительной системы государства, снижение ее эффективности, невозможность изобличения лиц, подготавливающих, совершающих либо совершивших преступления, и привлечения их к установленной законом ответственности.

2. Противодействие, как правило, осуществляется непрерывно, характеризуется системностью, целенаправленностью и многовекторностью. Совокупность форм и методов нейтрализации противодействия раскрытию преступлений и расследованию уголовных дел в зависимости от складывающейся конкретной оперативно-розыскной или следственной ситуации может носить процессуальный, криминалистический, оперативной-розыскной, уголовно-правовой и иной характер. Вместе с тем эффективность используемых правоохранительными органами форм и методов по нейтрализации противодействия со стороны заинтересованных лиц увеличивается при комплексном применении таких форм и методов их использования вне зависимости от вида противодействия (простого или сложного).

3. Возможность негативного воздействия на процесс раскрытия преступлений и расследования уголовных дел может быть минимизирована путем увеличения количества используемых сил и средств, источников оперативно значимой информации, возможности ее качественной интерпретации, использования передовых достижений в области судебной экспертизы, современных информационных технологий, задействования при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий наиболее подготовленных сотрудников.

4. Временной фактор оказывает значительное влияние на процесс раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Выявление закономерностей изменения свойств элементов системы преступления, произошедших под его воздействием, их текущее состояние в конкретный момент времени, правильная их интерпретация позволяют получить необходимую для раскрытия и расследования преступления оперативно-розыскную и криминалистически значимую информацию.

¹ Уголовное дело № 1715192 // Архив Минского городского суда за 2013 г.

Библиографический список

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2008. – 944 с.
2. Климов И. А. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД / И. А. Климов, Г. К. Синилов // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: сб. ст. – Москва: Юрид. ин-т МВД России, 1997. – С. 20–26.
3. Комаров И. М. О понятии противодействия расследованию преступления как криминалистической категории и некоторых способах его преодоления / И. М. Комаров // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы: сб. науч. тр. – Москва: Акад. управления МВД России, 2007. – С. 267–270.
4. Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А. В. Дулов. – Москва: Юрид. лит., 1973. – 168 с.
5. Закатов А. А. О практике расследования грабежей и разбойных нападений, совершенных в условиях неочевидности / А. А. Закатов // Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности: сб. науч. тр. – Волгоград, 1989. – С. 54–60.
6. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие / Н. И. Порубов. – Москва: Бек, 1998. – 196 с.
7. Кокорин Д. Л. Отдельные аспекты тактики допроса несовершеннолетнего / Д. Л. Кокорин, С. В. Мосина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 21–27.
8. Вентцель Е. С. Введение в исследование операций / Е. С. Вентцель. – Москва: Советское радио, 1964. – 390 с.
9. В Минске задержаны подозреваемые в нападении на букмекерскую контору [Электронный ресурс] // Сайт белорусского телеграфного агентства БЕЛТА. – URL: <https://www.belta.by/incident/view/v-minske-zaderzhany-podozrevaemye-v-napadenii-na-bukmekerskuju-kontoru-259487-2017/> (дата обращения: 31.08.2020).
10. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Aver'yanova T. V. Kriminalistika: uchebnik / T. V. Aver'yanova [i dr.]. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma, 2008. – 944 s.
2. Klimov I. A. Protivodejstvie kriminal'noj sredy kak ob'ekt i predmet issledovaniya teorii ORD / I. A. Klimov, G. K. Sinilov // Organizovannoe protivodejstvie raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenij i mery po ego nejtralizacii: sb. st. – Moskva: YUrid. in-t MVD Rossii, 1997. – S. 20–26.
3. Komarov I. M. O ponyatii protivodejstviya rassledovaniyu prestupleniya kak kriminalisticheskoy

kategorii i nekotoryh sposobah ego preodoleniya / I. M. Komarov // *Rassledovanie i protivodejstvie emu v sostyazatel'nom ugovnom sudoproizvodstve: processual'nye i kriminalisticheskie voprosy: sb. nauch. tr.* – Moskva: Akad. upravleniya MVD Rossii, 2007. – S. 267–270.

4. Dulov A. V. *Osnovy psihologicheskogo analiza na predvaritel'nom sledstvii* / A. V. Dulov. – Moskva.: YUrid. lit., 1973. – 168 s.

5. Zakatov A. A. *O praktike rassledovaniya grabezhej i razbojnyh napadenij, sovershennyh v usloviyah neochevidnosti* / A. A. Zakatov // *Problemy raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh v usloviyah neochevidnosti: sb. nauch. tr.* – Volgograd, 1989. – S. 54–60.

6. Porubov N. I. *Taktika doprosa na predvaritel'nom sledstvii: ucheb. posobie* / N. I. Porubov. – Moskva: Bek, 1998. – 196 s.

7. Kokorin D. L. *Otdel'nye aspekty taktiki doprosa nesovershennoletnego* / D. L. Kokorin, S. V. Mosina // *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* – 2016. – № 2. – S. 21–27.

8. Ventcel' E. S. *Vvedenie v issledovanie operacij* / E. S. Ventcel'. – Moskva: Sovetskoe radio, 1964. – 390 s.

9. *V Minske zaderzhany podozrevaemye v napadenii na bukmekerskuyu kontoru* [Elektronnyj resurs] // *Sajt belorusskogo telegrafnogo agentstva BELTA.* – URL: <https://www.belta.by/incident/view/v-minske-zaderzhany-podozrevaemye-v-napadenii-na-bukmekerskuju-kontoru-259487-2017/> (data obrashcheniya: 31.08.2020).

10. Ermolovich V. F. *Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij* / V. F. Ermolovich. – Minsk: Amalfeya, 2001. – 304 s.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 343.2/7

Уголовно-правовые вопросы обеспечения бюджетной безопасности в России

Григорьева Ирина Валерьевна,
Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России
e-mail: giv2190@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы предусмотренной в настоящее время уголовно-правовой охраны бюджетных средств, несоответствия установленной равной уголовной ответственности за хищение бюджетных средств и хищение иного имущества имеющимся особенностям объекта, предмета и повышенной общественной опасности преступных посягательств на бюджетные средства.

Ключевые слова: преступные посягательства на бюджетные средства; хищение бюджетных средств; многообъектность; бюджетная безопасность.

Criminal law issues of implementation budget security in Russia

Grigorieva Irina Valer'evna,
Advanced Training Institute of the MIA of Russia

The article deals with the problems of currently provided criminal legal protection of budget funds, the discrepancy between the established equal criminal liability for theft of budget funds and theft of other property to the existing features of the object, subject and the increased public danger of criminal attacks on budget funds.

Key words: criminal encroachments on budget funds; embezzlement of budget funds; multi-object nature; budget security.

С принятием в 1996 г. ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации¹ установлена равная уголовная ответственность за незаконные действия с чужим имуществом независимо от его принадлежности к какой-либо форме собственности. В то же время законодателем постепенно отражается в уголовном законе, как охраняющем наиболее значимые общественные отношения, необходимость усиленного противодействия незаконному обращению с государственными и муниципальными бюджетными средствами.

Так, в 2003 г. установлена уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ)². В 2012 г. в уголовный закон

включен специальный состав – мошенничество при получении выплат (ст. 159²)³ в связи с распространённостью таких преступлений. На протяжении нескольких лет Президентом РФ В. В. Путиным неоднократно ставилась задача усилить контроль и защиту средств бюджета от преступных посягательств⁴. Наконец, в 2017 г. введена особая уголовная ответственность за

Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

⁴ Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 4 декабря 2014 г., 3 декабря 2015 г.; выступление на расширенном заседании коллегии ФСБ России 16 февраля 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.06.2020).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс

злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285⁴) и за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201¹)¹, где задействуются бюджетные средства. В большей части эти нововведения касаются преступных посягательств на бюджетные средства, относящихся к преступлениям против государственной власти. Однако хищение бюджетных средств законодатель по-прежнему не выделяет из общих составов хищений чужого имущества, тем самым определяя его только как преступление против собственности. Отображая в вышеприведенных новеллах уголовного закона необходимость усиленного противодействия преступным посягательствам на бюджетные средства, законодатель по-прежнему оставляет уголовную ответственность за хищение бюджетных средств равной уголовной ответственности за хищение иного чужого имущества.

Действительно, если рассматривать хищение бюджетных средств только в таком аспекте, то можно сказать, что здесь нет никакого противоречия и соблюдается провозглашенная Конституцией РФ равная защита всех форм собственности. Однако если рассмотреть вопрос глубже, станет ясно, что эта позиция неверна.

Во-первых, такая равная защита всех форм собственности означает равную возможность всех субъектов собственности (будь то государство, юридическое лицо, гражданин) защитить право, нарушенное в связи с хищением их имущества, посредством обращения в правоохранительные органы и участия в уголовном и судебном процессе.

Во-вторых, уголовным законом устанавливается разная уголовная ответственность в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего.

В-третьих, для установления того, какое место занимают хищения бюджетных средств, представим все совершающиеся преступные посягательства на такие средства согласно тем группам уголовно-правовых норм-запретов, в соответствии с которыми они квалифицируются в настоящее время:

1) нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ), а также связанные с бюджетными средствами злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 285⁴), превышение должностных полномочий (ст. 286), служебный подлог (ст. 292), халатность (ст. 293);

2) незаконное получение государственного целевого кредита (ч. 2 ст. 176), осуществляемого бюджетными средствами;

3) связанные с бюджетными средствами злоупотребления полномочиями (ст. 201);

4) хищения бюджетных средств, которые уголовным законом не предусмотрены в качестве самостоятельного преступления, а относятся к общему составу – хищениям чужого имущества. Это мошенничество (ст. 159), мошенничество при получении выплат (ст. 159²), присвоение и растрата (ст. 160).

Между тем сравнение показателей противодействия преступным посягательствам на бюджетные средства (с 2013 по 2018 г.)² позволило сделать вывод, что хищения бюджетных средств по характеру и степени общественной опасности значительно превышают остальные преступные посягательства на бюджетные средства, так как ежегодно составляют в среднем 82 % от общего числа таких преступлений.

Сравнение показателей противодействия хищениям бюджетных средств и хищениям предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), в общей массе хищений чужого имущества, совершенных в России за тот же период, показало следующее. Несмотря на то, что материальный ущерб, причиненный хищениями предметов, имеющих особую ценность, составляет незначительную часть общего ущерба, причиненного всеми хищениями чужого имущества (ежегодно в среднем 0,0002 %), такое преступление выделено в структуре имущественных преступлений под особую уголовную ответственность, причем независимо от способа хищения, и признано тяжким преступлением (ч. 1 ст. 164), при квалифицирующих обстоятельствах – особо тяжким (ч. 2 ст. 164). Это объясняется тем, что предмет такого преступления уникален, имеет особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, особую общественную значимость, потому и преступление имеет повышенную общественную опасность. Между тем хищения бюджетных средств в такой структуре более опасны (ущерб от них за данный период составил в среднем 40 % ущерба, причиненного всеми хищениями чужого имущества). Приравнение бюджетных средств к предмету преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, ввиду их повышенной общественной значимости, «уникальности» объясняется их назначением – они являются финансовым обеспечением задач и функций государства и местного самоуправления³ по реализации признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека, по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека⁴, общества, страны. Соответственно, повышенная общественная опасность преступных посягательств на бюджетные средства с их изъятием из бюджета (хищением) должна быть отражена в уголовном законе в полной мере.

² Сведения ГИАЦ МВД России за 2013–2018 годы.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2007.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с поправками) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 52.

Кроме того, анализ приговоров по таким преступлениям позволил сделать вывод о том, что хищениями бюджетных средств нарушаются отношения в сфере осуществления органами государственной власти и местного самоуправления деятельности по их законному расходованию. Кроме того, хищениями бюджетных средств нарушаются отношения государственной или муниципальной собственности, которые состоят в присвоении имущества собственнику. Вместе с тем от наличия этой присвоенности зависит возможность выполнения органами государственной власти и местного самоуправления своих обязательств по обеспечению прав и законных интересов граждан и общества. К тому же хищениями бюджетных средств нарушаются и отношения в той сфере, финансовым обеспечением которых они

являются. Таким образом, указанные нарушаемые отношения взаимосвязаны между собой, потому хищение бюджетных средств отличается от иных хищений многообъектностью преступления. В совокупности рассмотренные отношения обеспечивают бюджетную безопасность при условии эффективной охраны государственной или муниципальной собственности, деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по расходованию бюджетных средств в установленном законом порядке. Бюджетная безопасность является условием реализации личностных, общественных и государственных интересов и нужд. Схематично совокупность отношений, представляющих многообъектность хищения бюджетных средств, можно представить следующим образом (схема 1).

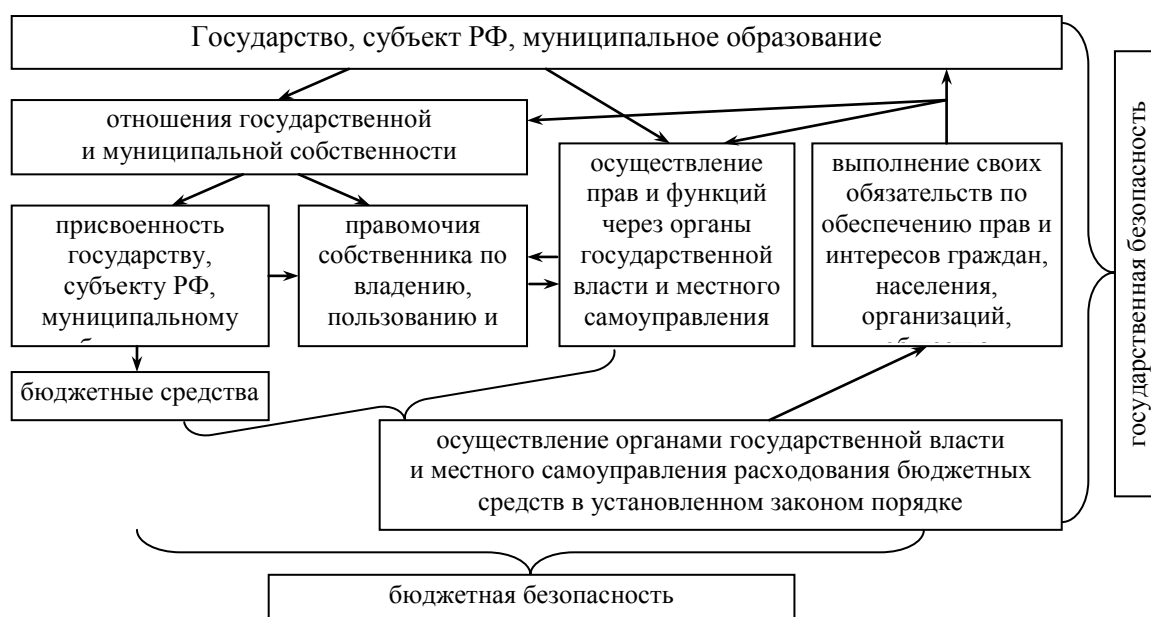

Схема 1. Многообъектность хищения бюджетных средств

Многообъектность в совокупности с повышенной общественной значимостью предмета хищений бюджетных средств характеризует такие преступления как имеющие повышенную общественную опасность по сравнению с иными хищениями чужого имущества. По таким основаниям согласно присущей уголовному закону России максимальной дифференциации уголовной ответственности следует дифференцировать и уголовную ответственность за рассматриваемые преступления. Последствием такой дифференциации предполагается меньшая свобода правоприменителя действовать по своему усмотрению и только в соответствии с той мерой уголовной ответственности, которая установлена уголовным законом.

Установление особой уголовной ответственности за хищение бюджетных средств как специальный вид хищения потребует переработки применяемого комплекса уголовно-правовых мер по противодействию таким преступлениям, в том числе путем отнесения их к преступлениям средней тяжести, а при наличии

квалифицирующих признаков – к тяжким и особо тяжким. Это к тому же влечет за собой установление уголовной ответственности и за приготовление к совершению хищения бюджетных средств в сумме, превышающей 250 тыс. рублей.

Так, изучение приговоров по хищениям бюджетных средств (выборочная совокупность обеспечивает должный уровень репрезентативности согласно таблице В. И. Паниотто) показало следующее:

1) 65 % из них составили хищения бюджетных средств, предусмотренные ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159² и ч. 3 ст. 160 УК РФ;

2) 39,5 % от всех рассмотренных преступлений составили хищения бюджетных средств в сумме до 250 тыс. рублей, 31,7 % – от 250 тыс. до 1 млн рублей, 28,8 % – более 1 млн рублей;

3) не возмещен причиненный ущерб по 30,5 % из числа хищений бюджетных средств в сумме до 250 тыс. рублей, по 65,7 % хищений бюджетных средств в сумме от 250 тыс. до 1 млн рублей, по

69,9 % хищений бюджетных средств в сумме более 1 млн рублей.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о наибольшей распространенности хищений бюджетных средств, предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159² и ч. 3 ст. 160 УК РФ, в настоящее время относящихся к категории преступлений средней тяжести. Соотношение хищений бюджетных средств внутри данного вида преступлений в зависимости от суммы причиненного ущерба распределилось примерно в равных долях, но по сумме возмещенного ущерба преобладают хищения бюджетных средств на сумму более 250 тыс. рублей. Как видим, это одно из оснований необходимости установления уголовной ответственности за приготовление к хищению бюджетных средств в сумме, превышающей 250 тыс. рублей, т. е. квалифицируемому по ч. 3 соответствующей статьи УК РФ и относящемуся к категории средней тяжести в настоящее время.

Кроме того, изучение иных преступных посягательств на бюджетные средства в соответствии с вышеуказанными группами позволило выявить следующее. Преступления, относящиеся к каждой из групп, уголовным законом предусмотрены в соответствующей главе УК РФ как направленные против определенных общественных отношений как объекта посягательства. Первая группа – к гл. 30 УК РФ (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления), вторая группа – к гл. 22 УК РФ (преступления в сфере экономической деятельности), третья группа – к гл. 23 УК РФ (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях), четвертая группа – к гл. 21 УК РФ (преступления против собственности). Однако анализ приговоров по преступным посягательствам на бюджетные средства показал, что терпят ущерб не только обозначенные законодателем общественные отношения, по которым такие преступления включены в определенную главу, но одновременно и общественные отношения в той сфере, для которой предназначены бюджетные средства, т. к. они являются адресными и целенаправленными. Так, вследствие злоупотреблений должностными полномочиями бюджетные средства задействуются не в той сумме, которая требуется для надлежащего выполнения работ, заказов, имеющих общественное значение.

Кроме того, вышеприведенные нормы-запреты не собраны в одном разделе или главе уголовного закона. Тем самым законодателем подчеркивается различие как в самих общественных отношениях, на которые посягают данные преступления, так и в характере и степени общественной опасности таких посягательств и лиц, их совершающих.

В то же время общим объектом посягательства, который одновременно нарушается при совершении любого преступления из вышеназванных групп и объединяет все преступные посягательства на бюджетные средства, является бюджетная безопасность.

Ее характерными признаками как объекта преступного посягательства являются отношения в сфере государственной власти и местного самоуправления по расходованию бюджетных средств и отношения в той сфере, финансовым обеспечением которой являются бюджетные средства согласно их целевому назначению.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, считаем, что в настоящее время с целью максимальной защиты бюджетных средств от преступных посягательств и обеспечения бюджетной безопасности необходимо признание преступных посягательств на бюджетные средства особой группой преступлений и объединение уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за их совершение, в один дополнительный раздел УК РФ «Преступления против бюджетной безопасности». Также требуется установление в таком разделе соответствующей специальной уголовно-правовой нормы-запрета на хищение бюджетных средств с отнесением данного преступления в простом составе к преступлению средней тяжести (при наличии квалифицирующих признаков – к тяжкому и особо тяжкому), и, соответственно, переработка применяемого комплекса уголовно-правовых и иных мер по противодействию преступным посягательствам на бюджетные средства.

Библиографический список

1. Сведения ГИАЦ МВД России за 2013 – 2018 годы.

Bibliograficheskiy spisok

1. Svedeniya GIAC MVD Rossii za 2013 – 2018 gody.

Теоретические и прикладные аспекты квалификации преступлений, совершенных в местах лишения свободы

Егорова Татьяна Игоревна,
Академия Федеральной службы исполнения
наказаний Российской Федерации,
кандидат юридических наук
e-mail: madamti62@yandex.ru

В рамках настоящей статьи исследуются возможности отражения характера и степени общественной опасности преступлений, совершенных в местах лишения свободы, при их квалификации. Особое внимание уделяется анализу состояния уголовного законодательства в рассматриваемой сфере и возможностей его совершенствования. Рассматриваются отдельные вопросы конструкции составов преступлений, совершенных при отбывании наказания.

Ключевые слова: квалификация преступлений; лишение свободы; исправительные учреждения; осужденные; представители власти.

Theoretical and applied aspects of qualification of crimes committed in places of imprisonment

Egorova Tatiana Igorevna,
Academy of the Federal penitentiary service
of the Russian Federation, Candidate of Law

In the framework of this article, the possibilities of reflection in the qualification of the nature and degree of public danger of crimes committed in places of deprivation of liberty are investigated. Special attention is paid to the analysis of the state of criminal legislation in this area and opportunities for its improvement. Separate questions of construction of structures of the crimes committed at serving of punishment are considered.

Key words: qualification of crimes; deprivation of liberty; correctional institutions; convicts; authorities.

Несмотря на бесконечное разнообразие преступлений, существующих в реальной действительности, состав любого из них характеризуется четырьмя элементами, в различной степени описанными в диспозициях статей Особенной части УК РФ. Именно по объективным и субъективным признакам различные составы преступлений объединяются или отграничиваются друг от друга.

Наличие единой структуры элементов объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны определяет возможность обращения к общей теоретической концепции состава преступления при рассмотрении посягательств, совершенных в местах лишения свободы.

Учение о составе преступления основано на единстве повторяющихся и обязательных в каждом общественно опасном деянии признаков, позволяющих объединить их в процессе квалификации в определенные группы по очередности и значимости.

Составы преступлений, совершенных в местах лишения свободы, возможно объединить в одну группу и одновременно отграничить друг от друга по каче-

ственным признакам объекта преступления, который может выступать основным, дополнительным или факультативным, по объективному признаку места совершения преступления, а также специальному субъекту преступления (участник уголовно-исполнительных правоотношений).

Следует отметить, что на сегодняшний день не все преступления, совершаемые в местах лишения свободы, отличаются какими-либо особенностями состава в связи с нарушением установленного порядка исполнения наказания. Например, такие посягательства, как убийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести и другие так называемые общеуголовные преступления, совершенные в местах лишения свободы, квалифицируются по общим основаниям.

Вместе с тем при наличии особенностей объекта и субъекта посягательств указанные деяния могут быть признаками преступлений против правосудия (ч. 3 ст. 313 УК РФ) или против порядка управления (ст. 317, 321 УК РФ).

В процессе квалификации происходит сопоставление признаков состава преступления, закрепленных в законе, и реального общественно опасного деяния. С учетом всех версий происходит оценка доказательств и подбор наиболее обоснованной модели посягательства, соответствующей признакам конкретного состава преступления.

Логическая деятельность, связанная с квалификацией преступления, основывается на категориях диалектики. В преступлении наиболее значимые признаки выступают символами, обозначающими элементы состава преступления. Наиболее типичное их повторение свидетельствует о возможности квалификации деяния по конкретной статье Особенной части УК РФ. Данное обстоятельство позволяет объединять отдельные части, имеющие свои особенности, в единое целое, обладающее типичной характеристикой преступления.

Составы преступлений, совершенных в местах лишения свободы, характеризует посягательство в единой совокупности составляющих его частей – элементов, которые обладают свойствами интеграции в своей взаимосвязи и дополнении. Объединяющим признаком данных деяний является связь посягательства с деятельностью исправительных учреждений, которая нарушается субъектами или участниками уголовно-исполнительных отношений, а также другими лицами. Лишь достаточное основание полагать наличие в реальной действительности причинения или создания угрозы причинения вреда указанным государственным интересам позволяет квалифицировать деяние как преступление.

Состав преступления по своему содержанию не сводится к свойствам элементов преступления, которые обладают своими отличительными характеристиками. Вместе с тем основание уголовной ответственности может существовать только при наличии всех признаков состава конкретного преступления.

Так, например, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, отличается по своей конструкции от различных видов насилия признаками объекта и субъективной стороны, выступающими в качестве критериев разграничения. Несмотря на наличие отдельных смежных характеристик с иными насильственными посягательствами, данные преступления обладают различными степенью и характером общественной опасности.

Примечательно, что, несмотря на относительно продолжительные сроки исполнения наказания, в отличие от судебного разбирательства или осуществления предварительного расследования, порядок реализации лишения свободы не обеспечен уголовно-правовыми гарантиями в необходимой мере. Так, не предусмотрена уголовная ответственность за воспрепятствование деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по аналогии со ст. 294 УК РФ; угрозы (за исключением физического насилия) в связи с осуществлением деятельности уч-

реждений, обеспечивающих изоляцию от общества, по аналогии со ст. 296 УК РФ; клевету в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей по аналогии со ст. 297 УК РФ. Вместе с тем очевидно, что пенитенциарный процесс организуется в отношении наиболее опасных в общественном отношении осужденных.

По данным официальной статистики, в структуре тюремного населения увеличивается доля лиц, имеющих неоднократный опыт отбывания наказания в местах лишения свободы (около 36 % отбывают лишение свободы три и более раз), осужденных за совершение насильственных преступлений (около 30 % отбывают наказание за совершение убийств, причинение тяжкого вреда здоровью). Вместе с тем стабильно высоким остается число осужденных к краткосрочному лишению свободы на срок до трех лет (около 24 %) и длительным срокам лишения свободы свыше десяти лет (около 32 %), тогда как основную часть осужденных составляют лица, отбывающие лишение свободы на срок от 3 до 10 лет (около 57 %)¹.

Подтверждением достаточно напряженной оперативной ситуации в местах лишения свободы являются данные о количестве осужденных, находящихся на профилактических учетах. Так, в 2018 г. из более чем 78 тыс. осужденных, состоящих на профилактических учетах в учреждениях уголовно-исполнительной системы, 8596 осужденных склонны к потреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих препаратов и алкогольных напитков, 7177 – склонных к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка, 5168 – склонных к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов, 3189 – организующих или активно участвующих в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды, 2405 – изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию, 1399 – организующих и провоцирующих групповое противодействие требованиям администрации, 1299 – лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других осужденных, 855 – отбывающих наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки и т. д.² Каждое второе преступление, зарегистрированное в местах лишения свободы, совершается лицами, состоящими на профилактических учетах.

Таким образом, процесс исполнения уголовных наказаний тесно связан с деятельностью, представляющей повышенную общественную опасность, т. к. сама пенитенциарная практика является особо социально значимым процессом, связанным с изоляцией

¹ Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы за четвертый квартал 2018 года // Документ опубликован не был. Доступ из ФГИС «Статистика УИС» (дата обращения: 28.06.2020).

² Там же.

и исправлением осужденных, предупреждением совершения новых преступлений.

Отсутствие достаточной уголовно-правовой охраны принципа невмешательства в законную деятельность уголовно-исполнительной системы создает неопределенность правоприменения. То есть для достоверного установления состава конкретного преступления необходимо изучение каждого его признака с различных точек зрения, изучение реальных обстоятельств посягательства с помощью отдельных процессуальных действий, носящих зачастую проверочный и повторный характер.

Подобной сложности при квалификации возможно избежать, установив конкретные уголовно-правовые запреты, обеспечивающие порядок исполнения наказания как процесса, неразрывно связанного с осуществлением правосудия.

В связи с этим отдельные авторы предлагают ввести соответствующие квалифицирующие признаки в статьи Особенной части УК РФ. Например, профессор Е. А. Антонян обосновывает необходимость дополнения составов преступлений против личности, характерных для мест лишения свободы (убийство, умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью), признаками специального субъекта совершения преступления: совершение деяния «лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы», а составов побега, уклонения от отбывания лишения свободы, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, дополнительным признаком специального субъекта: совершение преступлений «лицом, имеющим судимость за них»¹ (т. е. совершение тождественного рецидива). Также профессор М. Ф. Костюк придерживается мнения о необходимости дополнения ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 111, ч. 2 ст. 112 УК РФ квалифицирующими признаками, предусматривающими ответственность за совершение деяния «осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы в целях терроризирования осужденных», а ч. 2 ст. 132, ст. 133 и ч. 2 ст. 213 УК РФ – за совершение деяния «осужденным во время отбывания наказания в виде лишения свободы»².

Однако возможно согласиться с точкой зрения В. О. Миронова, что порой недостатки в деятельности администрации исправительных учреждений способствуют возникновению длящихся виктимологических ситуаций, при которых пенитенциарный процесс протекает в условиях существенного криминального влияния, и тогда «ужесточение уголовной ответственности за преступления, совершенные в местах лишения свободы, криминологически не обоснованно»³.

¹ Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 16.

² Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 15.

³ Миронов В. О. Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, и их предупреждение: автореф.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Владимира от 27 июля 2018 г. по делу № 1-91/2018 виновным по ч. 1 ст. 105 УК РФ признан М. Д. А., который, находясь с нарушением правил раздельного содержания в одной камере СИЗО с другими осужденными, совершил убийство в связи с противоправным поведением потерпевшего, применявшего к М. Д. А. пытки. Вместе с тем суд обоснованно уклонился от исследования в судебном заседании фактов причастности к противоправным действиям потерпевшего представителей администрации СИЗО и превышения ими должностных полномочий, мотивировав свою позицию проведением в этой связи отдельных проверочных мероприятий, инициированных прокуратурой Владимирской области в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ⁴.

Как представляется, совершение преступления в местах лишения свободы возможно признать отягчающим обстоятельством, указав по аналогии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, что при этом необходимо учитывать характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного.

Наиболее значимым при квалификации преступлений, совершенных в местах лишения свободы, является определение объекта посягательства. Установленный законом порядок исполнения наказания предусматривает достижение целей исправления осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

Уникальность каждого факта совершения преступления в местах лишения свободы не исключает наличия общих подходов к квалификации, методике и тактике расследования преступлений рассматриваемой категории. Каждое единичное посягательство обладает определенной совокупностью присущих только ему признаков, которые, однако, возможно соотносить с элементами общего состава преступления.

При квалификации преступления из всей совокупности индивидуально определенных характеристик выбираются только те, которые имеют прямое отношение к указаниям закона.

Статья 73 УПК РФ закрепляет предмет доказывания по уголовным делам: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012. С. 9.

⁴ Приговор № 1-66/2019 от 8 февраля 2019 г. по делу № 1-66/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2KqkLHs4a1> (дата обращения: 28.06.2020).

8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104¹ УК РФ, обладает признаками, указанными в этой статье. Также подлежат установлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Очевидно, что данные обстоятельства, не имея, зачастую, отношения к составу преступления и его квалификации, прямо или косвенно определяют фактическую основу доказывания.

С точки зрения уголовного права, событие преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) относится к признакам, характеризующим объект и объективную сторону состава преступления.

При установлении события преступления в местах лишения свободы в первую очередь устанавливается факт нарушения порядка исполнения и отбывания наказания, т. к. в исправительных учреждениях должны обеспечиваться надлежащие охрана и изоляция осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализация их прав и законных интересов, личная безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Так, приговором Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 8 февраля 2019 г. по делу № 1-66/2019 виновным в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 321 УК РФ, признан М. Д. В. Судом установлено, что он, находясь в камере ШИЗО, высказал в адрес других осужденных угрозу применения насилия в случае ношения ими форменной одежды в соответствии с внутренним распорядком дня исправительного учреждения, создав препятствия к правопослушному поведению и исправлению потерпевших¹.

Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) отражают признаки, характеризующие субъективную сторону состава преступления.

Для преступлений, совершенных в местах лишения свободы, в большинстве случаев характерен прямой умысел. В связи с этим особенностью субъективной стороны является наличие обстоятельств, связанных с отношением к исправительному процессу, целями и мотивами посягательства.

Так, приговором Сухиничского районного суда Калужской области от 6 февраля 2019 г. по делу № 1-2/2019 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 321 УК РФ, признан Г. Т. О. Судом установлено, что он, являясь осужденным отрицательной направленности, систематически нарушающим режим отбывания наказания, в помещении медицинской части нанес удары руками в область головы и ногами в туловище осужденному из числа

дневальных медицинской части, которые оказывают содействие администрации учреждения, производят уборку помещений и характеризуются положительно. Очевидными предпосылками формирования мотивов и целей совершения преступлений при подобных обстоятельствах является различное отношение осужденных, отрицательно или положительно настроенных на процесс исполнения наказания и исправления².

Квалификация преступлений подразумевает рассмотрение отдельного посягательства как единичного проявления схожих друг с другом деяний по признакам одного конкретного состава преступления. При этом единичное преступление отражает присущие ему объективные и субъективные признаки, которые определяются как ограниченные в пространстве и времени характеристики в их соотношении, как между собой, так и вовне.

Состав преступления выступает общим основанием квалификации, содержащим элементы, которые позволяют сопоставлять его с множеством деяний, имеющих схожие признаки.

Образующая связь между общим и единичным в составе преступления может характеризоваться категорией «особенное».

В диалектической взаимосвязи единичного, особенного, общего в составе преступления существует тесная связь между конкретными проявлениями деяния, его особенностями и общими требованиями квалификации в связи с необходимостью назначения справедливого наказания, возможностью дифференциации и индивидуализации ответственности.

В этом смысле в преступлениях, совершенных в местах лишения свободы, признаком «особенного» в ряде случаев выступает насилие, которое, например, является обстоятельством совершения преступлений, предусмотренных ч. 1–2 ст. 321 УК РФ. В рассматриваемых случаях насилие является способом воспрепятствования реализации установленного законом порядка исполнения и отбывания наказания и связано зачастую с сопротивлением сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей. Подобное обстоятельство не может найти своего отражения в квалификации, тогда как в соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, сопряженные с применением насилия, следует «квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 213 УК РФ и соответствующей частью статьи 318 УК РФ»³.

² Приговор № 1-2/2019 1-95/2018 от 6 февраля 2019 г. по делу № 1-2/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N5uNEBRISUrJ> (дата обращения: 28.06.2020).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ.

¹ Приговор № 1-66/2019 от 8 февраля 2019 г. по делу № 1-66/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QSKsEOZ9ldxR> (дата обращения: 28.06.2020).

В подобных условиях, как представляется, возможно дополнение УК РФ новым составом преступления «Неповиновение сотруднику места содержания под стражей или места лишения свободы», которое в настоящее время рассматривается как административное или дисциплинарное правонарушение.

Основываясь на внутреннем убеждении лица, осуществляющего производство по уголовному делу, квалификация преступления отражает мотивированное мнение и выводы правоприменителя относительно произошедшего события. Данные представления могут относиться как к содержанию нормы уголовного права, подлежащей применению в данном конкретном случае, так и характеру связи между фактическими обстоятельствами и уголовно-правовой нормой. Верное юридическое представление о содержании соответствующей уголовно-правовой нормы и о соотношении между этой нормой и деянием, инкриминируемым обвиняемому, способствует установлению объективной истины и правильной квалификации преступления.

Лицо, осуществляющее производство по уголовном деле, интерпретируя соответствующие обстоятельства, рассматривает их как признаки, указывающие на наличие состава конкретного преступления и степень реализации умысла виновного. С точки зрения квалификации преступления, постижение смысла уголовно-правовой нормы осуществляется через призму конкретного преступления, произошедшего в прошлом.

Таким образом, содержание составов преступлений, совершенных в местах лишения свободы, составляют признаки, характеризующие в обобщенном виде обязательные и факультативные элементы объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, отражающие ценность установленного порядка исполнения и отбывания наказания.

Применительно к рассматриваемой категории посягательств, для правильной квалификации состав должен включать в себя в качестве обязательных ряд объективных и субъективных признаков, позволяющих отразить в правовой оценке характер и степень общественной опасности деяния. При этом объект преступления, место совершения и субъективная сторона имеют наиболее существенное значение для правовой оценки и разграничения смежных деяний.

Учитывая требования системности уголовно-правовой охраны, представляется обоснованным расширение перечня специальных составов преступлений, что исключит применение закона по аналогии, обеспечит пенитенциарный процесс дополнительными уголовно-правовыми гарантиями, позволит применять необходимые меры принуждения в отношении наиболее активных в противоправном смысле осужденных.

Современная же квалификация большинства преступлений, совершенных в местах лишения свободы, предполагает установление взаимосвязей между

конкретным посягательством, имеющим место в реальной действительности, и идеальной нормативно-правовой конструкцией состава преступления, определяющей наиболее важные единичные и особенные обстоятельства, схожие с общим описанием в статьях Особенной части УК РФ.

Библиографический список

1. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Антонян. – Москва, 2014.
2. Костюк М. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М. Ф. Костюк. – Москва, 2000.
3. Миронов В. О. Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. О. Миронов. – Ростов-на-Дону, 2012. – 27 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Antonyan E. A. Lichnost' recidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / E. A. Antonyan. – Moskva, 2014.
2. Kostyuk M. F. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s prestupnost'yu v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / M. F. Kostyuk. – Moskva, 2000.
3. Mironov V. O. Prestupleniya, sovershaemye v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah, i ih preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / V. O. Mironov. – Rostov-na-Donu, 2012. – 27 s.

Недостатки законодательных конструкций составов взяточничества (статьи 290–291² Уголовного кодекса Российской Федерации)

Ермакова Ольга Владимировна,
Барнаулский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: *ermakova_alt@mail.ru*

В представленной статье автор анализирует конструкции составов взяточничества. На основе общей теории состава преступления показываются недостатки и пробелы существующих норм о взяточничестве, препятствующие эффективному применению уголовного закона. В частности, автором отмечается отсутствие единого понимания предмета преступления, таких форм преступных деяний, как обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Отдельное внимание в работе уделяется обоснованности момента окончания различных проявлений взяточничества.

Ключевые слова: взяточничество; конструкции составов взяточничества; посредничество во взяточничестве; минимальный размер взятки.

Disadvantages of legislative structures for bribery (Articles 290–291² of the Criminal Code)

Ermakova Olga Vladimirovna,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Candidate of Law, Associate Professor

In this article, the author analyzes the design of bribery compositions. Based on the general theory of the corpus delicti, the author shows the shortcomings and gaps of the existing norms on bribery that impede the effective application of the criminal law. In particular, the author notes the lack of a common understanding of the subject of the crime, such forms of criminal acts as a promise or offer of mediation in bribery. Special attention is paid to the validity of the moment the end of various manifestations of bribery.

Key words: bribery; structures of bribery compositions; mediation in bribery; minimum size of a bribe.

В действующем уголовном законе регламентация норм о взяточничестве подверглась значительным изменениям, что объясняется не только существующей необходимостью совершенствования конструкций в соответствии с современными реалиями общественной жизни, но и ратификацией отдельных международных Конвенций. В результате проведенных трансформаций закона были введены новые составы взяточничества (например, ст. 291¹–291² УК РФ), а также подверглись существенной корректировке уже имеющиеся нормы.

Однако не все предложенные законодателем конструкции отличаются правильностью построения, поэтому отдельные положения закона создают трудности в правоприменительной деятельности.

В свою очередь постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных кор-

рупционных преступлениях»¹, хотя и содержит отдельные разъяснения по вопросам квалификации и толкования, однако его положения нельзя признать однозначными.

Так, взяткой в настоящее время могут признаваться не только деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, но и имущественные права. Иначе говоря, границы предмета значительно расширены.

Данное понятие по своей природе является гражданско-правовым. При этом даже в науке гражданского права оно не находит однозначного понимания. Ситуация осложняется тем обстоятельством, что в УК РФ наряду с понятием «имущественные права»

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

употребляется термин «право на имущество» (ст. 159 УК РФ).

В результате в правоприменительной деятельности сложилось непонимание, что включается в указанные понятия и как их разграничить. Полагаем, что понятие «право на имущество» является более узким и предполагает правомочия в отношении конкретного имущества, закрепленные в документальной форме¹. В свою очередь, в понятие «имущественные права» включаются и права требования, а также иные права, имеющие денежное выражение.

Полагаем, именно трудности в толковании термина «имущественное право» влекут отсутствие судебной практики по взяточничеству с данным предметом преступления, в связи с чем целесообразно разъяснить используемое цивилистическое понятие в нормах уголовного закона.

Кроме того, особое значение в составах взяточничества имеет размер вознаграждения. В этой части существенным пробелом законодательной регламентации выступает отсутствие указания на минимальный размер мелкой взятки, с которого наступает уголовная ответственность. В диспозиции данной статьи обозначен лишь максимальный размер взятки – до 10000 рублей. В этой связи возникает вопрос о том, можно ли привлекать лицо к уголовной ответственности за взятку в 100, 200 рублей? И можно ли признавать такое деяние малозначительным?

По нашему мнению, учитывая, что законодатель не обозначил минимальные границы предмета взятки, формально любой размер может образовывать преступление. Этим объясняется то обстоятельство, что в практике суды выносят обвинительный приговор при наличии взятки в 200 рублей; 300 рублей; 500 рублей². Из 48 изученных приговоров по данной статье размер взятки до 500 рублей имел место в 17 уголовных делах.

Однако в уголовном законе наряду с термином преступления закреплено понятие «малозначительное деяние», не представляющее достаточной общественной опасности. Так можно ли признать взятку в каких-либо минимальных размерах малозначительной?

Ответ на данный вопрос достаточно дискуссионный, что связано с отсутствием до настоящего времени четкого определения малозначительности, а также ясности в понимании критериев ее установления.

По нашему мнению, определяя малозначительность деяния, правоприменительный орган должен проанализировать его общественную опасность, проявляющуюся в таких показателях, как важность

охраняемых общественных отношений, характер причиненного вреда и т. д.

Применяя указанные критерии к взяточничеству, очевидным становится следующее: данные преступления обладают повышенной общественной опасностью, поскольку нарушают нормальную деятельность государственных органов и подрывают авторитет власти, поэтому их нельзя отнести к категории малозначительных. Данный вывод также подтверждается тем обстоятельством, что ст. 291² УК РФ была специально создана для противодействия взяточничеству в небольших размерах.

Еще одной проблемой применения ст. 291² УК РФ является вопрос о квалификации действий взяточдателя, если имело место вымогательство взятки либо она предоставлялась за незаконные действия. В рассматриваемой норме отсутствуют подобные квалифицирующие признаки. Необходимо ли в этом случае квалифицировать действия по общей норме ст. 290 УК РФ?

Как указывает Э. Л. Сидоренко, «не меньше вопросов вызывает и структура привилегированных антикоррупционных составов. К недостаткам предложенной конструкции были отнесены невозможность справедливой уголовно-правовой оценки вымогательства в случае мелкого взяточничества, трудности квалификации групповых преступлений и др.»³.

По нашему мнению, отсутствие квалифицирующих признаков в специальной уголовно-правовой норме не является основанием для применения общей нормы. Соответственно, квалификация должна проводиться по ст. 291² УК РФ. Однако с целью единообразия законодательной техники построения уголовно-правовых норм целесообразно в ст. 291² УК РФ предусмотреть квалифицирующие признаки, аналогичные ст. 290–291¹ УК РФ.

Кроме того, нельзя признать обоснованным перечисление в единой диспозиции ст. 291² УК РФ таких деяний, как получение взятки и дача взятки, поскольку их общественная опасность различна. Соответственно, установление в ст. 291 УК РФ более мягкого наказания свидетельствует о том, что, по мысли законодателя, дача взятки менее общественно опасна, нежели ее получение. В связи с чем считаем необходимым разделение деяний в рамках ст. 291² УК РФ по различным частям данной уголовно-правовой нормы.

Анализ объективной стороны составов взяточничества показывает, что конструкции составов имеют один обязательный признак – преступное деяние в виде действия. При этом среди форм поведения наибольшие сложности правоприменения вызывает обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291¹ УК РФ).

Анализ конкретных приговоров, вынесенных в отношении лиц, признанных виновными в обещании или предложении посредничества во взяточничестве

¹ См.: Ермакова О. В. Особенности включения факультативных признаков в конструкцию конкретного состава преступления в рамках УК РФ // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28 апреля 2020 г.) / гл. ред. О. П. Грибунов, отв. ред. Е. Н. Бархатова. Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. С. 71–74.

² URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 05.05.2020).

³ Сидоренко Э. Л. Проблемы квалификации мелкого взяточничества // Мировой судья. 2017. № 10. С. 24–29.

стве, показывает, что чаще всего совершенное преступление сводится к тому, что лицо обещает или предлагает помощь в решении какого-либо вопроса, при этом для передачи взяткополучателю принимает предмет взятки.

Например, К., имея преступный умысел, направленный на обещание посредничества во взяточничестве, сообщил Ф., что обладает возможностью получения водительского удостоверения на право управления автотранспортным средством категории «В» без соблюдения порядка, установленного законодательными актами РФ, путем дачи взятки одному из сотрудников РЭО ГИБДД О МВД России, и обещал Ф. посредничество во взяточничестве, оговорив при этом, что размер суммы взятки, подлежащей передаче сотруднику РЭО за водительское удостоверение категории «В», составит 35 000 рублей. 3 марта 2017 г. К., в продолжение реализации своего преступного умысла, направленного на обещание посредничества во взяточничестве, осознавая фактический характер и общественную опасность своих противоправных деяний, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий и желая их наступления, получил от Ф. копию паспорта, а также денежные средства в сумме 35 000 рублей для дальнейшей их передачи неустановленному следствием сотруднику РЭО ГИБДД О МВД России по г. Самаре в качестве взятки за получение водительского удостоверения на право управления автотранспортным средством категории «В», без сдачи соответствующих экзаменов¹.

Очевидно, что в представленной судебной практике обещание и предложение посредничества связывается с фактически совершенным принятием предмета взятки или иными действиями.

Такое направление практики выглядит неудивительным в свете изменений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 следующего содержания: «Обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом **действий**, направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя либо лица, передающего и (или) получающего предмет коммерческого подкупа, информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве либо в коммерческом подкупе» (выделено мною. – О. Е.).

Подобные требования расширительного толкования обещания и предложения не согласуются с лексическим значением представленных терминов, означающих согласие что-либо выполнить. Вместе с тем используемые термины при создании уголовного закона должны основываться на общеизвестных значениях. Соответственно, руководствуясь лексическим

¹ Приговор № 1-96/2017 // Архив Куйбышевского районного суда г. Самары. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-291.1-uk-rf-posrednichestvo-vo-vzjatochnichestve/prigovor-sudapo-ch.-5-st.-291.1-uk-rf--1-962017--posrednichestvo-vo-vzjatochnichestve.html> (дата обращения: 05.05.2020).

значением, ч. 5 ст. 291¹ УК РФ должна применяться даже в тех случаях, когда посредник предложил свои услуги или пообещал соответствующую помощь, не подкрепляя это никакими действиями.

Однако согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением может признаваться только деяние в форме действия либо бездействия. В свою очередь, обещание и предложение, не подкрепленные какими-либо действиями, по своей сути выступают разновидностями обнаружения умысла². Именно поэтому Верховный Суд РФ в вышеназванном постановлении дал абсолютно верные разъяснения о том, что если впоследствии, после обещания либо предложения посредничества, лицо фактически выполнило такую функцию, то квалификация по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ не требуется. Данное положение полностью соответствует классической теории стадий совершения преступления, а именно, поглощением последующей стадии действия предыдущей.

Таким образом, ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, устанавливающая ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве, юридически противоречит понятию преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.) не содержит указания на обещание и предложение посредничества; в ст. 15 приведена совершенно иная формулировка: «обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей»³. Очевидно, что речь идет об обещании и предложении дачи взятки, а не посредничества.

Существование данной нормы противоречит многим институтам уголовного права. В частности, теория уголовного права в качестве стадий совершения преступления, влекущих наказание, традиционно выделяет приготовление к преступлению и покушение на преступление⁴. Не используя понятия стадий, о таких разновидностях неоконченного преступления говорит и ч. 2 ст. 29 УК РФ.

Объявление обнаружения умысла уголовно наказуемым противоречит данной теории и является необоснованным.

К тому же криминализация обещания и предложения посредничества во взяточничестве нивелирует

² См.: Ткачев И. О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 1 (27). С. 53–57.

³ Конвенция ООН против коррупции. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 05.05.2020).

⁴ См.: Ермакова О. В. Законодательные конструкции состава преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2017. С. 6–8.

возможность добровольного отказа от совершения данных преступлений, поскольку намерение, объективизированное в действительность, уже признается преступлением.

Таким образом, следует констатировать необоснованность введения в УК РФ уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Это противоречит таким институтам уголовного права, как преступление, а также стадии совершения преступления.

В свете представленного вывода следует дать оценку изменениям в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, а именно п. 13.1, согласно которому обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами. Очевидно, что Верховный Суд РФ приравнивает обещание и предложение к созданию условий как разновидности подготовительных действий. В результате чего деятельность взяткодателя либо взяткополучателя в виде обещания фактически объявляется преступной (без внесения изменений в ст. 290 и 291 УК РФ). Однако, во-первых, наблюдается противоречие между данными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, а во-вторых, обнаружение умысла, каким и является обещание и предложение, нельзя признать подготовлением к преступлению, объективно представляющим собой конкретные действия.

Отдельно следует указать на конструкции составов взяточничества и момент окончания преступления. Данные составы сконструированы по типу формальных, т. е. преступления считаются оконченными с момента выполнения деяния.

При этом Верховный Суд РФ вносит собственные коррективы в определение момента окончания данных деяний. Так, и получение, и дача взятки окончены в один и тот же момент – принятия должностным лицом взятки (хотя бы части). Полагаем, что подобное уравнивание момента окончания противоречит конструкции каждого из составов, поскольку каждый из них обладает собственным деянием. В этой части следует напомнить, что посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ) почему-то имеет собственный момент окончания, соответствующий выполняемому действию. В связи с чем следует признать достаточно спорными разъяснения Верховного Суда РФ в части определения момента окончания взяточничества. Отдельные уточнения Верховным Судом РФ внесены по поводу момента окончания относительно отдельных разновидностей предметов: если предметом высту-

пают имущественные права, то момент окончания перемещен на этап получения возможности должностным лицом вступить во владение или распорядится имуществом (п. 9 постановления). В случаях же, когда предметом выступают услуги имущественного характера, преступление окончено с момента начала их предоставления (п. 10 постановления). Полагаем, подобные уточнения момента окончания, в отличие от общего правила, содержат рациональное зерно, поскольку особые свойства предмета оказывают существенное влияние на признание деяния оконченным.

Библиографический список

1. Ермакова О. В. Особенности включения факультативных признаков в конструкцию конкретного состава преступления в рамках УК РФ / О. В. Ермакова // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (28 апреля 2020 г.) / гл. ред. О. П. Грибунов; отв. ред. Е. Н. Бархатова. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2020. – С. 71–74.
2. Ермакова О. В. Законодательные конструкции составов преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления / О. В. Ермакова. – Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2017. – 132 с.
3. Сидоренко Э. Л. Проблемы квалификации мелкого взяточничества / Э. Л. Сидоренко // Мировой судья. – 2017. – № 10. – С. 24–29.
4. Ткачев И. О. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве / И. О. Ткачев // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 1 (27). – С. 53–57.

Bibliografickij spisok

1. Ermakova O. V. Osobennosti vklyucheniya fakul'tativnyh priznakov v konstrukciyu konkretnogo sostava prestupleniya v ramkah UK RF / O. V. Ermakova // Ugolovnyj zakon Rossijskoj Federacii: problemy pravoprimeniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (28 aprelya 2020 g.) / gl. red. O. P. Gribunov; otv. red. E. N. Barhatova. – Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2020. – S. 71–74.
2. Ermakova O. V. Zakonodatel'nye konstrukcii sostavov prestuplenij i ih vliyanie na opredelenie momenta okonchaniya prestupleniya / O. V. Ermakova. – Barnaul: Barnaul'skij yurid. in-t MVD Rossii, 2017. – 132 s.
3. Sidorenko E. L. Problemy kvalifikacii melkogo vzyatochnichestva / E. L. Sidorenko // Mirovoj sud'ya. – 2017. – № 10. – S. 24–29.
4. Tkachev I. O. Otvetstvennost' za obeshchanie ili predlozhenie posrednichestva vo vzyatochnichestve / I. O. Tkachev // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2012. – № 1 (27). – S. 53–57.

Особенности квалификации оставления в опасности, обусловленные признаками объективной стороны

Макеева Ирина Сергеевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: i.suhanova@bk.ru

Сорокун Николай Сергеевич,
Ростовский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: nik-sorokun@yandex.ru

В статье анализируется содержание признаков объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за оставление в опасности, исследуются вопросы правовой оценки заведомого оставления без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние. В результате анализа судебной практики авторами выявлены особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ.

Ключевые слова: оставление в опасности; поставление в опасность; беспомощное состояние; обязанности.

Characteristics of the qualification of leaving in danger due to the features of the objective side

Makeeva Irina Sergeevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

Sorokun Nikolay Sergeevich,
Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia, Candidate of Law

The article analyses the content of the signs of the objective side of the corpus delicti, providing for responsibility for leaving in danger, Examining issues of legal assessment of knowingly leaving without assistance a person in a state dangerous to life or health and deprived of the opportunity to take measures for self-preservation by childhood, old age, illness or as a result of his helplessness, in cases where the perpetrator had the opportunity to assist this person and was obliged to have care for him or put him himself in a dangerous condition for life or health. As a result of the analysis of judicial practice regarding the stated topic, the authors revealed the features of the qualification of the crime under Art. 125 of the Criminal Code.

Key words: leaving in danger; putting in danger; helpless state; duties.

Проблемные аспекты правовой оценки оставления в опасности неоднократно становились предметом научного анализа. Вместе с тем остаются дискуссионными вопросы теоретического и прикладного характера, которые обуславливают необходимость дальнейшего изучения особенностей квалификации оставления человека в состоянии, опасном для жизни и здоровья. Так, до настоящего времени не опре-

делены сущность категорий «состояние, опасное для жизни», «поставление в опасность»; объем обязанностей субъекта данного преступления; разграничение оставления в опасности со смежными составами преступлений. Изложенное демонстрирует необходимость комплексного анализа признаков объективной стороны заявленного общественно опасного деяния в целях разрешения проблемных вопросов приме-

нения нормы, предусматривающей уголовную ответственность за оставление в опасности.

Ответственность за оставление в опасности, а именно за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, предусмотрена ст. 125 УК РФ.

Отличительной особенностью объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, выступает форма поведения субъекта – бездействие, то есть деяние не предполагает проявления человеческой активности; напротив, воздержание от каких-либо действий является преступным. Вместе с тем эта пассивность должна иметь волевой характер, т. е. предполагать определенное отношение лица к своему бездействующему поведению.

В первую очередь, для установления признаков общественно опасного деяния необходимо выявить наличие лежащих на субъекте преступления обязанностей по выполнению конкретных действий. Источником их возникновения могут быть:

1) нормы закона или подзаконного акта. Так, например, п. 1 ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации обязывает законных представителей проявлять заботу о ребенке, его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии. Нормами п. 2.5 Правил дорожного движения установлена обязанность водителя, причастного к дорожно-транспортному происшествию (далее – ДТП), оказать первую помощь пострадавшим. Положением п. 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» обязуют сотрудников органов внутренних дел оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от уголовных, административных деяний и несчастных случаев либо находящимся в беспомощном или опасном для жизни и здоровья состоянии. Согласно ст. 4 Федерального закона «О пожарной безопасности» основными задачами пожарной охраны являются спасение людей и имущества при пожарах, оказание первой помощи;

2) трудовые отношения. Например, педагоги и другие работники образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения наряду с родителями обязаны осуществлять надзор за несовершеннолетним;

3) договор. К примеру, в случае установления опеки (или попечительства) по договору опекуны обязаны заботиться о содержании подопечных (т. е. предоставлять им питание, одежду и т. п.); обеспечивать подопечного уходом и лечением (физической помощью, называемой в гражданском законодательстве «посторонний уход», а также в необходимых случаях медицинской помощью);

4) предшествующее поведение. Лицо, виновно или невиновно поставившее другое лицо в беспомощное

состояние, должно оказать ему помощь, и лишь в этом случае его поведение не приобретет характер преступного. Невиновное приведение лица в беспомощное состояние возможно, например, в случае травм, полученных в ДТП по вине самого пострадавшего, выбежавшего на дорогу в неполюженном месте. Вместе с тем невиновность водителя в столкновении с пешеходом не освобождает его от обязанности оказать потерпевшему помощь.

Следующим обязательным признаком, свидетельствующим о преступности бездействия обязанного оказывать помощь лица, является наличие реальной возможности для реализации действий по оказанию помощи. Возможность предполагает наличие у лица определенных способностей, которые необходимы для того, чтобы избавиться, уберечь другое лицо от возникшей опасности, сохранив его жизнь, устранить все неблагоприятные факторы и последствия. Перечня таких средств и возможностей законодатель не предлагает, поскольку они могут быть настолько уникальными, подходящими под каждый конкретный случай, что невозможно предусмотреть их все. Нормативно-правовые акты содержат лишь обобщенные описания таких возможностей. В частности, разъясняя положение законодателя, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» говорит о том, что являются преступными такие действия водителя транспортного средства, который при совершении ДТП поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние и, имея возможность оказать ему необходимую помощь, не сделал этого. Так, например, при осуждении П. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 125, 264 УК РФ, суд установил, что, в отсутствие права управления транспортным средством, виновный передвигался на легковом автомобиле по проезжей части. В ходе движения грубо нарушил требования п. 1.3, 1.5, 2.1.1, 6.2, абз. 2 п. 10.1, п. 10.2 Правил дорожного движения РФ. В результате ДТП пешеходу К. причинен тяжкий вред здоровью. После совершения наезда на пешехода П., имея противоправный умысел, направленный на избежание ответственности, скрылся с места ДТП, оставив без оказания помощи пострадавшего пешехода К., поставленную им в опасное для жизни и здоровья состояние и лишенную возможности принять меры к самосохранению вследствие тяжести полученных телесных повреждений¹. Суд обоснованно квалифицировал действия П. по ч. 1 ст. 264 УК РФ, установив его вину в нарушении Правил дорожного движения, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, и по ст. 125 УК РФ, поскольку после ДТП, убившись, что в результате

¹ Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 19 июля 2017 г. № 1-141/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudakt.com>.

совершенного им наезда пешеходу причинены телесные повреждения, и она находится в беспомощном состоянии, П. не принял мер для оказания ей медицинской помощи, оставил ее в состоянии, опасном для жизни и здоровья.

Диспозиция ст. 125 УК РФ четко называет обязательные условия наступления уголовной ответственности:

1) наличие у виновного возможности помочь потерпевшему лицу;

2) наличие обязанности иметь о нем заботу;

3) самостоятельная постановка его в опасное для жизни или здоровья состояние.

Наличие соединительного союза между первыми двумя группами обстоятельств способствует утверждению, что для определения состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, важно выяснить как обязанность по оказанию помощи, так и возможность её оказания лицу, находящемуся в опасности¹. Альтернативность первых двух и третьего признаков является свидетельством того, что для квалификации деяния как преступного необходимо наличие одного из них. В частности, не выступает субъектом данного преступления лицо, которое имеет возможность оказать помощь пострадавшему, но не обременено такой обязанностью ни в силу закона, ни в результате своих предшествующих действий.

Продолжая рассматривать признаки, свидетельствующие о наделении деяния свойствами преступления, отметим реальную возможность для оказания помощи пострадавшему, а не наличие ее на абстрактно-формальном уровне. Свойства реальности опираются как на внешние факторы, так и на психофизиологические свойства субъекта преступления. В условиях чрезвычайности или непреодолимой силы реальной возможности оказания помощи может и не быть, как отсутствует она при необходимости одновременного оказания помощи нескольким лицам либо беспомощном состоянии самого причинителя вреда и т. д. Речь идет о том, что при квалификации деяния по ст. 125 УК РФ необходимо анализировать возможность оказания помощи со стороны субъекта с точки зрения объективного и субъективного критериев. В первом из них отражены характеристика окружающей обстановки и наличие средств для оказания помощи, в другом – определены индивидуальные свойства и качества лица, его возможности оказывать помощь.

Как заведомое оставление в беспомощном состоянии квалифицируются ситуации, при которых лицо, обязанное помочь, осознавало всю степень опасности, возникшей для жизни потерпевшего, не обладающего возможностью к самостоятельному спасению по ряду причин, и не предприняло никаких мер. Содержание категории «беспомощность» закон не раскрывает, хотя из нормативных предписаний стано-

вится ясно, что речь идет о состоянии, когда у лица отсутствует способность самостоятельно сохранить жизнь и здоровье. Также законодатель предусматривает перечень возможных обстоятельств, которые в случае неблагоприятного развития ситуации могут поставить человека в состояние беспомощности². В их числе: различного рода происшествия, включая чрезвычайные и дорожно-транспортные; события, которые угрожают безопасности социума в общем и конкретным его членам (аварии, катастрофы, стихийные бедствия, массовые беспорядки, эпидемии); несчастные случаи и иные обстоятельства, которые обладают чрезвычайным характером; физиологические причины беспомощности.

Причиной возникновения беспомощного состояния может выступать и состояние здоровья. Однако имеющиеся заболевания также выступают весьма условными критериями беспомощности, далеко не каждое болезненное состояние влечет лишение для потерпевшего возможностей и способностей к самосохранению. И не каждый из людей с одинаковыми диагнозами равнозначно беспомощен. Более того, характеристика «беспомощность» свойственна порой совершенно здоровым физически, взрослым людям, находящимся в хорошей физической форме и психологически устойчивым, но не обладающим определенными навыками или временно утратившим способность к самосохранению³, например, нахождение в горящем задымленном помещении, в глухом незнакомом лесу, панический страх, сковавший движения, переохлаждение в ледяной воде, нахождение в воде лица, не умеющего плавать, и т. п.⁴

Итак, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, составляет одна из двух альтернативных форм бездействия:

а) заведомое оставление потерпевшего в опасном для жизни или здоровья состоянии, не связанном с предшествующим поведением виновного (чистое бездействие);

б) поставление человека в опасность собственным (виновным или невиновным) поведением и оставление его в таком состоянии (смешанное бездействие).

В случае если субъект поставил другое лицо в опасное для жизни состояние, но впоследствии принял своевременные и результативные меры, направ-

² О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648; О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

³ См.: Мыц Я. А. Оставление в опасности (социальная обусловленность криминализации, понятие, виды, уголовно-правовая характеристика). Владимир, 2006. С. 139.

⁴ См., например: Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.-Л., 1927. С. 59; Топильская Е. В. О правовом понятии беспомощного состояния потерпевшего // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 6. Вып. 4. С. 87; и др.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова и др. М.: Юрайт, 2018. С. 504.

ленные на предотвращение негативных последствий, то ответственность по ст. 125 УК РФ не наступает. Также лицо не будет нести ответственности по указанной статье, если опасная для жизни ситуация наступила после оставления человека в опасности (например, обездвиженный человек был оставлен на некоторое время в доме, в котором внезапно начался пожар).

Выделение двух альтернативных форм бездействия, в которых может быть выражено это преступление, имеет теоретическую и практическую значимость. Прежде всего, выделение этих форм позволяет провести отграничение состава оставления в опасности от убийства.

С целью понимания признаков разграничения анализируемого состава преступления с убийством И. И. Горелик предложил различать формы бездействия. Он выделил: 1) бездействие, создающее опасность, и 2) бездействие-невмешательство¹. По мнению ученого, бездействие создает опасность и приравнивается к преступному действию только тогда, когда оно удовлетворяет трем условиям:

1) отсутствие опасной ситуации к тому времени, когда обязанность осуществлять какие-либо действия еще не назрела;

2) в отношении лица, не предпринявшего никаких действий, существовала обязанность действовать для предотвращения возникновения опасной для жизни ситуации;

3) результатом бездействия лица является развитие событий до возникновения опасной ситуации.

Бездействие-невмешательство в виде неоказания помощи представляет собой еще одну форму преступного бездействия. Оно протекает в условиях незамедлительной необходимости и неотложности оказания помощи, если опасность для жизни вытекает из самой окружающей обстановки (например, при пожаре, когда явно следует, что беззащитное лицо погибнет спустя некоторое время в отсутствие помощи). В отличие от первой формы преступного бездействия, при этой разновидности невмешательства субъект юридически не обязан каким-либо образом препятствовать возникновению, развитию опасной ситуации. Временные рамки бездействия-невмешательства (а точнее – момент долженствования) ограничены моментом возникновения реальной угрозы для жизни потерпевшего с явной долей очевидности этого для виновного. Данную форму невмешательства характеризуют как длящееся бездействие, продолжающееся объективно в течение определенного времени и заканчивающееся в момент наступления реальной угрозы причинения вреда жизни.

По конструкции объективной стороны состав анализируемого преступления – формальный. Для признания его оконченным не обязательно наступление каких-либо последствий. Сущность преступного деяния выражается в самом факте уклонения от оказания помощи нуждающемуся лицу, оставленному в опас-

ности. Именно это обстоятельство позволяет квалифицировать пассивное поведение виновного по ст. 125 УК РФ, даже если пострадавший остался жив.

Вместе с тем в судебной практике встречаются противоположные примеры. Так, Верхнепышминский городской суд Свердловской области признал И. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ. По материалам дела, И. находился в комнате общежития, распивал спиртные напитки, при этом осуществлял присмотр и уход за двумя малолетними детьми по устной договоренности с матерью детей. Через некоторое время И. перешел в соседнюю комнату, где продолжил распивать спиртные напитки с проживающими в указанной комнате лицами, оставив малолетних без надлежащего присмотра. В комнате, где остались дети, возник пожар. И. после обнаружения пожара, осознавая, что возникла реальная опасность для жизни и здоровья детей, которые в силу малолетнего возраста не могли самостоятельно принять меры к самосохранению, то есть находились в беспомощном состоянии, относясь безразлично к наступлению общественно опасных последствий в виде наступления вреда здоровью и смерти потерпевших, покинул общежитие. В результате одному малолетнему причинен тяжкий вред здоровью (термические ожоги головы, туловища, верхних конечностей 2-3АБ степени общей площадью около 30–35 процентов), второй малолетний скончался на месте происшествия (тотальное обугливание мягких тканей)².

Итак, можно назвать следующие отличительные признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ:

1) причинение вреда жизни потерпевшего, оставленного в опасности, происходит не в результате активного негативного воздействия на него виновного лица, а через третьи силы;

2) преступное деяние совершается путем невыполнения субъектом обязанности, возложенной на него законом или уклонения от выполнения такой обязанности;

3) выражением объективной стороны является либо поставление потерпевшего в опасное для жизни состояние и оставление его в таком состоянии, либо неоказание ему помощи при нахождении последнего в опасном для жизни состоянии, при отсутствии связи между возникшей опасностью и предшествующим поведением виновного.

Следует сказать о том, что учеными критикуется конструкция состава ст. 125 УК РФ, в частности такая форма бездействия, как «поставление в опасность». Так, например, Ю. А. Власов предлагает выделить «поставление в опасность» в качестве самостоятельного состава преступления³. Другие исследователи,

² Приговор Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 5 июня 2013 г. по делу № 1-200/13.

³ См.: Власов Ю. А. Уголовная ответственность за оставление в опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 18.

¹ См.: Горелик И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. М., 1973. С. 215.

напротив, говорят о том, что нужно исключить основание «поставление в опасность» из числа тех, которые обязуют оказывать помощь лицам, находящимся в опасном для жизни состоянии, которые лишены возможности принимать меры к самосохранению. В частности, Е. В. Медведев говорит о том, что создание опасного для жизни и здоровья состояния в некоторых случаях не совсем уместно называть поставлением в опасность. Например, в случае, когда пешеход пытается перейти дорогу в неположенном месте, в нарушение пункта 4.3 Правил дорожного движения. Ведь в данном случае вполне очевидно, что именно пешеход самостоятельно создает угрозу для своей жизни и здоровья, а не водитель транспортного средства, движущийся без нарушений. Далее исследователь отмечает, что при наличии противоправных действий виновного, поставившего потерпевшего в опасное для жизни состояние и оставившего в этом состоянии, следует вести речь о его посткриминальном поведении, которое представляет собой фактический отказ от деятельного раскаяния. Поэтому, по мнению Е. В. Медведева, данное лицо не следует привлекать к уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ, поскольку нельзя подвергать наказанию лицо за его внутреннее отношение к результату уже совершенного деяния. Противоречащим закону является применение мер уголовно-правового характера к лицу, не желающему реабилитироваться, так как это находится в противоречии с уголовно-правовыми принципами¹. В этой связи интересным представляется замечание Н. Н. Ярмыш, который называет, по меньшей мере, странным ожидание от человека принятия определенных действий, направленных на спасение собственной жертвы, если он лично поставил себе цель лишить другого человека жизни².

Каждая из представленных позиций имеет свое рациональное обоснование, однако действующая формулировка ст. 125 УК РФ представляется наиболее удачной и в ее сегодняшней редакции достаточно полно отвечает современным реалиям и системе ценностей общества. Как справедливо заметила С. И. Молчанова, «невозможно заставить людей немедленно быть нравственными и только установлением наказания за бездействие воспитать чувство долга по отношению к своим согражданам. Почва для его развития будет создаваться постепенно»³. Поэтому и вести речь о возникновении чувств благородства и сострадания виновного по отношению к жертве, намеренно подвергшейся преступному воздействию, по меньшей мере, неразумно.

¹ См.: Медведев Е. В. Поставление в опасность в структуре оставления в опасности // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 107.

² См.: Ярмыш Н. Н. Действие как признак объективной стороны преступления (проблемы психологической характеристики). Харьков, 1999. С. 53.

³ Молчанова С. И. Актуальные вопросы оставления в опасности // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 432.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова и др. – Москва: Юрайт, 2018.
2. Мыц Я. А. Оставление в опасности (социальная обусловленность криминализации, понятие, виды, уголовно-правовая характеристика) / Я. А. Мыц. – Владимир, 2006.
3. Жижиленко А. А. Преступления против личности / А. А. Жижиленко. – Москва – Ленинград, 1927.
4. Топильская Е. В. О правовом понятии беспомощного состояния потерпевшего / Е. В. Топильская // Вестник ЛГУ. – 1989. – Сер. 6. – Вып. 4.
5. Горелик И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И. И. Горелик. – Москва, 1973.
6. Власов Ю. А. Уголовная ответственность за оставление в опасности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Ю. А. Власов. – Омск, 2004.
7. Медведев Е. В. Поставление в опасность в структуре оставления в опасности / Е. В. Медведев // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2.
8. Ярмыш Н. Н. Действие как признак объективной стороны преступления (проблемы психологической характеристики) / Н. Н. Ярмыш. – Харьков, 1999.
9. Молчанова С. И. Актуальные вопросы оставления в опасности / С. И. Молчанова // Вестник Тамбовского университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / G. N. Borzenkov, A. V. Brilliantov, A. V. Galahova i dr. – Moskva: YUrajt, 2018.
2. Myc YA. A. Ostavlenie v opasnosti (social'naya obuslovlennost' kriminalizacii, ponyatie, vidy, ugolovno-pravovaya harakteristika) / YA. A. Myc. – Vladimir, 2006.
3. Zhizhilenko A. A. Prestupleniya protiv lichnosti / A. A. Zhizhilenko. – Moskva – Leningrad, 1927.
4. Topil'skaya E. V. O pravovom ponyatii bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshego / E. V. Topil'skaya // Vestnik LGU. – 1989. – Ser. 6. – Vyp. 4.
5. Gorelik I. I. Kvalifikaciya prestuplenij, opasnyh dlya zhizni i zdorov'ya / I. I. Gorelik. – Moskva, 1973.
6. Vlasov YU. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za ostavlenie v opasnosti: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk / YU. A. Vlasov. – Omsk, 2004.
7. Medvedev E. V. Postavlenie v opasnost' v strukture ostavleniya v opasnosti / E. V. Medvedev // Rossijskiy yuridicheskij zhurnal. – 2010. – № 2.
8. YArmysh N. N. Dejstvie kak priznak ob»ektivnoj storony prestupleniya (problemy psihologicheskoy harakteristiki) / N. N. YArmysh. – Har'kov, 1999.
9. Molchanova S. I. Aktual'nye voprosy ostavleniya v opasnosti / S. I. Molchanova // Vestnik Tambovskogo universiteta. – Ser. Gumanitarnye nauki. – 2013. – № 4.

К вопросу о квалификации действий иных владельцев объектов электросетевого хозяйства за незаконное взимание денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии

Сабанин Сергей Николаевич,
Уральский институт (филиал) Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: Up-kafedra@mail.ru

Бадалян Карен Оганесович,
Главное следственное управление
ГУ МВД России по Свердловской области
e-mail: Karenimus@mail.ru

В статье рассмотрены актуальные вопросы квалификации незаконного взимания денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии, а также вопросы разграничения указанных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов. Предложены варианты по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: незаконное использование электроэнергии; сетевые организации; бездоговорное потребление; иные владельцы объектов электросетевого хозяйства; гарантирующие поставщики; причинение имущественного ущерба; конечные потребители электроэнергии.

To the question of qualification of actions of other owners of electric grid facilities for illegal collection of funds from end users for non contractual electricity consumption

Sabanin Sergey Nikolaevich,
Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration, Honoured Lawyer of the Russian
Federation, Doctor of Law, Professor

Badalyan Karen Oganosovich,
Main Investigation Management of the Main
Management of the Ministry of the Interior
of Russia in the Sverdlovsk region

The article deals with current issues of qualification of illegal collection of funds from end users for non-contractual electricity consumption, as well as issues of differentiation of these crimes from civil law torts. Options for solving the identified problems are offered.

Key words: illegal use of electricity; network organizations; non-contractual consumption; other owners of power grid facilities; guaranteeing suppliers; causing property damage; final consumers of electricity.

На сегодняшний день в связи с проведенными реформами в области электроэнергетики процесс производства, приобретения и передачи электроэнергии до конечного потребителя разделен между различными субъектами розничного рынка электроэнергии. Данное распределение полномочий дает возможность недобросовестным организациям осуществлять незаконное использование электроэнергии в личных целях, посредством чего причиняется имущественный ущерб собственнику электроэнергии.

Одними из таких недобросовестных участников розничного рынка электроэнергии могут являться иные владельцы объектов электросетевого хозяйства. Указанные организации в соответствии с действующим законодательством могут осуществлять функции по транспортировке и распределению электроэнергии после установления для них тарифа на услуги по передаче электрической энергии.

При установлении такого тарифа ставки определяются с учетом необходимости обеспечения равенства тарифов на услуги по передаче электрической энергии для всех потребителей услуг, расположенных на территории соответствующего субъекта РФ.

Принцип равенства тарифов на услуги по передаче электрической энергии является одним из основных принципов законодательства об электроэнергетике и должен соблюдаться всеми участниками рынка таких услуг в целях обеспечения прав потребителей услуг.

В целях реализации данного принципа с 2008 года стало обязательным установление единого (так называемого «котлового») тарифа на услуги по передаче электрической энергии (мощности).

Особенность установления единого «котлового» тарифа состоит в том, что он определяется для одной из наиболее крупных территориальных сетевых организаций, в собственности и владении которой распределено большинство электросетевого оборудования, после чего происходит распределение индивидуальных тарифов для всех остальных сетевых организаций¹.

Законодательство в сфере электроэнергетики предусматривает возможность взимания денежных средств с конечных потребителей электроэнергии только в том случае, если объекты электросетевого оборудования находятся в собственности или ином законном владении организации и для такой организации установлен тариф на услуги по передаче электроэнергии. В случае отсутствия такого тарифа, который устанавливается Региональной энергетической комиссией, деятельность по передаче электроэнергии по своим сетям не оплачивается, однако владелец объектов электросетевого хозяйства не вправе бло-

кировать переток электроэнергии по своим сетям².

Учитывая, что смежные сети и иные объекты электросетевого оборудования могут находиться в собственности или законном владении различных территориальных сетевых организаций либо иных коммерческих организаций, не обладающих таким статусом, такие лица в целях обеспечения бесперебойной передачи электроэнергии до конечных потребителей, заключают между собой договоры на оказание услуг по передаче электроэнергии³.

В марте 2015 г. произошли изменения в части отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям⁴, в связи с чем электросетевые организации, не соответствующие критериям отнесения к территориальным сетевым организациям, лишаются тарифа на передачу электроэнергии и должны быть исключены Федеральной антимонопольной службой России из реестра субъектов естественных монополий. Такие организации не вправе взимать оплату за оказание услуг по передаче электроэнергии⁵.

Однако недобросовестные владельцы объектов электросетевого хозяйства, которые лишены тарифа на передачу электроэнергии, умышленно уклоняются от получения такого тарифа, но при этом выдают себя за территориальную сетевую организацию и взимают плату с конечных потребителей за стоимость их бездоговорного потребления электроэнергии. Такие незаконные действия образуют состав преступления, предусмотренный статьей 165 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶.

Важно отметить, что судебная практика и юридическая литература не содержат разъяснения по вышеуказанным вопросам, что, в свою очередь, затрудняет возможность правильной квалификации содеянного в правоприменительной практике.

Вместе с тем анализ уголовных дел в сфере экономики показывает, что случаи незаконного взимания иными владельцами объектов электросетевого хозяйства денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии не

¹ Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг...: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.02.2020).

² О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.02.2020).

³ См.: Вербенко Т. Л., Митина М. Г., Петров Е. Ю. и др. Проблемы применения законодательства об энергоснабжении в судебно-арбитражной практике (по материалам заседания научно-консультативного совета при ФАС Уральского округа) // Вестник Федерального Арбитражного суда Уральского округа. 2008. № 3 (7). С. 58–59.

⁴ Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям: постановление Правительства РФ от 28 февраля 2015 г. № 184 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.02.2020).

⁵ См.: Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 116.

⁶ Далее – УК РФ.

являются единичными и наносят существенный материальный ущерб гарантирующим поставщикам электроэнергии, а также вводят в заблуждение конечных потребителей электроэнергии.

Таким образом, правильная квалификация действий виновного при взимании денежных средств за бездоговорное потребление электроэнергии с конечных потребителей при отсутствии на то законных оснований является весьма актуальным вопросом, требующим теоретического и практического разрешения с целью обеспечения единообразной практики квалификации содеянного. В связи с этим считаем необходимым рассмотрение данной проблематики с точки зрения действующих норм уголовного законодательства с учетом анализа конкретных уголовных дел, расследуемых в указанной сфере.

В связи со сказанным, целью настоящей статьи является установление правильной квалификации и разграничении преступных посягательств и гражданско-правовых деликтов при незаконном взимании иными владельцами объектов электросетевого обслуживания денежных средств с конечных потребителей электроэнергии.

Так, Ф., являясь в соответствии с протоколом № 1 общего собрания учредителей от 19 апреля 2012 г., приказом № 12/04/12 от 19 апреля 2012 г. директором ООО «РЭС», достоверно зная о том, что в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» ООО «РЭС» не является территориальной сетевой организацией и не имеет права взыскания стоимости бездоговорного потребления электроэнергии с потребителей поселка Шабровский г. Екатеринбурга, действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью извлечения для подконтрольной ему организации – ООО «РЭС» незаконной выгоды имущественного характера и причинения имущественного ущерба гарантирующему поставщику электроэнергии в особо крупном размере, при отсутствии признаков хищения, выдавая ООО «РЭС» за территориальную сетевую организацию, осуществлял взимание денежных средств на расчетные счета Общества за бездоговорное потребление электроэнергии с жителей поселка Шабровский г. Екатеринбурга, ДНТ «Сокол», СНТ «Дружба», СНТ «Ветеран», которые расположены в поселке Шабровском г. Екатеринбурга и подключены к ПС «Шабры», в сумме <...> рублей за период с 1 октября 2011 г. по 31 июля 2016 г., ООО «Средуралтальк» в сумме <...> рублей за период с 1 января 2012 г. по 13 сентября 2016 г., путем обмана, сознательно не сообщая об указанных обстоятельствах представителям гарантирующего поставщика электроэнергии – АО «ЕЭНС» – и не перечислив последнему полученные на расчетные счета ООО «РЭС» денежные средства, тем самым причинив гарантирующему поставщику электроэнергии – АО «ЕЭНС» – материальный ущерб в особо крупном размере на общую сумму <...> рублей¹.

¹ Приговор Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 15 апреля 2019 г. по делу № 1-9/2019 [Электронный ресурс]

Рассматриваемые составы преступлений по конструкции объективной стороны являются материальными, в связи с чем виновный причиняет имущественный ущерб гарантирующему поставщику электроэнергии. Следует также отметить, что правильное установление общественно опасных последствий зависит от верного расчета суммы фактически потребленной электроэнергии за инкриминируемый период времени².

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, является способ совершения преступления, который, на наш взгляд, с учетом особенностей расследуемого состава надлежит определить как сознательное несообщение виновным гарантирующему поставщику о факте взимания денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии и в последующем неперечисление в его адрес полученных денежных средств.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что уголовная ответственность по ст. 165 УК РФ за незаконное взимание денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии наступает при условии должного установления умысла на совершение преступления, который, по нашему мнению, может выражаться в заведомо ложной выдаче себя в качестве организации, имеющей статус территориальной сетевой организации, выставлении счетов и взимании денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии, а также в сознательном несообщении об указанных обстоятельствах гарантирующему поставщику электроэнергии и неперечислении в адрес последнего денежных средств, полученных от конечных потребителей электроэнергии.

Важной особенностью квалификации указанных видов преступлений, как нам видится, является установление отсутствия у виновного статуса территориальной сетевой организации. Такой статус организацией может быть получен только на основании решения Региональной энергетической комиссии соответствующего субъекта Российской Федерации. Если указанные события были исследованы в рамках арбитражного судопроизводства, то такое решение имеет преюдициальное значение и подлежит признанию судом, а также лицом, осуществляющим предварительное расследование, без дополнительной проверки.

Так, в ходе рассмотрения арбитражного дела о взыскании задолженности по оплате электроэнергии суд установил, что, исходя из норм действующего законодательства, а также сложившейся судебной практики, ООО «Региональные электрические системы» не является сетевой организацией, следовательно,

// ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

² См.: Барышева Е. А. Незаконное пользование электроэнергией: проблемы уголовно-правовой оценки // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2011. № 2 (27). С. 190.

не имеет права на взыскание стоимости выявленного объема бездоговорного потребления электрической энергии с потребителя. Кроме того, ООО «Региональные электрические системы» ни на момент спорного периода, ни на сегодняшний день не заключило договор купли-продажи электрической энергии в целях компенсации потерь в электрических сетях с гарантирующим поставщиком, не предоставляет расчет потерь в принадлежащих ему сетях и по факту их не оплачивает. Следовательно, ООО «Региональные электрические системы» не доказало, что приобрело спорный объем электрической энергии в качестве потерь, и, соответственно, может ею распоряжаться¹.

Таким образом, действия виновного по незаконному взиманию денежных средств с конечных потребителей электроэнергии при отсутствии статуса территориальной сетевой организации образуют состав преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Такое преступление совершается с прямым умыслом путем обмана гарантирующего поставщика электроэнергии.

Еще одной важной особенностью при квалификации содеянного является установление субъекта преступления. В соответствии с уголовным законодательством РФ под ним следует понимать физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. С учетом особенностей совершения указанного вида преступления, следует обратить внимание, что субъектами преступления в данном случае могут выступать либо собственники объектов электросетевого хозяйства, посредством которых осуществляется незаконное взимание денежных средств за бездоговорное потребление электроэнергии, либо, в случае передачи такого имущества в аренду, директора либо фактические руководители организаций, которые используют электросетевое оборудование в целях незаконного материального обогащения.

Таким образом, для правильной квалификации действий виновного, направленных на незаконное взимание денежных средств с конечных потребителей электроэнергии за бездоговорное потребление электроэнергии, по ст. 165 УК РФ необходимо установление следующих обязательных объективных и субъективных признаков:

- ущерб, причиненный гарантирующему поставщику электроэнергии, который надлежит определить как сумму незаконно взимаемых денежных средств с конечных потребителей электроэнергии за бездоговорное потребление электроэнергии за инкриминируемый период времени;
- способ совершения преступления, который выражается в сознательном несообщении виновным гарантирующему поставщику о факте взимания денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии и в послед-

дующем неперечислении в его адрес полученных денежных средств;

- отсутствие у виновного статуса территориальной сетевой организации;
- прямой умысел на совершение преступления, который может быть установлен через объективные признаки преступления, выраженные в заведомо ложной выдаче себя в качестве организации, имеющей статус территориальной сетевой организации, выставлении счетов и взимании денежных средств с конечных потребителей за бездоговорное потребление электроэнергии, а также в сознательном несообщении о таких обстоятельствах гарантирующему поставщику электроэнергии;
- субъект преступления, которым могут выступать собственники объектов электросетевого хозяйства, директора либо фактические руководители организаций, которые используют электросетевое оборудование в целях незаконного материального обогащения.

Однако изучение уголовных дел и материалов процессуальной проверки, проводимых для принятия решения в порядке статей 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в данной области, показывает, что зачастую, несмотря на наличие всех признаков преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, выносятся постановления о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом системной ошибкой является поверхностное рассмотрение материалов, в которых отсутствуют доказательства, направленные на установление умысла виновного на совершение преступления, а также обязательных признаков объективной стороны состава преступления. Такие незаконные и необоснованные постановления не позволяют выработать положительный опыт по расследованию преступлений в сфере электроэнергетики и должны быть отменены субъектами, осуществляющими ведомственный контроль и прокурорский надзор.

Для правильного разрешения сложившейся ситуации нам видится два возможных варианта: издание соответствующих руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ либо дополнение статьи 165 УК РФ частью 3, предусматривающей ответственность за незаконное использование электроэнергии субъектами электроэнергетики, причинившее ущерб гарантирующему поставщику электроэнергии.

Библиографический список

1. Барышева Е. А. Незаконное пользование электроэнергией: проблемы уголовно-правовой оценки / Е. А. Барышева // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2011. – № 2 (27). – С. 188–191.
2. Вербенко Т. Л. Проблемы применения законодательства об энергоснабжении в судебно-арбитражной практике (по материалам заседания научно-консультативного совета при ФАС Уральского округа) / Т.

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 1 июня 2012 г. по делу № А60-3708/2012 [Электронный ресурс] // ФАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru>.

Л. Вербенко, М. Г. Митина, Е. Ю. Петров и др. // Вестник Федерального Арбитражного суда Уральского округа. – 2008. – № 3 (7).

3. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография / Н. А. Лопашенко. – М.: Норма: Инфра-М, 2012.

Bibliograficheskij spisok

1. Barysheva E. A. Nezakonnoe pol'zovanie elektroenergij: problemy ugovovno-pravovoj ocenki / E. A. Barysheva // Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo. – 2011. – № 2 (27). – S. 188–191.

2. Verbenko T. L. Problemy primeneniya zakonodatel'stva ob energosnabzhenii v sudebno-arbitrazhnoj praktike (po materialam zasedaniya nauchno-konsul'tativnogo soveta pri FAS Ural'skogo okruga) / T. L. Verbenko, M. G. Mitina, E. YU. Petrov i dr. // Vestnik Federal'nogo Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga. – 2008. – № 3 (7).

3. Lopashenko N. A. Posyagatel'stva na sobstvennost': monografiya / N. A. Lopashenko. – М.: Norma: Infra-M, 2012.

Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 322² Уголовного кодекса Российской Федерации, совершаемого должностным лицом

Токарев Денис Сергеевич,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: tokarev@uralweb.ru

Ефимов Иван Александрович,
Уральский институт ГПС МЧС России,
кандидат юридических наук
e-mail: tokarev@uralweb.ru

Статья посвящена толкованию признаков объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за фиктивную регистрацию граждан Российской Федерации в жилом помещении по месту пребывания или месту жительства и фиктивную регистрацию апатридов и иностранных граждан в жилом помещении на территории Российской Федерации. Анализируется возможность закрепления повышенной ответственности лиц, совершающих данное преступление с использованием должностных полномочий.

Ключевые слова: фиктивная регистрация; постановка на миграционный учет; регистрация в жилом помещении; регистрация по месту пребывания.

Features of qualification of the crime made by executive noted in the article 322² of the Criminal Code Of Russian Federation

Tokarev Denis Sergeyevich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

Efimov Ivan Aleksandrovich,
Ural Institute of State fire service of the ministry of
emergency situations, Candidate of Law

The article is devoted to the explanation of the signs of the object part of the corpus delicti provided the responsibility for the fake registration of citizens of Russian Federation in living quarters at the place of stay or location and fake registration of stateless and foreign citizens in living quarters on the territory of Russian Federation. The questions of possibility to fix the increased responsibility of persons making this crime by using their official authorities are analyzed.

Key words: fake registration; migration registration; registration in the dwelling; registration at the place of stay.

Как отмечают ученые, незаконная миграция несет в себе угрозу национальной безопасности страны, приводит к росту теневой экономики и коррупции, усилению социальной напряженности¹.

Эффективное государственное управление порядком разрешения, учета въезда на территорию Российской Федерации и перемещения по ней позво-

ляет обеспечить безопасность населения, а также является неотъемлемой составляющей экономического развития нашей страны. В этом смысле степень общественной опасности деяний, нарушающих установленный в Российской Федерации порядок миграции, обуславливает необходимость в числе комплекса правовых мер применять меры уголовно-правового воздействия.

В целях противодействия незаконной миграции в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г.

¹ См.: Исхаков А. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: автореф. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 3.

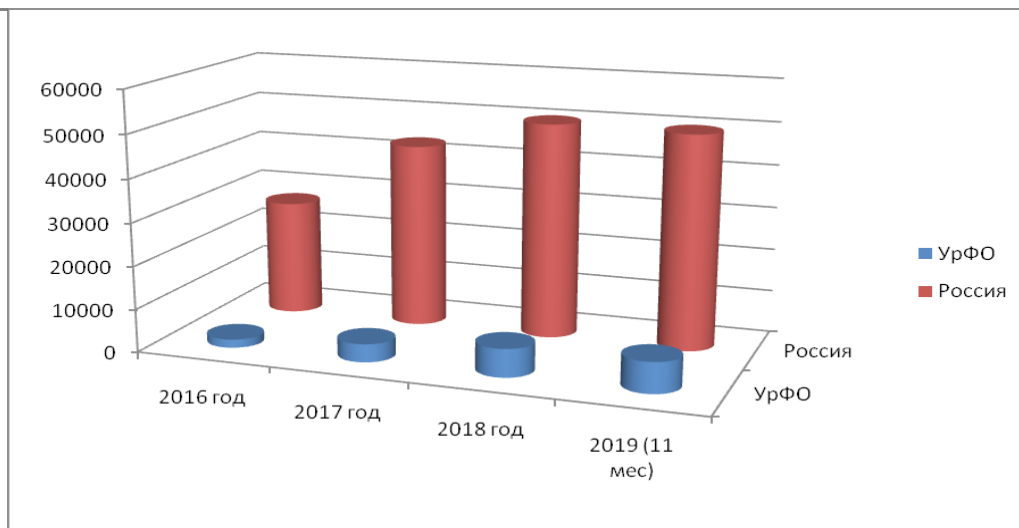

Рис. Количество совершенных преступлений в сфере миграции

статьей 322 была предусмотрена ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» уголовное законодательство дополнено нормой, предусматривающей ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ). В 2013 г., т. е. по истечении почти десятилетия после криминализации деяния по организации незаконной миграции, федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ в уголовное законодательство России внесены еще две статьи, содержащие нормы по охране общественных отношений, возникающих по вопросам управления в сфере законной миграции, – ст. 322² УК РФ «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» и ст. 322³ УК РФ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации».

Введение указанных норм, с одной стороны, обусловлено необходимостью усиления защиты суверенитета Российской Федерации и интересов граждан Российской Федерации, а с другой – потребностью в повышении эффективности обеспечения режима законного пребывания в России граждан Российской Федерации, граждан иностранных государств и апатридов.

Рост совершенных преступлений в сфере миграции подтверждается статистическими данными¹.

¹ См.: Сергеев А. Ф., Кабешов В. Ю., Селиверстова С. В. Взаимодействие подразделений полиции в сфере противодействия нелегальной миграции (на примере ГУ МВД России по Челябинской области) // Вестник МВД России. 2020. № 1

Данное обстоятельство, с одной стороны, может быть обусловлено правовым нигилизмом лиц, участвующих в анализируемых общественных отношениях, с другой – отсутствием механизмов регулирования данных отношений, обладающих достаточной степенью репрессивных мер, позволяющих реализовать функцию общей превенции.

Регулирование миграционных процессов охватывает широкую сферу общественных отношений, что обуславливает необходимость их нормативной регламентации в нескольких отраслях права, в том числе основываясь на нормах международного права. В этой связи нормы уголовного права имеют бланкетный характер, а значит, для установления наличия признака состава преступления необходимо раскрыть содержание терминов, используемых законодателем при конструировании нормы, через толкование норм иных отраслей права.

В таблице приведены статистические данные правоприменения ст. 322² УК РФ по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации² и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации³.

Год	Зарегистрировано преступлений по ст. 322 ² УК РФ	Число осужденных по ст. 322 ² УК РФ
2016	нет данных	1004
2017	6404	1555
2018	7495	1561
2019	7443	1135
I полугодие 2020 года	4733	нет данных

Представленные данные, безусловно, свидетельствуют о наличии определенных проблем в правоприменении.

(163). С. 56.

² URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>

³ URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/>
URL: <http://www.cdep.ru>

менении ст. 322² УК РФ, что на протяжении нескольких лет негативно отражается на противодействии преступным посягательствам в виде фиктивной регистрации и, как следствие, подтверждает актуальность проводимых исследований по совершенствованию правоприменения и выработке законотворческих решений по анализируемому составу преступления.

Законодательная формулировка диспозиции ст. 322² УК РФ с описанием запрещенного деяния породила сложности в понимании признаков субъекта данного преступления. Определение указанных признаков считаем целесообразным осуществлять посредством анализа общественно опасного деяния, закрепленного исследуемой нормой.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 322² УК РФ, характеризуется деянием в виде фиктивной регистрации, содержание которого раскрывается в правовых актах, регламентирующих процедуру регистрации и постановки на миграционный учет.

Из содержания ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»¹ следует, что под фиктивной регистрацией гражданина России по месту пребывания или месту жительства понимается:

- регистрация на основании представленных заведомо ложных сведений или документов, содержащих недостоверные сведения, необходимых для такой регистрации;
- регистрация в жилом помещении, когда лицо не намеревалось проживать (пребывать) в указанном помещении;
- регистрация по месту пребывания или месту жительства при отсутствии намерения собственника предоставить это помещение для пребывания или проживания.

Нормы Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»² предусматривают аналогичный перечень действий, характеризующих фиктивную регистрацию иностранных граждан или апатридов по месту жительства.

В этой связи необходимо обратиться к содержанию понятия «регистрация» применительно к вопросам миграции, которое также имеет законодательно закрепленное толкование в ст. 2 Закона РФ № 5242-1. Под регистрацией следует понимать постановку гражданина России на регистрационный учет по месту жительства, заключающуюся в фиксации в регламентированном порядке органом регистрационного учета сведений о месте жительства гражданина на России, а также сведений о его нахождении в данном месте жительства.

¹ Далее – Закон РФ № 5242-1.

² Далее – ФЗ № 109.

Для определения признаков субъекта анализируемого состава преступления необходимо акцентировать внимание на содержании легального понятия «регистрационный учет граждан РФ по месту жительства и месту пребывания», закрепленного в ст. 2 Закона РФ № 5242-1, которое, несмотря на то, что определяет регистрационный учет как деятельность государственных органов по фиксации и обобщению сведений о регистрации граждан России по месту жительства и месту пребывания, в то же время содержит положение о том, что регистрационный учет имеет уведомительный характер. Из этого следует, что, как правило, субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 322² УК РФ, являются не должностные лица регистрирующего органа, а лица, которые предоставляют в государственные органы сведения, необходимые для регистрации.

Вопросы несоответствия норм, предусматривающих ответственность за фиктивную регистрацию, содержательной составляющей данного преступного деяния поднимают С. Куницын и Р. Шергин³. Авторы считают, что диспозицию статьи 322² УК РФ следует изложить в такой редакции, которая позволяла бы предусмотреть уголовную ответственность за действия по предоставлению документов для фиктивной регистрации по месту жительства или фиктивного учета граждан по месту пребывания.

Вместе с тем Н. Сивцев высказывает мнение, что ст. 322² УК РФ следует дополнить квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за совершение данного преступления с использованием служебного положения⁴.

Считаем возможным согласиться с мнением С. Куницына и Р. Шергина, поскольку характер деяния в виде фиктивной регистрации, описанной нами выше, анализ приговоров, вынесенных судами РФ по ст. 322² УК РФ, а также положений правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере миграции, позволяет прийти к выводу, что субъектом рассматриваемого преступления выступают граждане и юридические лица, предоставляющие для проживания жилые помещения, которые принадлежат им на праве собственности, а также иные лица, ответственные за прием и передачу в органы регистрационного учета документов, необходимых для регистрации или снятия с регистрационного учета граждан России по месту пребывания и по месту жительства на территории Российской Федерации. Перечень таких лиц утвержден постановлением Правительства РФ⁵: временно пребывающие в России,

³ См.: Куницын С., Шергин Р. Противодействие фиктивной регистрации по месту жительства и постановке на учет по месту пребывания // Законность. 2020. № 6. С. 47–49.

⁴ См.: Сивцев Н. Проблемные вопросы применения ст. 322², 322³ УК РФ // Законность. 2020. № 6. С. 53–54.

⁵ Постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации».

постоянно или временно проживающие в России граждане иностранного государства; сторона, принимающая гражданина иностранного государства или апатрида в Российской Федерации¹. То есть это лица, в обязанность которых входит подача в органы миграционного учета сведений о месте жительства или месте пребывания.

Так, Н., в собственности которой находится жилое помещение, реализуя умысел, направленный на предоставление помещения гражданке Российской Федерации М. в целях её фиктивной регистрации по месту жительства в России, и не намереваясь предоставлять в последующем вышеназванное жилое помещение для проживания там зарегистрированного лица по факту, руководствуясь корыстными побуждениями, с целью получения от М. денежных средств в качестве вознаграждения, нарушая требования ст. 3 Закона РФ № 5242-1, в соответствии с которой Н. как регистрирующая по своему месту жительства гражданку РФ М. обязана фактически предоставить последней для проживания свою жилую площадь, в декабре 2018 г., находясь в помещении ООО «ЖЭК Метлино», подала паспортисту ООО «ЖЭК Метлино» заявление о согласии М. на вышеуказанную регистрацию. Заявление 25 декабря 2018 г. сотрудниками ООО «ЖЭК Метлино» с целью регистрации М. по указанному выше адресу направлено в отдел по вопросам миграции Управления МВД России по ЗАТО г. Озерск.

Таким образом, Н. предоставила фиктивную регистрацию по месту жительства гражданке Российской Федерации М., которая до и после момента регистрации по вышеуказанному адресу фактически не проживала и не планировала проживать².

Сотрудник же регистрирующего органа (организация учета миграционных процессов возложена на государство в лице Управления по вопросам миграции МВД России) или лицо органа государственной власти или органа местного самоуправления, замещающее должность в центре оказания муниципальных услуг, в обязанности которого входит прием документов для регистрации по месту жительства, может выступать в качестве субъекта в случае соучастия либо совершения данного преступления путем фиксации сведений о месте жительства гражданина Российской Федерации и о его нахождении в данном месте

Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

¹ Пункт 7 ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2020).

² Приговор Мирового суда судебного участка № 1 г. Озерска Челябинской области от 5 сентября 2019 г. по делу № 1-53/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

жительства, когда заявитель лично заявление о регистрации, снятии с регистрационного учета и прилагаемые документы, необходимые для предоставления государственной услуги, не подавал.

По мнению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сотрудник органа регистрационного (миграционного) учета, осуществивший регистрацию (постановку на учет) гражданина иностранного государства, апатрида или гражданина Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности за содеянное в том случае, когда им осознавались недостоверность (ложность) представленных для постановки на учет или регистрации сведений или документов либо наличие иных обстоятельств, препятствующих регистрации (постановке на учет)³.

Таким образом, следует сделать вывод, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 322² УК РФ, может быть лицо, в обязанность которого входит подача в органы миграционного учета сведений о месте пребывания или месте жительства, лицо, не меняющее своего места жительства (места пребывания), подавшее ложные сведения в органы регистрационного (миграционного) учета об изменении места своего жительства (места пребывания). Сотрудник органа регистрационного (миграционного) учета подлежит ответственности за фиктивную регистрацию в случаях, если осознавал недостоверность (ложность) представленных для постановки на учет или регистрации сведений или документов либо наличие иных обстоятельств, препятствующих регистрации (постановке на учет), как соисполнитель преступления либо как единственный исполнитель, совершая данное преступление путем внесения установленных сведений о месте жительства, нахождении лица без подачи лично заявителем заявления о регистрации.

Принимая во внимание, что регистрация лица по месту пребывания или месту жительства носит уведомительный характер, полномочия лиц, осуществляющих регистрационный (миграционный) учет, не являются необходимым и достаточным условием совершения данного преступления, тем самым участие сотрудника органа регистрационного (миграционного) учета в совершении преступления не влияет на степень общественной опасности. В этой связи высказываемые предложения о необходимости дополнить ст. 322² УК РФ квалифицирующим признаком, предусматривающим ответственность за совершение преступления с использованием служебного положения, нам видятся несостоятельными. Охрана же объекта – «интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления», который может пострадать в случае совершения фиктивной регистрации должностным лицом, может осуществляться посредством применения норм, закрепленных в

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией». URL: <http://www.consultant.ru>.

гл. 30 УК РФ, предусматривающих ответственность за злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий либо, при наличии к тому оснований, за получение взятки.

Библиографический список

1. Исаков А. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: автореф. ... канд. юрид. наук / А. М. Исаков. – Казань, 2018.

2. Сергеев А. Ф. Взаимодействие подразделений полиции в сфере противодействия нелегальной миграции (на примере ГУ МВД России по Челябинской области) / А. Ф. Сергеев, В. Ю. Кабешов, С. В. Селиверстова // Вестник МВД России. – 2020. – № 1 (163). – С. 55–65.

3. Куницын С. Противодействие фиктивной регистрации по месту жительства и постановке на учет по месту пребывания / С. Куницын, Р. Шергин // Законность. – 2020. – № 6. – С. 47–49.

4. Сивцев Н. Проблемные вопросы применения ст. 322.2, 322.3 УК РФ / Н. Сивцев // Законность. – 2020. – № 6. – С. 53–54.

Bibliograficheskij spisok

1. Iskhakov A. M. Uголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: avtoref. ... kand. yurid. nauk / A. M. Iskhakov. – Kazan', 2018.

2. Sergeev A. F. Vzaimodejstvie podrazdelenij policii v sfere protivodejstviya nelegal'noj migracii (na primere GU MVD Rossii po Chelyabinskoj oblasti) / A. F. Sergeev, V. YU. Kabeshov, S. V. Seliverstova // Vestnik MVD Rossii. – 2020. – № 1 (163). – S. 55–65.

3. Kunicyn S. Protivodejstvie fiktivnoj registracii po mestu zhitel'stva i postanovke na uchet po mestu prebyvaniya / S. Kunicyn, R. SHergin // Zakonnost'. – 2020. – № 6. – S. 47–49.

4. Sivcev N. Problemnye voprosy primeneniya st. 322.2, 322.3 UK RF / N. Sivcev // Zakonnost'. – 2020. – № 6. – S. 53–54.

ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

УДК 343.3

Феномен праворадикального экстремизма в странах Европы и США и проблемы противодействия ему органов государственной власти на современном этапе

Михеева Светлана Николаевна,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат юридических наук
e-mail: blacktopaz@mail.ru

Скипский Георгий Александрович,
Уральский юридический институт МВД России,
кандидат исторических наук, доцент
e-mail: skipsky.georgy@yandex.ru

Статья посвящена анализу явления праворадикального экстремизма и причин его распространения в странах Европы и США на современном этапе. В исследовании подчеркивается, что деятельность правоохранительных органов по пресечению и профилактике преступлений экстремистской направленности осложнилась факторами, порожденными процессами глобализации и научно-технической революцией.

Изучен положительный опыт по принятию мер, способствующих повышению эффективности противодействия распространению идей экстремизма на современном этапе.

Ключевые слова: ультраправые; преступления экстремистской направленности; правоохранительные органы; оперативно-разыскные мероприятия.

The phenomenon of radical right-wing extremism in the countries of Europe and the USA and the problems of counteraction to it by state authorities at the present stage

Mikheeva Svetlana Nikolayevna,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Law

Skipskiy Georgy Alexandrovich,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Historical sciences, Associate Professor

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of right-wing extremism and the reasons for its spread in Europe and the United States at the present stage. The study emphasizes that the activities of law enforcement agencies to suppress and prevent crimes of an extremist orientation were complicated by factors generated by the processes of globalization and the scientific and technological revolution.

The positive experience of taking measures to improve the effectiveness of countering the spread of the ideas of extremism at the present stage is studied.

Key words: ultra-right; extremist crimes; law enforcement agencies; operational-search measures.

Правый радикализм как политический феномен возник еще в конце XIX века как реакция на рост революционного рабочего и национально-освободительного движения, а также процессы демократизации, которые усиливались в индустриально развитых странах Западной Европы и США. В качестве примера можно привести создание экстремистской организации Ку-клукс-клан в южных штатах США вскоре после окончания Гражданской войны 1861–1865 гг. как агрессивную реакцию на ликвидацию рабства и вовлечение в политическую и социальную жизнь страны представителей афроамериканских общин.

В Европе правый радикализм получил большое распространение накануне Первой мировой войны и стал политическим противовесом идеям социал-демократии и равенства людей независимо от национальности, пола, расы и вероисповедания.

После Первой мировой войны появился первый в мировой истории проект социального государства – Советская Россия, который вскоре получил своего наиболее радикального политического противника – фашизм в Италии и приход к власти национал-социалистов в Германии.

После разгрома фашизма в 1945 году в Европе и США наблюдался вполне закономерный процесс дальнейшего развития идей демократии, принципов социального и правового государства. Но на фоне углубления кризиса в странах социалистического лагеря, а также крушения всех европейских колониальных империй в Европе вновь возрождаются движения ультраправых (Франция), неонацистов (ФРГ), а в Великобритании и США правый радикализм вообще получил государственную поддержку со стороны, соответственно, М. Тэтчер и Р. Рейгана. Его усиление было временно нейтрализовано распадом СССР и блока стран Варшавского договора. Но уже в начале 2000-х гг. правый радикализм вновь становится популярным и в Европе, и в США, но теперь уже на фоне активизации сторонников исламского фундаментализма, а также краха идей мультикультурализма в странах Евросоюза, а также обострения межрасовых и межконфессиональных конфликтов в США.

Количество актов террористической направленности, совершаемых представителями праворадикального сектора, начиная с 2014 года неуклонно растет, их деятельность активизируется, наряду с деятельностью террористов ИГИЛ.

В связи с этим во всех странах сегодня органы государственной власти и местного самоуправления нуждаются в объединении и координации своих усилий и ресурсов.

Практическая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в Европе и США за последние десятилетия показала, что они не всегда были в состоянии урегулировать эти конфликты. Более того, они стремятся дистанцироваться

от реального решения накопившихся социальных и экономических проблем, вызванных так называемым «восстанием элит» (данный термин был введен в оборот Кристофером Лэшем¹ в противовес понятию Оргтега-и-Гассета – «восстание масс»), начало которым положили еще неоконсервативные реформы М. Тэтчер и Р. Рейгана. Более того, именно власти США и Великобритании стали использовать рост праворадикальных настроений в целях оправдания активизации своей военной активности в странах Ближнего Востока, начиная с вторжения в Исламскую республику Афганистан в 2001 г., заканчивая вмешательством во внутренние дела Сирийской Арабской республики на современном этапе.

Сегодня ультраправые в Европе и США пока не имеют легальной возможности официально пропагандировать свои идеи и принципы, поскольку в рамках общеевропейского и американского законодательства их идеи и действия квалифицируются как экстремизм и предполагают административную или даже уголовную ответственность. Поэтому противники идей толерантности по отношению к различным меньшинствам, как правило, реализуют свои принципы через негосударственные организации. Их целями являются разжигание расовой, этнической или религиозной ненависти; противостояние правительственным институтам; прекращение практики абортот. По словам Брюса Хоффмана, ультраправые обычно критикуют демократические государства за их либеральную социальную политику и толерантность по отношению к мнению различных меньшинств².

В Европе и США наиболее распространенными в последние годы стали убийства на почве расовой ненависти сторонниками «превосходства белых»; антиправительственный экстремизм, который поддерживается народным ополчением, «суверенными гражданами», «движением патриотов», протестующими против налогов и др., и, наконец, убийства, совершенные «инселами» (недобровольными холостяками) – противниками смешанных (межрасовых и межэтнических) браков, которые представляют одну из категорий женоненавистников.

Леворадикальные идеи также реализуются посредством насилия со стороны субнациональных негосударственных организаций, которые, в свою очередь, осуждают капитализм, империализм, колониализм. Они ориентированы на разрешение проблем окружающей среды и животного мира, поддерживают коммунистические и социалистические взгляды или придерживаются идей анархизма. Самые распространенные группы – анархисты и «черные» националисты.

¹ См.: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос; Прогресс, 2002. 224 с.

² Hoffmann B. Inside Terrorism. New York: Columbia University Press, 2017.

Рис. 1

Еще одна форма экстремизма – это исламский экстремизм, или фундаментализм. Его особенность заключается в том, что публично он направлен против политики империализма и неокOLONиализма стран Европы и США, а также на реализацию нового глобального проекта – всемирного Халифата, чьим полигоном на Ближнем Востоке стал ИГИЛ.

С другой стороны, ИГИЛ – это продукт политики «двойных стандартов», проводимой США и поддерживаемой многими странами Евросоюза. Вместе с тем сегодня вербовщики ИГИЛ активно вербуют в свои ряды сторонников леворадикальных идей по всему миру, в том числе в Европе и США. Таким образом, мы наблюдаем формирование симбиоза двух видов радикализма – правого и левого.

За последние годы в США количество экстремистских проявлений со стороны ультраправых значительно возросло. Если в период с 2007 по 2011 г. их было 5, то уже в 2012 г. стало 14, в 2017 г. – 31, в 2018 г. – 49, в 2019 г. – 38. По данным ADL, 2018 год был призван самым кровавым¹. Количество жертв теракта в Синагоге «Древо жизни» г. Питтсбурга и в средней школе в г. Паркленде составило 28 человек². Террористические акты совершались в отношении религиозных организаций и их последователей, чаще всего, представителей исламской и иудаистской конфессий (31 %); иностранных государственных организаций, находящихся в США (14 %); СМИ (1 %); обычных граждан и их имущества (29 %) и др.³ Для совершения террористических актов использовались химическое, холодное, огнестрельное оружие; взрывчатка; зажигательные смеси; транспортные средства. В большинстве случаев применялось огнестрельное оружие (38 %) и зажигательные устройства (35 %) в силу того,

что они доступны, просты в обращении и не требуют длительной подготовки, специальных навыков для их применения. Большинство взрывных устройств были сделаны в домашних условиях. В основном, преступники действовали в одиночку или малыми группами.

За последние 10 лет (2010–2019 гг.) в США процент убийств, совершенных ультраправыми, составил 76 % от общего количества убийств на почве экстремизма, а каждые 3 из 4 убийств, совершенных ультраправыми, принадлежат сторонникам «превосходства белых»⁴ (рис. 1).

Обратимся к опыту стран Европейского Союза. За период с 2016 по 2017 г. количество проведенных контртеррористических операций возросло на 88 %⁵. Согласно отчету Европола за период с 2015 по 2018 г. в Евросоюзе было совершено 16 террористических актов (рис. 2).

За последние годы преступные группы активизировались в Германии, Чехии, Бельгии, Португалии, Франции, в Соединенном Королевстве. Причем в Великобритании активность ультраправых ощущается наиболее остро. Только в конце 2017 – начале 2018 года в Великобритании было арестовано 27 человек по подозрению в причастности к «Национальному движению». В июне 2018 г. во Франции было арестовано 10 человек, среди которых 1 – полицейский в отставке, 1 – солдат запаса, которые входили в правоэкстремистскую группу, планировавшую совершить нападения на представителей мусульманской диаспоры⁶. При обыске сотрудниками специальных служб были найдены пистолеты, складные винтовки, ручные гранаты.

Ниже приведены данные по количеству лиц, арестованных в зоне Евросоюза (Чехия, Франция, Герма-

¹ URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2018#the-perpetrators> (дата обращения: 15.03.2020).

² The Rise of Far-Right Extremism in the United States [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csis.org> (дата обращения: 15.03.2020).

³ URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2018#the-perpetrators> (дата обращения: 15.03.2020).

⁴ URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2019#the-perpetrators> (дата обращения: 15.03.2020).

⁵ URL: <https://www.france24.com/en/20190319-europe-intelligence-far-right-extremism-growing-threat-christchurch> (дата обращения: 15.03.2020).

⁶ The Rise of Far-Right Extremism in the United States [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csis.org> (дата обращения: 15.03.2020).

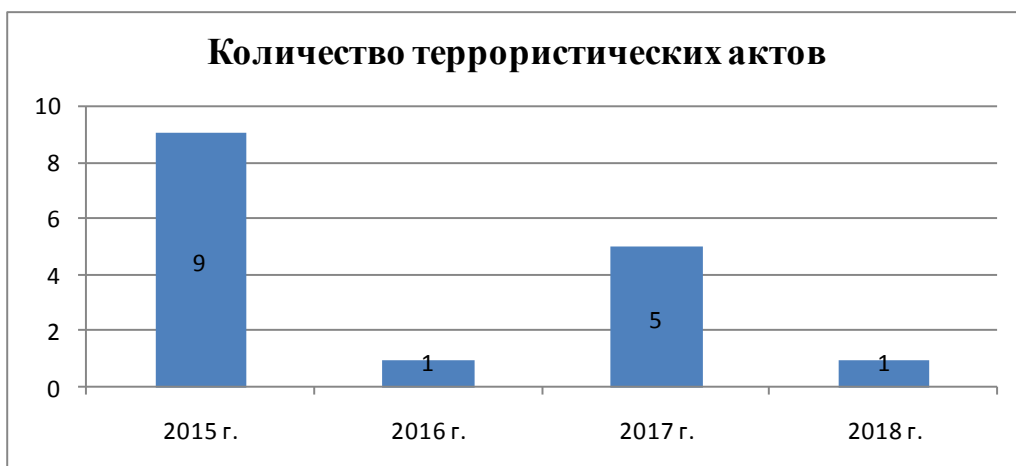

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

ния, Италия и Нидерланды) и принадлежащих к ультраправым организациям (рис. 3, 4).

Средний возраст арестованных составляет 33 года, половина из них моложе 30 лет и 22 % моложе 40 лет. Преобладающее большинство задержанных – граждане Евросоюза, лица мужского пола.

В целом, правоэкстремистские организации в Европе представлены национал-социалистическими и неонацистскими, ревизионистскими, расистскими и антисемитскими группами, скинхедами и др.

В частности, в Чехии правоэкстремистское крыло представлено движением «Generace Identity»

(«Поколение идентичности») и недавно основанным движением «Národní a sociální fronta» («Народный и социальный фронт»). В Германии распространены неонацистские движения «Kameradschaften» («Свободные товарищества») – германская сетевая структура неонацистских групп. Они позиционируются как автономные подразделения системы «Национальное сопротивление», отличительной особенностью которых является использование и применение взрывчатых веществ и различных видов оружия.

В Нидерландах действует антисемитская и антидемократическая группа «Erkenbrand». Деятельность этой группы направлена, в основном, против мусульман, а также правительства.

В Словакии в 2018 г. в правоэкстремистской деятельности были обвинены 15 человек. Они создали группу «Felvideki Narcosok» («Горные воины») и публично демонстрировали измененную фашистскую символику на баннерах, флагах и татуировках на различных спортивных мероприятиях. Через социальные сети и средства массовой информации группа призывала к разжиганию ненависти к этническим меньшинствам.

По данным Европола, в 2018 г. количество судебных приговоров, вынесенных ультраправым в Германии и Нидерландах, увеличилось с 4 до 22. Так, в Германии Высший земельный суд Дрездена заслушал дело, по которому проходили восемь человек (7 мужчин и 1 женщина), обвиняемых в организации и участии в 2015 г. в экстремистской праворадикальной группе «Gruppe Freita». Целями группы было нападение на беженцев, а также квартиры, офисы, транспортные средства политических противников. Члены группы были признаны виновными в организации в 2015 г. атак с применением взрывных устройств на транспортное средство представителя леворадикального звена и помещения организации, лагерь беженцев и центр по приему беженцев. Их обвиняли в руководстве и членстве в преступной организации, нескольких покушениях на убийство, причинении тяжких телесных повреждений. По результатам рассмотрения уголовного дела все 8 подсудимых были признаны виновными в совершении инкриминируемых преступлений. Семь человек получили наказания в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, одного из них приговорили к 4 годам лишения свободы¹.

Количество вынесенных обвинительных судебных приговоров в Германии составило 17, в Нидерландах – 5.

В качестве причин неуклонного роста праворадикальных взглядов исследователи называют следующие.

Во-первых, существование глобальной сети «Интернет» и социальных сетей, которые активно используются как площадка для пропаганды основных идей, целенаправленной подготовки (включая боевую),

организации выездов для участия в протестах и других событиях, сбора средств, вербовки сторонников и общения. Интернет и социальные сети предоставляют безграничные возможности для воздействия на широкие массы. Ультраправые используют Twitter с такими хэштегами, как «националист», «ультраправый», создают страницы в социальных сетях «Gab», «Discord», веб-сайт – «DailyStormer».

Во-вторых, организация поездок для встречи со своими сторонниками в различные страны, в том числе, Ирак, Сирийскую Арабскую Республику. Такие путешествия им необходимы, чтобы совершенствовать тактику борьбы, контрразведывательную подготовку, расширять сеть своих организаций по всему миру. Например, известная шведская организация Nordiska Motståndsrörelsen (NMR, «Северное движение сопротивления») имеет свои филиалы в Дании, Финляндии и Норвегии². Португальские организации «Blood and Honour», Portugal Hammer Skins и недавно созданная неонацистская политическая партия «Nova Ordem Social» («Новый социальный заказ») представлены на национальном и международном уровнях.

В-третьих, активизации ультраправых способствовали события, связанные с избранием на высшие посты «не белых», высказывания ряда политиков о необходимости возрождения нации и др.³

Еще одной причиной широкого распространения праворадикальных идей в массах является то, что свою деятельность они строят на искусственном распространении страхов западноевропейского общества перед исламским миром и возможной исламизацией стран Евросоюза, озлобленности в связи с потерей национальной идентичности (например, в связи проводимой несбалансированной иммигрантской политикой в ФРГ и Франции). Это порождает у отдельных индивидов ксенофобию, антисемитизм, исламофобию, и антииммигрантские настроения, которые выливаются в применение насилия в отношении выходцев их стран Ближнего Востока.

Подводя итог, можно отметить, что глобальная сеть «Интернет» стала местом пропаганды деятельности различных экстремистских организаций. Причиной всему – острая зависимость современного человека от социальных сетей, их доступность, а также невозможность контроля со стороны государственных структур той информации, которая поступает в глобальную сеть. Поэтому именно социальные сети сегодня становятся платформой, где происходит активная пропаганда экстремистских взглядов и вербовка новых членов. Здесь зачастую демонстрируется видео «из первых рук», т. е. сами акты насилия, которые выкладывают экстремисты. Интернет коренным образом изменил методологию террористической деятельности экстремистских организаций. Возможности интернет-сети при помощи вирусного видео,

¹ European Union Terrorism Situation and Trend. Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: www.europol.europa.eu (дата обращения: 15.03.2020).

² European Union Terrorism Situation and Trend. Report 2019. URL: www.europol.europa.eu (дата обращения: 15.03.2020).

³ The Rise of Far-Right Extremism in the United States. URL: www.csis.org (дата обращения: 15.03.2020).

картинок, текстовых файлов позволяют рассказать о себе как можно большему количеству зрителей. При этом от просмотра такого контента не застрахован никто, особенно молодое поколение, которое более всех подвержено пропаганде насилия, психологически и интеллектуально менее защищено от агрессивного воздействия со стороны ряда современных СМИ.

В современных условиях для достижения своих целей ультраправыми (антиправительственными организациями) используются кибератаки на правительственные сайты.

Кроме того, необходимо отметить, что осуществление экстремистской деятельности далеко не ограничивается только лишь призывами к разжиганию ненависти или вражды, которое само по себе уже является составом преступления. Ей сопутствуют нарушения иных норм законодательства: хранение и перевозка оружия (в тех странах, где она запрещена), торговля наркотиками, людьми и т. д. Вместе с тем стоит отметить, что большинство приверженцев праворадикальных взглядов действуют в одиночку, тем самым осложняя проведение оперативно-разыскных мероприятий и привлечение их к установленной законом ответственности. Поэтому усилия правоохранительных органов на современном этапе должны быть направлены на выявление активности таких пользователей в социальных сетях и мессенджерах. В этой связи целесообразно усилить взаимодействие правоохранительных органов с администрацией социальных сетей с целью получения быстрого доступа к странице и идентификации личности пользователя, а также немедленного удаления медиаресурсами контента, направленного на организацию любой поддержки, в том числе финансовой, экстремистским организациям.

Кроме того, чтобы деяние было квалифицировано как экстремистское, недостаточно, чтобы инцидент по своей природе был схож с актом экстремизма. Необходимо, чтобы имелись достаточные доказательства того, что лицо связано с экстремистской группой или движением. Здесь возникает еще одна проблема, с которой сталкиваются правоохранительные органы. Сегодня практически невозможно определить принадлежность лица к тому или иному экстремистскому движению (организации). Например, сторонников превосходства «белой расы» выдает наличие татуировок и другой атрибутики, в отличие от сторонников антиправительственных взглядов. Однако в последнее время представители ультраправых, в частности «скинхеды», стараются не привлекать внимание властей своими бритыми головами и стальными носками на армейской обуви. Схожей тактики стали придерживаться и радикальные исламисты – они теперь бреют бороды и одеваются в европейскую одежду.

Еще одной проблемой, вызывающей беспокойство, является проблема финансирования. Речь идет о злоупотреблениях в сфере кредитования, деятель-

ности некоммерческих и благотворительных организаций, а также предприятий малого бизнеса, под прикрытием которых может осуществляться сбор средств.

Подводя итоги исследованию указанной проблемы, мы пришли к выводу о том, что в США и странах Европы местные и центральные власти столкнулись с новыми способами и методами реализации праворадикальных идей, которые не встречают эффективного противодействия. Это свидетельствует о системном кризисе самого института государства, приобретающем глобальный масштаб на фоне усиления угрозы международного терроризма.

Библиографический список

1. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш. – Москва: Логос; Прогресс, 2002. – 224 с.
2. Hoffmann B. Inside Terrorism / B. Hoffmann. – New York: Columbia University Press, 2017.
3. URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2018#the-perpetrators> (дата обращения: 15.03.2020).
4. The Rise of Far-Right Extremism in the United States [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.csis.org> (дата обращения: 15.03.2020).
5. URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2018#the-perpetrators> (дата обращения: 15.03.2020).
6. URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2019#the-perpetrators> (дата обращения: 15.03.2020).
7. URL: <https://www.france24.com/en/20190319-europe-intelligence-far-right-extremism-growing-threat-christchurch> (дата обращения: 15.03.2020).
8. European Union Terrorism Situation and Trend. Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europol.europa.eu> (дата обращения: 15.03.2020).

Bibliograficheski spisok

1. Lesh K. Vosstanie elit i predateľ'stvo demokratii. <https://vesparevenge.ru/?p=1575>; Kristofer Lesh Vosstanie elit i predateľ'stvo demokratii. – Logos, Progress. – 2002. – 224 s.
2. Bruce Hoffmann, Inside Terrorism. New York: Columbia University Press. 2017. 3. URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2018#the-perpetrators> (data obrashcheniya: 15.03.2020)
4. The Rise of Far-Right Extremism in the United States. [Elektronnyi resurs]: Rezhim dostupa: URL: www.csis.org (data obrashcheniya: 15.03.2020)
5. URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2018#the-perpetrators> (data obrashcheniya: 15.03.2020)
6. URL: <https://www.adl.org/murder-and-extremism-2019#the-perpetrators> (data obrashcheniya: 15.03.2020)
7. URL: <https://www.france24.com/en/20190319-europe-intelligence-far-right-extremism-growing-threat-christchurch> (data obrashcheniya: 15.03.2020)
8. European Union Terrorism Situation and Trend. Report 2019. [Elektronnyi resurs]: Rezhim dostupa: URL: www.europol.europa.eu (data obrashcheniya: 15.03.2020)

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России»

I. Требования к материалам

1. В журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России» могут публиковаться материалы только образовательной, научной и информационной тематики по отрасли 12.00.00 – юридические науки. Материалы, не соответствующие тематике журнала, для рассмотрения не принимаются.

2. Для публикации в журнале «Вестник Уральского юридического института МВД России» могут представляться следующие материалы:

2.1. Научные статьи (объемом от 8 до 20 страниц печатного текста).

2.2. Информация о научных конференциях (объемом до 10 страниц печатного текста).

2.3. Научные рецензии (объемом до 5 страниц печатного текста).

2.4. Иные материалы по согласованию с редакцией.

3. Материал не должен быть опубликован ранее или одновременно находиться на рассмотрении в другом издательстве.

4. Материал должен быть представлен на русском языке (аннотация и ключевые слова дополнительно должны быть переведены на английский язык).

5. Каждый материал должен содержать:

5.1. Код универсальной десятичной классификации (УДК) – размещается на первом листе в левом верхнем углу.

5.2. Фамилию, имя, отчество (последнее – при наличии) автора, его должность, ученую степень, ученое звание, специальное или воинское звание (по желанию автора) на русском и английском языках – размещаются на первом листе в правом верхнем углу.

5.3. Почтовый адрес автора и адрес его электронной почты (обязательно) – размещаются на первом листе в правом верхнем углу.

5.4. Название материала на русском и английском языках – размещается на первом листе.

5.5. Аннотацию (как правило, 4–5 строк) на русском и английском языках – размещается на первом листе.

5.6. Ключевые слова (как правило, 4–6 слов) на русском и английском языках – размещаются на первом листе.

5.7. Библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» – размещается на последнем листе материала. Источники перечисляются в списке по алфавиту.

б. К материалу должна прилагаться рецензия специалиста в исследуемой сфере (как правило, доктора наук или кандидата наук), заверенная в установленном порядке. К материалам членов редакционного совета журнала, редакционной коллегии журнала, докторов наук и кандидатов наук, являющихся научно-педагогическими работниками – специалистами в рассматриваемой сфере, внешние рецензии могут не прилагаться. К материалам, представляемым аспирантами, адъюнктами, соискателями, прилагается отзыв научного руководителя.

7. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии согласие на опубликование.

8. Материал представляется в редакцию:

8.1. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте с указанием данных об авторе и о статье в теме письма), выполненный в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman версии 2003 и выше или другом, совместимом с ним, размером шрифта – 14, межстрочным интервалом – 1,5; поля слева – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см. Имя файла – фамилия и инициалы автора. В тексте статьи используются оформленные в соответствии с ГОСТ Р7.0.5.2008 «Библиографическая ссылка» подстрочные библиографические ссылки, которые размещаются, как примечание, вынесенное из текста документа, внизу полосы.

8.2. На бумажном носителе, по содержанию полностью идентичный электронному варианту, выполненный на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны. На последнем листе автор указывает: «Материал не содержит сведений ограниченного распространения, неправомерного заимствования; вычитан; цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником» и ставит свою подпись.

9. При направлении материала автор гарантирует отсутствие неправомерного заимствования в рукописи произведения (плагиата), надлежащее оформление цитирования, ссылок на законодательство, судебную практику, правильность статистических, информационно-аналитических и иных данных, приведенных в рукописи.

10. Все материалы направляются с сопроводительным письмом в редакцию журнала по адресу: 620057, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66, Уральский юридический институт МВД России, редакционно-издательское отделение научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Адрес электронной почты: ural-yui@mvd.ru.

II. Порядок приема, рассмотрения и рецензирования материалов

11. Все поступающие материалы в течение 10 дней со дня поступления изучаются редакционной коллегией на предмет их соответствия требованиям. Материалы, представленные с нарушением требований, не рассматриваются и не возвращаются. О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

12. Материалы, соответствующие предъявляемым требованиям, принимаются в работу и направляются на рецензирование.

13. Внешнее рецензирование материалов организуется автором самостоятельно в соответствии с п. 6.

14. Внутреннее рецензирование материалов организуется редакционной коллегией и осуществляется членами редакционного совета, редакционной коллегии журнала, сотрудниками Уральского юридического института МВД России.

15. Внутреннее рецензирование осуществляется специалистами по профилю представленного материала. В процессе внутреннего рецензирования осуществляется проверка на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения.

Рецензент осуществляет рецензирование представленного материала в течение двадцати рабочих дней, далее представляет в редакцию журнала подписанную рецензию.

16. Рецензия должна содержать объективную оценку материала. В заключении рецензент дает одну из следующих рекомендаций:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала на доработку (при наличии несущественных недостатков);
- об отклонении научного материала (при наличии существенных недостатков).

17. По результатам внутреннего рецензирования и проверки на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения редакционная коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- о направлении материала автору на доработку;
- об отклонении материала.

18. О принятом редакционной коллегией решении автор уведомляется по электронной почте. При направлении материала на доработку, отклонении материала по электронной почте до автора доводятся недостатки, указанные рецензентом, а также результаты проверки материала на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. Сведения о рецензенте автору не сообщаются.

19. Поступивший после доработки материал проходит повторное рецензирование и проверку на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения. По результатам повторного рецензирования коллегия принимает решение:

- об опубликовании материала;
- об отклонении материала.

О принятом решении автор уведомляется по электронной почте.

20. Материалы, по которым редакционной коллегией принято решение об опубликовании, поступают в печать. Опубликование материалов осуществляется бесплатно. Авторское вознаграждение не выплачивается.

21. Рецензии на поступившие материалы направляются авторам в электронном виде после заседания редакционного совета журнала. В целях повышения объективности рассмотрения статей, направляемых на рецензирование, редакция имеет право не сообщать рецензенту фамилию автора статьи.

22. По запросам Министерства образования и науки Российской Федерации рецензии в обязательном порядке предоставляются в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве образования и науки Российской Федерации и/или Министерство образования и науки Российской Федерации.

23. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

24. В отношении иных вопросов, связанных с приемом, рассмотрением, рецензированием и отклонением материалов, редакционная коллегия, редакция с авторами в переписку не вступают, разъяснений не представляют.

25. Материалы и приложения к ним авторам не возвращаются.

Rules for sending, reviewing and publishing scientific articles in the journal «Bulletin of the of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

I. Requirements to materials

I. Requirements to materials

1. The journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» can publish only educational, scientific and informational themes in the scientific area 12.00.00 – Legal Sciences. Materials that do not correspond to the subject matter of the journal are not accepted for consideration.

2. For publication in the journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation» the following materials can be submitted:

2.1. Scientific papers (from 6 to 15 pages of printed text).

2.2. Information about scientific conferences (up to 10 pages of printed text).

2.3. Scientific reviews (up to 5 pages of printed text).

2.4. Other materials on agreement with the editorial staff.

3. The material should not be published earlier or simultaneously be under consideration in another publishing house.

4. The material should be presented in Russian (an abstract and keywords must be translated into English in addition).

5. Each material should contain:

5.1. The universal decimal classification code (UDC) is placed on the first sheet in the top left corner.

5.2. Surname, name, patronymic (last – if available) of the author, his position, academic degree, academic title, special or military rank (at the request of the author) in Russian and English languages are placed on the first sheet in the top right corner.

5.3. The author's mailing address and e-mail address (required) are placed on the first sheet in the top right corner.

5.4. The name of the material in Russian and English is placed on the first sheet.

5.5. An abstract (as a rule, 4-5 lines) in Russian and English languages is placed on the first sheet.

5.6. Keywords (usually 4-6 words) in Russian and English are placed on the first sheet.

5.7. Bibliographic list, issued in accordance with the State Standard (GOST) 7.1-2003 «Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of compilation» are placed on the last sheet of the material. The sources are listed alphabetically in the list.

6. The material must be accompanied by a review of a specialist in the field of research (usually a doctor of sciences or candidate of sciences) certified in accordance

with the established procedure. External reviews may not be attached to materials of the members of the Editorial Council of the journal, the Editorial Board of the journal, and doctors of sciences and candidates of sciences who are scientific and pedagogical specialists in this area. The materials submitted by postgraduates, adjuncts, and applicants are accompanied by a review of the supervisor.

7. For the publication of scientific materials in the journal, it is necessary to submit to the Editorial Board the consent for publication.

8. The material is submitted to the Editor:

8.1. On an electronic optical medium (or by e-mail with information about the author and an article in the subject line), executed in a Microsoft Word text editor with Times New Roman font 2003 and higher or a compatible one, font size 14, line spacing - 1.5; The margins on the left are 3 cm, the top and bottom are 2 cm, the right is 1 cm. The file name is the author's surname and initials. The text of the article uses the «Bibliographic references», which were prepared in accordance with GOST R7.0.5.2008, «subscript bibliographic references, which are placed as a note, taken from the text of the document, at the bottom of the strip.

8.2. On paper, the content is completely identical to the electronic version, made on standard sheets of white A4 paper on one side. On the last sheet the author points out: «The material does not contain information of limited distribution, unauthorized borrowing; is proofread; figures, facts, quotes are verified with the original source»; and puts his signature.

9. With the direction of the material, the author guarantees the absence of illegal borrowing in the manuscript of the work (plagiarism), the proper execution of citation, references to legislation, judicial practice, the correctness of statistical, information-analytical and other data presented in the manuscript.

10. All materials are sent to the editorial office of the journal at the address: Ul. Korepina, 66, Ekaterinburg, Sverdlovsk region 620057, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, editorial and publishing office of the scientific - research and editorial and publishing department. E-mail address: ural-yui@mvd.ru.

II. The order of reception, consideration and review of materials

11. All incoming materials are examined by the Editorial Board within 10 days from the date of receipt for

their compliance requirements. Manuscripts submitted with violation of the requirements are not considered and not returned. The author is notified of the decision by e-mail.

12. Materials that meet the requirements are accepted and sent for peer review.

13. An external review of materials is arranged by the author independently in accordance with clause 6.

14. An internal peer review of materials is organized by the editorial board and is carried out by the members of the Editorial Board, the Editorial Board of the journal, and employees of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

15. An internal peer review is carried out by specialists according to the profile of the material presented. In the process of reviewing a check is made for originality using specialized computer software.

The reviewer reviews the submitted material within twenty working days, and then submits a signed review to the Editorial Office of the journal.

16. The review should contain an objective assessment of the material. In conclusion, the reviewer gives one of the following recommendations:

- on the publication of the material;
- about the direction of the material for revision (in the presence of insignificant shortcomings);
- on the rejection of the scientific material (in the presence of significant shortcomings).

17. Based on the results of the internal review and verification of originality using specialized computer software, the Editorial Board takes a decision:

- on the publication of the material;
- about the direction of the material to the author for revision;
- about the rejection of the material.

18. The author is notified of the decision of the Editorial Board by e-mail. When sending material for revision, rejecting the material by e-mail, the author is informed of the shortcomings indicated by the reviewer, as well as the results of checking the material for originality using specialized computer software. Information about the reviewer is not reported to the author.

19. The material received after revision is re-reviewed and verified for originality using specialized computer software. Based on the results of the second review, the Editorial Board decides:

- publication of the material;
- about the refusal of the material.

The author is notified of the decision by e-mail.

20. The materials on which the Editorial Board decided to publish are sent to the press. Publication of materials is free of charge. The author's reward is not paid.

21. Reviews of the received materials are sent to the authors in electronic form after the meeting of the Editorial Board of the journal. In order to increase the objectivity of reviewing articles sent for review, the Editorial Board has the right not to inform the reviewer of the name of the author of the article.

22. Upon requests of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, reviews are compulsorily submitted to the Higher Attestation Board under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and / or the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

23. The reviews are kept in the editorial office for 5 years.

24. As for other issues related to the receipt, consideration, review and rejection of materials, the Editorial Board, the editorial staff and the authors do not enter into correspondence, they do not provide explanations.

25. Materials and attachments to authors are not returned.

Согласие автора*
о передаче неисключительных прав на использование произведения

(название материала)

ФИО (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Почетные звания	
Место работы, учебы (полное наименование организации), занимаемая должность	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактные телефоны (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данное согласие, я, _____,
(фамилия, имя, отчество)

гарантирую, что являюсь правообладателем исключительных прав на передаваемые в редакцию журнала «Вестник Уральского юридического института МВД России» материалы и выражаю согласие на безвозмездной основе на издание и последующее распространение материалов в печатном виде и использование электронных копий материалов, автором которых я являюсь, в том числе право на размещение их электронной копии в базах данных, представленных в виде научных информационных ресурсов сети Интернет, право на создание электронных копий материалов, кроме того, право на извлечение метаданных (переработку) материалов и использование их для наполнения баз данных, а также право на изготовление репринтных копий.

В соответствии со ст. 160 ГК РФ я допускаю и признаю воспроизведение текста настоящего согласия и подписи на настоящем согласии с помощью использования средств механического, электронного или иного копирования собственноручной подписи и текста согласия, которые будут иметь такую же силу, как подлинная подпись или оригинальный документ. Факсимильные (электронные) копии документов действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

_____/_____/_____
Подпись _____ фамилия, имя, отчество
«__» _____ 20__ г.

* В случае подготовки материала в соавторстве согласие предоставляется каждым из авторов.